

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель – Челябинский государственный
педагогический университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, доцент
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

**Заведующий рубрикой экономики
и управления**

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильиных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Александр Валентинович Павлов
(Тюмень, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Подписано в печать 16.06.2016 г.

Формат 70×108^{1/16}.

Усл. п. л. 8,75. Тираж 500 экз.

Заказ № 1502.

Издание подготовлено к печати
и отпечатано

в ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск,
Свердловский пр., 60.

СОЦИУМ**Зырянов Сергей Григорьевич,
Лукин Анатолий Николаевич**

Гражданское общество
в современной России:
основные сценарии
становления и развития 7

Павлов Александр Валентинович

Межцивилизационная эпоха:
поколение выбора 17

Баркова Валентина Васильевна

Актуальность разработки
философских парадигм
управления социумом 25

Бормотов Игорь Владимирович

Ценностные основания современного
человека: парадигмальный сдвиг 31

Иванова Ольга Эрнстовна

Логико-основанная терапия
как инструмент управления
проблемами 36

Бердин Азат Тагирович

Тенденции и проблемы развития
современной уммы Башкортостана:
фактор салафизма 41

ВЛАСТЬ**Тульчинский Григорий Львович**

Политическое измерение
постсекулярности: консолидация
или дивергенция социума? 46

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

Философия

- С.В. Борисов* – доктор философских наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- Ю.Г. Ершов* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Виктория Лезьер* – доктор философских наук,
профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- А.В. Павлов* – доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В.Д. Попов* – доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.С. Чупров* – доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С.Г. Зырянов* – доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.В. Понделков* – доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О.Ф. Русакова* – доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* – доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А.Ю. Сунгуров* – д. полит.н., профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Е.В. Грунт* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Н.Б. Костина* – доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* – доктор, профессор
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В.Г. Графский* – доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.В. Ковбан* – кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С.В. Кодан* – доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А.Б. Сергеев* – доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О.В. Артёмова* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л.М. Байтенова* – доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л.М. Муталиева* – кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- И.В. Лаврентьева* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Т.Ю. Савченко* – кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С.С. Загребин* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.Н. Лукин* – кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С.В. Нечаева* – кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С.С. Смирнов* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д.В. Тимофеев* – доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Юферева Анастасия Сергеевна

Процессы политической
коммуникации и медиаконвергенция:
исследование аспектов
взаимодействия 50

Шерягин Евгений Андреевич

Партии в современной России:
положение в политической системе 55

Новикова Оксана Николаевна

Игра как атрибут политической
деятельности 61

Багнюк Виталий Евгеньевич

Конфликтологический анализ
критической геополитики 67

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Бухтиярова Татьяна Ивановна,

Дубынина Анна Валерьевна
Формирование модели
инфраструктурной поддержки
малого и среднего
предпринимательства 73

Блинов Андрей Олегович

Инфраструктурное обеспечение
развития российского малого
предпринимательства в условиях
санкций 80

Нестеренко Ирина Юрьевна

Программно-целевое управление
развитием малого и среднего
предпринимательства
на региональном уровне 84

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Пырина Мария Владимировна

Философский подход
в определении
субъекта права и его статуса 91

Черногорцева

Галина Владимировна
Правовое обеспечение
социального партнёрства 98

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

- 09.00.11 – Социальная философия.
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры.
- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки.
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии.
- 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 140.

Ваши материалы направляйте в редакцию по адресу:

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:
(351) 771-42-30

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имён, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная
**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

Дараган Валерий Валерьевич

О формировании региональных программ, направленных на предупреждение коррупции в сфере государственных закупок в Украине106

КУЛЬТУРА

Шичанина Юлия Владимировна

Личностные трансформации в условиях интенсивных межцивилизационных коммуникаций: смысложизненная рефлексия112

Пеннер Регина Владимировна

DE RE AD ABSURDUM: проблема идентичности человека в феномене косплея (онто-антропологический анализ)117

Дыдров Артур Александрович

Сценарии сосуществования homo sapiens и posthuman в дискурсах трансгуманизма123

Лященко Максим Николаевич

Идейно-метафизические предпосылки тоталитарных учений в философской программе Древней Стои129

Ермаков Валерий Иванович

Язык и его роль в развитии научного знания134

Founded by

The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration

Published by

Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration

Copublisher – Chelyabinsk State Pedagogical University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprova
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylynykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
A.V. Pavlov
 (Tyumen, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
 Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.

Passed for printing on 16.06.2016.

Format 70x108^{1/16}
 Reference sheet area 8,75. Issues – 500.
 Order № 1502.

Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk,
 Sverdlovskiy prospekt, 60.

SOCIETY

**Zyryanov Sergey Grigoryevich,
 Lukin Anatoliy Nikolaevich**

Civil society in modern Russia:
 main scenarios of formation
 and development7

Pavlov Aleksander Valentinovich

Intercivilizational epoch: generation of
 choice 17

Barkova Valentina VSilyevna

The importance of working
 out philosophic paradigm
 of managing society25

Bormotov Igor Vladimirovich

Value grounds of a modern man:
 paradigm change 31

Ivanova Olga Ernstovna

Logic-based therapy as a tool
 of handling problems 36

Berdin Azat Tagirovich

Tendencies and problems
 of the development of present-day
 Bashkortostan Ummah: factor
 of Salafism 41

POWER

Tulchinskiy Grigiruy Lvovich

Political measurement of postsecularity:
 consolidation or divergence
 of society?..... 46

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. Borisov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
Yu.G. Ershov – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Victorya Lezyer – Ph.D., Professor
(Folkarkeyre, France)
A.V. Pavlov – Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov – Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.S. Chuprov – Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Ponedelkov – Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova – Ph. D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons – Ph.D., Professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov – Ph.D., Professor
(St.Peterburg, Russia)

Sociology

- E.V. Grunt* – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
N.B. Kostina – Ph. D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza – Ph. D., Professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* – LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban – Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan – LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev – LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova – Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaliev – Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko – Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin – Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* – Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev – Ph. D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Yufereva Anastasiya Sergeevna

Processes of political communication and mediaconvergence: studying aspects of cooperation 50

Sheryagin Evgeniy Andreevich

Parties in modern Russia: situation in political system 55

Novikova Oksana Nikolaevna

Game as an attribute of political activity 61

Bagnyuk Vitaliy Evgenyevich

Conflictological analysis of critical geopolitics67

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Bukhtiyarova Tatyana Ivanovna, Dubynina Anna Valeryevna

Forming a model of infrastructural support of small and medium business73

Blinov Andrey Olegovich

Infrastructural supporting for developing Russian small business in the context of sanctions 80

Nesterenko Irina Yuryevna

Programmed and target management of the development of small and medium business on the regional level 84

STATE AND LAW

Pyrina Mariya Vladimirovna

Philosophic approach when defining the subject of law and his status 91

Chernogortseva Galina Vladimirovna

Legal groundwork for social partnership ...98

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 140.

Send your articles to the editor's office at:

454071, Chelyabinsk, PO 6511
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price
**Subscription index
in Russia
46536**

Daragan Valeriy Valeryevich

On the formation of regional programs aimed at anticipating corruption in the sphere of public purchases in Ukraine ..106

CULTURE

Shichanina YuliyaV Iadimirovna

Personal transformations in the context of intensive civilizational communications: life-purpose reflexion .112

Penner Regina Vladimirovna

De re ad absurdum: the problem of human identity in the phenomenon of cosplay (onto-anthropological analysis) 117

Dydrov Artur Aleksandrovich

Scenarios of homo sapiens and posthuman co-existence in discourses of transhumanism 123

Lyaschenko Maksim Nikolaevich

Ideological and metaphysical background of totalitarian theories in philosophic program of Ancient Stoa 129

Ermakov Valeriy Ivanovich

Language and its role in the development of scientific knowledge 134

УДК 316.3

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ СЦЕНАРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Зырянов Сергей Григорьевич,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
директор,
доктор политических наук, профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: director@rane74.ru

Лукин Анатолий Николаевич,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры
государственного управления,
правового обеспечения государственной
и муниципальной службы,
кандидат культурологии, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: anlukin@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается ситуация с состоянием и основными тенденциями развития гражданского общества в современной России, а также традиционные и новые механизмы формирования гражданской активности и институтов гражданского общества. Для иллюстрации ряда положений используются данные авторских социологических исследований, проведённых в Челябинской области.

Ключевые понятия:
гражданское общество,
гражданская активность,
институты гражданского общества.

Несмотря на большое количество научных публикаций, исследовательский интерес к проблемам развития гражданского общества в России не ослабевает. При этом специалисты существенно расходятся в своих оценках уровня сформированности и степени влияния российских институтов гражданского общества на власть, примером чего является как отрицание самого факта наличия системного и структурированного гражданского общества, так и признание в России факта значительных позитивных сдвигов в этой области и утверждение о возникновении нового, демократического консенсуса между властью и обществом.

До сих пор в научной среде идёт дискуссия об определении понятия «гражданское общество». Тем не менее большинство специалистов отмечают, что гражданское общество возникает на определённой степени развития социума. Эта идея появляется уже А. Смита, Г. Гегеля, А. Фергюсона и др. Обязательные условия его появления – наличие у граждан развитых интеллектуальных, моральных, политических и культурных качеств, а также наличие относительно высокого уровня экономической независимости и благополучия граждан, свобода, гарантированная юридической защищённостью правового статуса. Всё это позволяет гражданам добиваться определённого уровня взаимодействия и сплочённости друг с другом через создание институтов гражданского общества, использование гражданских практик и осуществление действий по реализации своих интересов, не зависящих от государства. При этом граждане находятся в постоянном диалоге и взаимодействии с институтами власти. Среди важнейших базовых условий для становления гражданского общества отметим наличие демократического правового государства, плюрализм мнений и устойчивую традицию поиска консенсуса при принятии важнейших общественных решений, затрагивающих интересы населения, настроенность власти на восприятие и учёт интересов граждан и высокую гражданскую активность последних, опирающуюся на имеющиеся у человека гражданские качества – солидарность, доверие, ответственность, честность, независимость суждений, гуманность и т.п. Особо в процессе становления и функционирования гражданского общества стоит выделить наличие правового государства как атрибутивного условия формирования структурированного по интересам и активно действующего

гражданского общества. Немецкий мыслитель Карл Шмитт настаивал на том, что «только последовательное осуществление правового государства предотвращает последовательное осуществление принципа политической формы, так что существуют лишь умеренные монархии и демократии, то есть скованные и изменённые посредством принципов правового государства, если действительно признаётся и осуществляется принцип гражданской свободы» [6, с. 36]. Правовое государство призвано исключить возможность правящей элиты иметь монопольное право на принятие важнейших для общества решений, оно существенным образом ограничивает потенциал государственных институтов контролировать частную и публичную жизнь граждан, а гражданское общество как раз и берёт эту функцию на себя.

В идеале институты гражданского общества – это совокупность горизонтальных сетевых структур, и они в ходе своей деятельности не претендуют на политическую власть, которая иерархизирована, и в большей степени проявляют себя в своей гражданско-горизонтальной нише в социальной, духовной и экономической сферах, обеспечивая оптимальное сочетание государственно-общественных, экономических и социальных, а также индивидуально-личностных интересов. Конечно, структуры гражданского общества при этом в той или иной степени могут и будут влиять на принимаемые властью решения, затрагивающие их интересы, но прежде всего в качестве экспертов, партнёров по диалогу и т.п. Видимо, нельзя исключать случаев, когда структуры гражданского общества (при игнорировании их интересов политической элитой и нарастании социальной напряжённости у граждан) могут переориентироваться на открытое давление на власть, что происходило, например, совсем недавно, в майские дни 2016 года во Франции, в связи с предложенной властью реформой трудового законодательства. Но если они начинают делать это системно, то перестают быть элементами гражданского общества, а становятся основой новых политических партий или движений. Правда, есть случаи, когда гражданская активность приводит к включению в открытую борьбу за власть. Такая метаморфоза произошла с профобъединением «Солидарность» в Польше в 80-х годах прошлого века. Но эта практика характерна скорее для авторитарных политических режимов. В таком случае, после окончания социального и

политического противостояния, гражданское общество переформатируется заново, освобождаясь от не свойственных ему политизированных структур.

В принципе, проблеме определения понятия «гражданское общество» можно уделить отдельное исследование [2, с. 7–14]. Мы же в этой статье в качестве рабочего используем такое определение: «Гражданское общество – это, прежде всего, некий идеальный тип, определенная концептуальная модель. Гражданское общество – это такое состояние социальной свободы человека, которое делает его правовой статус равным правовому статусу государства и приводит их отношения в равновесие возможностей, прав и ответственности на основе соблюдения закона, защищающего личность от чрезмерного вмешательства и регламентирования её повседневной (гражданской) жизни. Это социальный демократический организм, существующий в режиме диалога между совокупностью самостоятельных, самоорганизующихся неполитических организации и отношений, с одной стороны, и институтов государственной власти – с другой [2, с. 14]. При таком подходе к определению открывается возможность сравнивать, насколько современное российское общество соответствует идеалу, стандартным требованиям к нему, сформировавшимся в международной практике. Кроме того, опираясь на социологические исследования разных лет, мы получаем возможность осуществить динамический анализ – определить, на каком отрезке пути к желаемому состоянию гражданского общества находится тот или иной социум.

Процесс становления гражданского общества означает отказ и постепенное преодоление политических, социальных и правовых практик, свойственных негражданскому обществу. В. Полохало в своей давней статье отмечает следующие характерные свойства украинского негражданского общества:

– сосредоточенность людей на естественном стремлении просто выжить здесь и теперь формирует феномен массовой (и осознанной) личностной приверженности поразительному самоограничению в жизненных потребностях, точнее говоря – феномен самоотжествления с такими установившимися образцами поведения, которые сами по себе исключают появление гражданской идентичности, подавляя даже ростки гражданского сознания [4, с. 26];

– «теневилизация» украинского негражданского общества – не только проявление «культурной традиции коммунизма», а прежде всего как следствие нынешних социополитических трансформаций, означает: самостоятельным политическим актором оно быть не способно. Оно самодостаточно и самостоятельно в своём негражданском измерении, проявляя сервильную солидарность с элитами, морально и политически оправдывая недемократические формы и стиль властвования [4, с. 29];

– монополизация демократических процедур «партией власти» [4, с. 30];

– закрытость для общественности процессов формирования и функционирования властных структур; доминирование принципа фаворитизма в кадровой политике [4, с. 31];

– нетранспарентные формы согласования и принятия решений правящей элитой, базирующиеся на поддержке со стороны тех или иных групп влияния; сращивание бизнеса, в том числе теневого, с властью, и как следствие – возникновение «олигархических» кланов, главенствующих в политическом процессе и в экономической сфере [4, с. 31–32];

– отсутствие системы реальной защиты официально декларированных прав человека со стороны политических институтов; игнорирование прав личности; фактическая подконтрольность судебной ветви власти посткоммунистической «олигархии» [4, с. 32].

Мы полагаем, что этими признаками характеризуется и современное российское общество, можно только уточнить масштаб и интенсивность их проявления. Если повысить уровень абстракции при характеристике негражданского общества, то это общество:

– в котором управление осуществляется с помощью насилия в разных формах его проявления;

– в котором практикуется подавление личности;

– устанавливается практика жёсткого контроля за общественной и личной жизнью граждан;

– применяется скрытая цензура СМИ и СМК;

– преследуются граждане и общественные структуры, критикующие политический курс власти, и т.п.

Таким образом, процесс формирования гражданского общества означает постепенное изживание и отказ от негражданских ценностей и практик.

Среди специфики формирования институтов гражданского общества в современной России следует отметить особую роль в этом процессе государства. В принципе, гражданское общество по-другому и не может развиваться, как через взаимодействие политически активной части населения с государственной властью, выстраивание диалога, постепенный переход от отношений зависимости от власти к поиску консенсуса и постепенное, поэтапное согласование интересов. Однако теоретически, да и практически здесь возможна реализация двух базовых сценариев. Первый предполагает относительно самостоятельное достижение гражданами высокого уровня автономизации, самоорганизации и саморегуляции общества. Инициатива и решающий вклад в формирование институтов гражданского общества при этом принадлежат субъектам, находящимся за пределами официальных властных структур. «Повестка дня» диалога с властью формируется при серьезном давлении со стороны не зависимых от государства неполитических структур. Это позволяет различным социальным группам отстаивать свои интересы последовательно, полно, и когда требуется – достаточно жёстко. Но на этом пути иногда возникает опасность того, что взаимодействие институтов гражданского общества и государства будет приобретать конфронтационный характер, с возможностью дальнейшего его нарастания. Кроме того, в странах, преодолевающих авторитарно-тоталитарный синдром, не имея серьёзной экономической основы своей деятельности, объединения граждан будут вынуждены принимать финансовую помощь различных (в том числе зарубежных) фондов, которые, в свою очередь, могут влиять на цели и содержание деятельности данных гражданских структур. Властвующая элита будет использовать этот фактор для выстраивания эффективной контрпропаганды против всего формирующегося гражданского общества. Собственно, в наше время экспорт так называемых «цветных революций» осуществляется, как правило, под предлогом помощи развитию институтов демократии и гражданского общества.

Но может ли правящая элита отказаться в таком случае от самой идеи развития гражданского общества под предлогом сохранения стабильности в социуме и предотвращения попыток негативного влияния на граждан извне? В условиях развития современных коммуникаций, возрастания

уровня образованности людей, их правовой культуры и, как следствие этого, собственной самооценки подобное представляется маловероятным. Под влиянием успешного опыта развития экономически и политически наиболее состоятельных государств в массовом сознании многих людей ценность гражданской ответственности и развитого гражданского общества стала самоочевидной. Эту точку зрения не могут не разделять те, кто имеет современное образование, кто посещал европейские страны и знакомился с условиями их повседневной жизни. Среди основных каналов, по которым опыт развитых стран распространяется по миру, можно отметить дипломатическую деятельность, торговлю, деловые форумы, военное сотрудничество, международное обучение, научные конференции, деловые поездки, путешествия, семейные связи, искусство, профессиональные встречи, СМИ, новые СМК и т.д. Интенсивность таких контактов стремительно возрастает. На наш взгляд, невозможно остановить диффузию успешных практик структур гражданского общества из развитых стран по всему миру. Таковы базовые тенденции модернизации и глобализации. Модернизация рассматривается специалистами как «система эпохальных нововведений, возникших в Новое время на территории Западной Европы и распространившихся по всему миру. Диффузия может быть определена как импорт и распространение инноваций в обществе при непосредственном контакте участников взаимодействия или опосредованно через различные средства передачи информации» [1, с. 6]. Диффузия инноваций в сфере демократии и гражданского общества не в меньшей степени объясняется потребностями конкретного социума в углублении диалога власти и общества, растущей потребностью согласования интересов государства и различных социальных групп и т.д. Когда имеется готовый, выработанный веками положительный опыт решения подобных проблем, то естественной кажется желание и готовность его широкого заимствования.

Однако понятно, что диффузия инноваций в сфере гражданской жизни общества – это сложный и противоречивый процесс. Иногда в социокультурной среде страны-реципиента возникает ситуация отторжения импортируемых социальных институтов и технологий, стандартов и

поведенческих практик. Традиционные установки и ценности могут противоречить внешним заимствованиям, укладам и ценностям жизни другого общества. Например, глубоко укоренившиеся в ментальности российского общества православные традиции плохо совместимы с идеей публичной политической конкуренции. Впрочем, это вовсе не отрицает неизбежности диффузии как этого, так и иных стандартов общественно-политической жизни как таковой. Просто заимствование не должно происходить механически. Политический и социальный опыт должен быть видоизменён и адаптирован к конкретным условиям, тогда и произойдёт его постепенное включение и интериоризация в социальные и политические практики.

Целесообразность развития институтов гражданского общества объясняется и чисто экономической выгодой. Так, по мнению экспертов, до 1,5% возрастает ВВП развитых стран за счет участия людей в благотворительности, т.е. самофинансирования гражданским обществом своей деятельности, и до 0,8% увеличивается ВВП наиболее развитых стран мира при возрастании уровня доверия к власти на 10%¹.

Таким образом, невозможно отказаться от самой идеи развития гражданского общества как института функционирования социума. Но если процесс самоорганизации граждан и их гражданская активность начинают представлять определённую угрозу для политического режима, стабильности и сохранения привилегированного положения правящей элиты, то реализуется второй сценарий развития гражданского общества, при котором инициатива создания его институтов переходит, в основном, самому государству. При этом не возникает проблем финансирования деятельности таких институтов. В качестве источника используются государственный и региональные бюджеты. Что также становится мощным инструментом влияния на цели и содержание деятельности возникающих гражданских структур. Например, задуманные как институты гражданского общества, органы местного самоуправления современной России (в своем абсолютном большинстве) сильно зависят от дотаций в местный бюджет и в результате этого в значительной мере утрачивают свою самостоятельность от органов власти субъектов федерации в решении вопросов местного

¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2015 год. [Текст]. М., Общественная палата Российской Федерации, 2015. С. 45.

значения. Нам представляется, что декларация в современной России органов местного самоуправления в качестве институтов гражданского общества пока не нашла должного, достаточно широкого и устойчивого подкрепления на практике. В сознании многих российских граждан современная муниципальная власть скорее отождествляется с государственной властью, или как минимум с чем-то абсолютно зависимым от неё и подчиняющимся ей. Самостоятельность в решении вопросов местного значения оказалась на практике относительной и неочевидной, несмотря на принятие соответствующих законов, а государственная власть на этом фоне предпринимает новые шаги по усилению зависимости, например, лишает граждан права прямого выбора глав муниципальных образований.

В случае когда в условиях нестроеного правового государства инициатива формирования элементов гражданского общества исходит от самой власти, то быстро и эффективно формируется нормативно-правовая база деятельности появившихся на основе властных инициатив гражданских организаций и объединений. При этом граждане видят, что создаваемые институты гражданского общества открывают новые социальные лифты для наиболее активной части населения. В недрах формируемого по данному сценарию гражданского общества зарождается экспертное сообщество, опираясь на мнение которого можно принимать более взвешенные решения во всех сферах общественной жизни. Можно предположить, что даже при отсутствии политической конкуренции, под влиянием структур гражданского общества власть становится относительно более открытой. Конечно, появление таких институтов, как, например, общественные палаты – это тоже определённый сдвиг на пути формирования российского гражданского общества. Однако, как отмечает А.Ю. Сунгуров, «общественные палаты характерны для стран с гибридным политическим режимом – или режимом электорального авторитаризма. В странах с реальным демократическим режимом функции общественного контроля с успехом выполняет политический контроль со стороны оппозиционных политических партий. Эти же партии, которые обладают реальными шансами стать правящими в результате честных выборов, стараются выявить общественно-политические проблемы, внимание к которым может им помочь завоевать голоса избирателей. Об-

суждение же возможных вариантов их решений происходит в настоящем «месте для политических дискуссий» – в парламентах этих стран» [5, с. 344–345].

Для центральной власти в таком большом по территории и национальному составу государстве, как Россия, важно также контролировать политическую и экономическую активность региональных элит. Подобную функцию помогает выполнять Общероссийский народный фронт, активисты которого имеют возможность информировать Администрацию Президента (а иногда и самого президента) о выявленных злоупотреблениях, фактах коррупции, недостатках и упущениях в деятельности региональных властей. Так, удивительным образом это объединение не только осуществляет общественный контроль за деятельностью институтов региональной власти, но и одновременно помогает осуществлять государственный контроль со стороны Администрации Президента, заодно способствуя повышению уровня доверия населения к руководителю страны, для поддержки избирательной кампании которого и создавалось данное объединение. Выполнив первоначальное своё предназначение, оно сохранилось в изменённом дизайне и стало приобретать новые функции.

К недостаткам второго пути формирования институтов гражданского общества (при отсутствии явных и устойчивых признаков становления правового государства) стоит отнести стремление властной элиты взять под собственный контроль деятельность общественных организаций и объединений через влияние на процесс формирования их кадрового состава, запретительную по духу правовую регламентацию деятельности «неправильных» общественных организаций, широкое освещение и осуждение их в СМИ как вредных, распространяющих чуждые ценности и т.д. Часто недостатком институтов гражданского общества, создаваемых государством, становятся формализм, невысокий авторитет в глазах населения, иногда даже слабая информированность широких масс о деятельности его структур, выбор ими неадекватной реальности повестки дня. В связи с этим у некоторой части активных граждан формируется ощущение неподлинности, искусственности нашего российского гражданского общества, что порождает желание оппонировать не только власти, но и «карманным», по их мнению, суррогатным симулякрам сформированных таким образом институтов гражданского общества.

Однако этой категории граждан теперь приходится оппонировать не только государственным властным структурам, но и тому кругу формальных общественных структур, которые были сформированы властью. Таким образом, создаваемые не просто при поддержке государства, но и при его решающей роли институты гражданского общества, с одной стороны, выполняют роль своеобразного клапана, через который выпускается некоторое количество «пара» недовольства граждан деятельностью власти, а также создается многоканальная иллюзия обсуждения острых политических и социальных проблем и всячески демонстрируется деятельность «суверенно-демократического» и «патриотичного» гражданского общества. Скорее всего, при реализации подобного сценария формирования гражданского общества мы имеем дело с его превращенной формой (К. Маркс), суть которой состоит в том, что «здесь происходит своеобразная инверсия, трансформация зависимого отношения в независимое, исторически первичного в производное, а производного в главенствующее, в результате которой форма приобретает самостоятельное, независимое от содержания существование, становится выражением иного содержания, нежели то, которое исторически, и по существу является её основанием, её действительным содержанием» [3, с. 526]. С другой стороны, даже такие зависимые от власти институты, ограничивая в какой-то степени произвол государства, всё-таки открывают для граждан некоторые локальные новые возможности отстаивать свои гражданские частные и корпоративные интересы. Формируются новые публичные площадки для диалога власти и общества по самым разным проблемам. Так, например, для содействия развитию малого и среднего бизнеса Общественная палата Российской Федерации совместно с Общероссийской общественной организацией малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России» и Агентством стратегических инициатив реализует проект «Бизнес-Успех». В рамках проекта проходят девять ежегодных окружных форумов, объединяющих представителей различных уровней власти, предпринимателей, экспертов и общественных объединений для конструктивного диалога по актуальным вопросам развития малого бизнеса в регионах России. За пять

лет реализации проекта было получено почти 10 000 заявок на соискание премии, а более двухсот историй успеха получили всероссийскую известность². Сотни таких проектов реализуются благодаря функционированию институтов гражданского общества, пусть отчасти зависимых от органов власти, но приносящих пользу конкретным гражданам и организациям. Важна также публичность обсуждения проблем, касающихся частной жизни граждан, что при поддержке центральной власти создаёт эффект давления гражданского общества, пусть и локального, на региональные или муниципальные органы власти. На октябрь 2015 года в России зарегистрировано более 226 тыс. некоммерческих и общественных организаций, что в целом соответствует состоянию их численности и в 2014 году³. Заметного роста количества общественных структур уже давно нет. Это в сравнении с экономически и политически более развитыми странами на порядок меньшее количество структур гражданского общества. Но уже сам факт существования сотен тысяч гражданских объединений свидетельствует о разнообразии форм и направлений деятельности общественных организаций, что подтверждают и данные наших социологических исследований (табл. 1).

Приведенная социологическая статистика свидетельствует о наличии множества институтов гражданского общества, фиксируемых информантами, функционирующих с различным эффектом в разных сферах социальной жизни. Но устраивает ли граждан нынешнее положение дел с уровнем сформированности гражданского общества? Вопрос скорее риторический. Можно привести массу фактов, свидетельствующих о слабом уровне защищенности прав граждан и организаций в нашем российском обществе.

Некоторые проблемы в развитии гражданского общества высвечены по результатам социологического исследования, проведенного в конце 2015 года лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС. Полученные данные можно сравнить с результатами аналогичного исследования, проведенного тремя годами ранее. Вот данные опроса 2015 года, приведенные в сравнении с 2012 годом (табл. 2).

Данные таблицы достаточно убедительно иллюстрируют две взаимодополняющие тен-

² Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2015 год. [Текст]. М., Общественная палата Российской Федерации, 2015. С. 23–24.

³ Там же. С. 46.

Таблица 1

Основные сферы деятельности социально ориентированных НКО⁴

Направления деятельности социально ориентированных НКО, %	
Деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина, правовое просвещение	29
Поддержка общественно значимых молодежных инициатив	24
Деятельность в сфере образования, просвещения, науки, содействие такой деятельности	23
Благотворительная деятельность	23
Развитие добровольчества	22
Деятельность в области физической культуры и спорта, содействие такой деятельности	18
Повышение качества жизни людей пожилого возраста и инвалидов	17
Профилактика социально опасных форм поведения граждан, содействие такой деятельности	16
Деятельность в области здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан	14
Охрана окружающей среды и защита животных	13
Деятельность в области культуры и искусства, содействие деятельности в этой сфере	13
Социальная поддержка семьи, материнства и детства	11
Сохранение и развитие самобытности, культуры, языка и традиций народов	6
Развитие территориального общественного самоуправления	5
Деятельность в области патриотического воспитания и духовно-нравственного развития	3

Таблица 2

Оценка возможностей и условий для проявления гражданской активности в России⁵

	2015 год	2012 год	Разность
1. С каким из предложенных мнений Вы согласны в наибольшей степени?			
в нашей стране есть все условия, чтобы реализовать себя как свободного полноправного гражданина	11,3	7,2	4,1
в нашей стране есть все условия для гражданской активности, но граждане не стремятся проявлять ее	25,0	14,0	11,0
условия для гражданской активности есть	36,3	21,2	15,1
граждане готовы проявить гражданскую активность, но в нашей стране нет для этого условий	19,8	27,8	-8,0
большинство граждан является простыми винтиками государственной машины	33,3	42,1	-8,8
условий для гражданской активности нет	53,1	69,9	-16,8
затрудняюсь ответить	10,6	8,9	1,7

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Состояние гражданского общества в Челябинской области. Результаты социологического опроса населения Челябинской области, проведенного в период с 2 по 7 ноября 2015 года. Опрошено 700 респондентов. Статистическая погрешность данных: ±4%.

Оценка сформированности гражданского общества

Как Вы оцениваете состояние гражданского общества в вашем городе (районе)?			
гражданское общество сформировалось и активно действует	1,0	2,5	-1,5
гражданское общество сформировалось, но действует недостаточно активно	21,0	14,3	6,7
гражданское общество сформировалось	22,0	16,8	5,2
гражданское общество находится в стадии становления, наблюдается активность отдельных общественных объединений и граждан	33,3	30,4	2,9
гражданского общества нет	20,7	27,7	-7,0
гражданское общество пока не сформировалось	54,0	58,1	-4,1
затрудняюсь ответить	24,0	25,1	-1,1

денции: во-первых, рост оценок о наличии в российском обществе условий для гражданской активности за три года составил 15,1%. В составе респондентов, выбравших данные позиции, больше только тех респондентов, кто имеет средний уровень материального положения. Во-вторых, снижение количества респондентов, полагающих, что условий для гражданской активности нет, на 16,8% (табл. 3).

2,5%. Но обе цифры меньше статистической погрешности, что отражает маргинальность данного мнения и, видимо, маргинальность самого явления. Однако почти пятая часть опрошенных в той или иной степени считает, что гражданское общество в городе, районе, где они живут, сформировалось. По социальному составу в этой группе большим представителем выделяются молодые респонденты, рабочие промышленных пред-

Таблица 4

Оценка эффективности деятельности структур гражданского общества

Какова, на Ваш взгляд, эффективность деятельности большинства общественных организаций на территории вашего города (района)?			
очень эффективна	2,3	1,9	0,4
скорее эффективна	16,7	15,0	1,7
эффективна	19,0	16,9	2,1
скорее неэффективна	20,5	28,3	-7,8
совсем неэффективна	14,5	24,0	-9,5
неэффективна	35,0	52,3	-17,3
затрудняюсь ответить	46,0	30,8	15,2

Обращаясь к данным, представленным в таблице 3, следует отметить крайне небольшой процент тех респондентов, которые выбрали позицию «гражданское общество сформировалось и активно действует». Их только 1%, а в 2012 году было чуть больше –

приятый и те, кто имеет средний уровень материальных доходов. А вот 54,0% – группа тех, кто уверен, что гражданское общество пока не сформировалось, не имеет социально-демографических характеристик, отличающих её от средних по выборке (табл. 4).

Итак, около пятой части опрошенных считают деятельность общественных организаций эффективной. В ее составе больше, чем в других группах, представлены респонденты с высшим образованием и средним уровнем материальной обеспеченности. Кроме того, в неё вошли 40,7% представителей группы, уверенных, что гражданское общество сформировалось. А вот отличие социального состава группы, полагающей, что деятельность общественных организаций неэффективна, назовём их гражданскими скептиками, только в одном – в её составе больше респондентов со средним специальным и неполным высшим образованием.

Приведенные результаты опроса, с одной стороны, свидетельствуют о низких оценках состояния гражданской активности населения Челябинской области, о том, что жители региона пока располагают небольшим объёмом информации о деятельности первоосновы гражданского общества – общественных объединений. Одновременно это свидетельствует о невысокого уровня оценки эффективности их деятельности. А ведь высокий уровень гражданской активности, правовая грамотность, общий уровень гражданской образованности населения – это, как отмечалось нами ранее, атрибутивные условия становления и функционирования развитого гражданского общества. Хотя за последние три года в Челябинской области и произошли положительные изменения во мнении граждан о наличии условий для гражданской активности, более половины респондентов (53,1%) всё ещё считают, что в России необходимых условий для проявления гражданской активности пока нет. И только 19% опрошенных жителей оценивают деятельность общественных организаций в своём городе (районе) как эффективную. Если только 25% граждан проинформированы о самом факте действия закона об общественном контроле за деятельностью власти, а более 65% о нём даже не слышали до проведения опроса⁶, то это повод задуматься о несовершенстве системы доведения до населения содержания таких значимых для общественной

гражданской жизни законов или о других причинах, порождающих подобную ситуацию информационной атаки. С другой стороны, понятно, что эти данные фиксируют в большей степени внешнюю оценку феномена российского гражданского общества. Это как бы взгляд на него со стороны, отчасти сформированный направленными информационными потоками и грамотно подобранными идеологемами. Подобные оценки фиксируют, к тому же, только превращённую форму российского гражданского общества. И с ними контрастирует реальная вовлечённость населения в гражданскую деятельность, когда только 0,8% опрошенных жителей области считают себя членами общественных организаций⁷. Таким образом, развитие российского общества в нашей стране от негражданского состояния к гражданскому – это сложный и противоречивый процесс, реализуется он по второму сценарию, и идёт он неравномерно во времени и пространстве. Наряду с очевидными позитивными изменениями в обществе, остаётся много проблем и противоречий, решение которых требует их обсуждения на самых разных площадках, организуемых не только правящей элитой, но и не зависимыми от неё организациями и гражданскими объединениями. Возрастание участия граждан в принятии важных для социума решений через самоорганизацию, поиск консенсуса в обществе по судьбоносным вопросам предполагает не только действия властей сверху, но и активизацию инициативы снизу, а также формирование внимательного и уважительного отношения к гражданским инициативам со стороны власти, то есть постепенный переход к первому сценарию развития гражданского общества.

Решение проблемы формирования гражданского общества стоит на развилке выбора – повторять европейский опыт, идти по пути заимствования, или использовать, по примеру Китая, свою социально-историческую матрицу для формирования гражданственности. Возможно ли это? Что нужно сделать, от каких практик отказаться, какие, наоборот, стимулировать или развивать? Ответа пока нет.

⁶Социокультурный портрет Челябинской области. Результаты опроса населения Челябинской области, проведенного в период с 15 по 25 июля 2014 года. Статистическая погрешность $\pm 3\%$. Работа выполнена в соответствии с типовой программой и методикой Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук.

⁷Социокультурный портрет Челябинской области. Результаты опроса населения Челябинской области, проведенного в период с 15 по 25 июля 2014 года. Статистическая погрешность $\pm 3\%$. Работа выполнена в соответствии с типовой программой и методикой Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук.

1. Алексеева, Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). [Текст] / Е.В. Алексеева. М.: РОССПЭН, 2007. 368 с.

2. Зырянов, С.Г. Гражданское Общество в современной России: состояние и перспективы развития (региональный аспект) [Текст] / С.Г. Зырянов, О.В. Осипов. Челябинск: Челябинский институт (филиал) ФГОУ ВПО «Уральская академия государственной службы», 2010. 161 с.

3. Маркс, К. Полное собрание сочинений. Т. 26. Ч. III. [Текст] / К. Маркс, Ф.Энгельс. Москва: Издательство политической литературы, 1964. 681 с.

4. Полохало, В. Негражданское общество как социополитический феномен Украины (Отражение социального характера «среднего» украинца в избирательном процессе). – Полис. Политические исследования. 1999. № 6. С. 25–32

5. Сунгуров, А.Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и иные институты-медиаторы [Текст] / А.Ю. Сунгуров. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 283 с.

6. Шмитт, К. Государство и политическая форма [Текст] / К. Шмитт. М.: Изд. Дом Гос унта – Высшей школы экономики, 2010. 272 с.

7. Яковенко, И.Г. Познание России [Текст] / И.Г. Яковенко. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. 671 с.

References

1. Alekseyeva Ye.V. (2007) Diffuziya yevropeyskikh innovatsiy v Rossii (XVIII – nachalo XX v.), Moscow, ROSSPEN, 368 p. [in Rus].

2. Zyrjanov S.G., Osipov O.V. (2010) Grazhdanskoe obshchestvo v sovremennoj Rossii: sostojanie i perspektivy razvitiya (regional'nyj aspekt), Cheljabinsk, Cheljabinskij institut (filial) FGOU VPO «Ural'skaja akademija gosudarstvennoj sluzhby», 194 p. [in Rus].

3. Marks K. (1964) Polnoe sobranie sochinenij. T. 26. CH. III. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 681 p. [in Rus].

4. Polohalo V. (1999) Polis. *Politicheskie issledovaniya*. no. 6, pp. 25–32 [in Rus].

5. Sungurov A.YU. (2015) Kak vznikayut politicheskiye innovatsii: «fabriki mysli» i inyye instituty - mediatory, Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 283 p. [in Rus].

6. Shmitt K. (2010) Gosudarstvo i politicheskaja forma, Moscow, Izd. Dom Gos un-ta – Vysshej shkoly jekonomiki, 272 p. [in Rus].

7. Yakovenko I.G. (2012) Poznaniye Rossii, Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 671 p. [in Rus].

UDC 316.3

CIVIL SOCIETY IN MODERN RUSSIA: MAIN SCENARIOS OF FORMATION AND DEVELOPMENT

Zyryanov Sergey Grigoryevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk Branch, Director, Doctor of Political Science, Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Lukin Anatoliy Nikolaevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk Branch, Associate Professor of the Department Chair of Public Administration, Legal Groundwork for State and Municipal Service, Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: anlukin@mail.ru

Annotation

The article deals with the main tendencies of developing a civil society in modern Russia and mechanisms of forming its institutions.

Key concepts:

civil society,
citizen advocacy,
institutions of civil society.

УДК 130.2

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ЭПОХА: ПОКОЛЕНИЕ ВЫБОРА

Павлов Александр Валентинович,
Тюменский государственный университет,
Институт филологии и журналистики,
кафедра философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Аннотация

Проблема статьи – диагностика
современного состояния России.
Предмет – межцивилизационная эпоха.
Метод – полифокальная социология
современности. Результат – оценка
перспектив цивилизационного выбора.

Ключевые понятия:

цивилизация,
межцивилизационная эпоха,
поколение,
первичная и вторичная легитимность,
делегитимация.

1.

Сначала коротко о самом концепте межцивилизационной эпохи¹.

После статьи С. Хантингтона о столкновении цивилизаций [3], стало ясно, что само по себе такое столкновение малосущественно. Однако оно приобретает гораздо большее значение, если сосредоточить внимание на том обстоятельстве, что в нем у обеих цивилизаций меняются культурные коды, и начинается их переход в *межцивилизационное состояние*, когда каждая из них, по сути, рассыпается на множество отдельных субъектов и реорганизуется. А в дальнейшем их развитие зависит больше от воли этих субъектов, чем от внешних по отношению к ним исторических или географических факторов.

В этот момент история раскрывает свой сочиненный характер и теряет легитимность в глазах людей, а на передний план выходит их современность. На этом основании Е.Н. Яркова, например, считает, что культурой межцивилизационной эпохи является постмодерн. Прежде всего, замечу, что это – межцивилизационная эпоха, и она никак не может быть «определенным историческим периодом в рамках развития одной и той же цивилизации» [6, с. 1496] (точка зрения, которую Е.Н. Яркова почему-то мне приписывает).

Если говорить о постмодерне, то в России это скорее 1970–80 гг., поздний СССР, полный уже тотальным неверием в идеалы коммунизма (делегитимацией, по Ж-Ф. Лиотару) и формальной игрой, основанной на перформативных (декларативных) и прескриптивных высказываниях. Основные коды модернистской культуры в состоянии постмодерна сохраняются [1, с. 283, 284], они, конечно, в силу своей делегитимации работают плохо, но цивилизация на этой фазе еще существует – просто по инерции. Исторические метанарративы вдруг осознаются, становятся видны и, как следствие, подвергаются сомнению, но никому не приходит в голову их менять.

Межцивилизационная же эпоха – слом культурных кодов, цивилизации здесь нет, есть частная цивилизованность или отсутствие оной, есть воспоминания, сожаления, мечты, иногда – воля, однако у каждого – своя. Отсюда, из взаимного противоборства частных субъектов, проистекает и безудержная лихость таких эпох, но отсюда и их оптимизм. В отличие от веселого межвременья, где господствует надежда, постмодернистское со-

¹ См., напр., мои статьи: Цивилизация и межцивилизационная эпоха // Вестник Пермского университета. Сер. Философия. Психология. Социология. 2012. № 3. С. 17–26. Российский сюжет. Ч. 1. // Социум и власть. 2004. № 4. С. 87–96. Российский сюжет. Ч.2. // Социум и власть. 2005. №1. С. 86–91. Полифокальная социология современности. // Социум и власть. 2013. № 4. С. 5–13.

стояние наполнено чувством безнадежности, бесперспективности, исторического тупика. Легитимация, необходимая для того, чтобы цивилизация опять восстановилась, осуществляется каждым человеком этой эпохи не на основе исторических метанарративов, а на основе взаимного убеждения и уговаривания партнеров, в дискурсе, и подчиняется логике дискурса, провокационной по существу. *Это эпоха неизбежной экзистенциальной революции, т.е. кардинального изменения типа мировоззрения и смысловых ориентиров*, которую отличают социокультурный хаос, цивилизационный выбор и формирование из хаоса новых культурных кодов и цивилизационных норм, или окончательный распад.

Легитимирующие идеи, возникающие в диалоге по мере взаимного убеждения, со временем уходят в прошлое, отношение к ним со стороны новых поколений лишается скептицизма и критичности; они становятся привычными и превращаются в новый исторический метанарратив, морально обосновывающий текущую упорядоченность современности.

2.

Цивилизация – это, на мой взгляд, привычный порядок общественной жизни, закреплённый сложившимися на его основе институтами. Ее источник – убежденность людей в необходимости определенного порядка, обусловленная легитимностью как исторических метарассказов, так и современных дискурсов, и легитимирующая в свою очередь коммуникации и институты. Этот порядок субъективен: что считается порядком, то им и является.

В основе цивилизации находится массовое субъективное действие, трансформирующее социальный хаос в порядок уже потому, что альтернативой ему является самоуничтожение. *Процесс формирования цивилизаций, хотя и происходит на исторической основе, но осуществляется в современности* и подчиняется воле действительных субъектов, а не исторической детерминации. Историческая обусловленность уже со времен постмодерна нелегитимна, в нее попросту никто не верит. Она воспринимается как свалка сомнительных фактов, и подобна грубым камням разбитого фундамента, из которых, тем не менее, можно сложить новый фундамент, переосмыслив факты прошлого.

А современность – это прежде всего живая и конкретная субъективность индивидов: ситуации, в которых они оказываются; проблемы, которые они создают друг для друга; их экзистенциальный полилог и коммуникации, оценочная координатная сеть, возникающая в сознании каждого индивида; ценности, созданные на основе разноречивых оценок; институция, и затем социокультурная субъективность, образующаяся в результате коммуникаций и полилога и объединяющая все многообразие индивидов на ограниченной площадке².

Субъективное действие обусловлено объективными природно-географическими, историческими и культурными предпосылками, нацелено на практическое преобразование этих предпосылок, и оно объективирует в общественном порядке какую-либо идею упорядочения общественной жизни. Однако предпосылки не предопределяют порядок, они оставляют простор для субъективного выбора и маневра. Они только горизонты, границы площадки, на которой именно субъекты воплощают то, относительно чего между ними достигнут компромисс. А массово распространенная идея порядка с детства закладывается в головы новых поколений образованием, воспитанием, пропагандой, искусством, наукой, религией, философией и прочими средствами общественной рациональности, оформляющими индивидуальный разум людей.

В отличие от истории, современность вполне лояльна к сослагательному наклонению, так как выбор одной идеи означает отказ от выбора всех остальных, к которым порою можно вернуться и повторно проанализировать, что было бы, если бы выбрали их, не допущена ли в ходе выбора ошибка и не стоит ли переиграть выбор, пока он не стал основанием цивилизации.

Правомерны вопросы «Что было бы, если бы Александр II не был убит и успел довести свои реформы до конца», «Если бы Столыпин остался жив», «Если бы советская НЭП не была задавлена в считанные годы», «Если бы М.С. Горбачев завершил реформу СССР», «Если бы Ельцин выбрал «преемником» Немцова» и т.д. Дело в том, что каждый такой выбор означает направление преобразований и дает время, в течение которого к выбору еще возможно вернуться, еще не окрепли нормы, составляющие цивилизационный законы будущей культуры. Суть не в тех датах, когда, например, царствовал Александр II, и не в том, как жил он, чиновники, дворянство и

² См., напр., мою статью «Современность и критика» // Социум и власть. 2013. № 6. С. 128–135.

крестьяне, а именно в комплексе реформ, какие он проводил и которые были предложены М.Т. Лорис-Меликовым. А Лорис-Меликов пересмотрел исторический выбор, сделанный для России Николаем I, и вернулся к реформам более чем полувековой давности, предложенным еще М.М. Сперанским.

И в силу субъективного характера цивилизации, межцивилизационная эпоха тоже субъективна, как говорится, «разруха – в головах, а не на улицах». Для ее теоретического представления необходим личный опыт ее переживания, который можно отразить и превратить как в жизненные принципы, так и в теоретические постулаты, и в политические цели. Таких постулатов три, и мне уже приходилось о них писать на страницах этого журнала³:

1. *Я – субъекты*, упрощенно – индивиды, осуществляющие выбор и действующие в соответствии с ним.

2. *Площадка* – ограниченное и ясно очерченное локальное пространство, в котором располагаются и действуют Я-субъекты: государственные границы, границы культурного региона, корпорации или группы, религиозные, юридические и моральные границы, географические препятствия для переселения, распределение природных ресурсов, в целом ограниченные размеры земного шара и т.д. То есть это границы и географические, и культурографические, и исторические. Многогранность границ площадки коррелирует с вариантами осуществленного на ней выбора.

3. *Навязанные коммуникации* – взаимная обусловленность и экспектации, адресованные Я-субъектами, живущими на одной площадке, друг другу.

3.

В обществе всегда существуют две неравночисленные и неравнозначные группы людей. Одни стремятся активно менять окружающие условия, преобразуя их «под себя», подгоняя под свои взгляды, вкусы и привычки, это – субъекты своей и общественной жизни, и их меньшинство. Другие – большинство – предпочитают пассивно принимать правила, навязываемые субъектами, и становятся объектами их деятельности. Это, конечно, абстракции, в действительности каждый человек в чем-то субъект, а в чем-то объект. Однако онтологически обе группы различаются

смысложизненной акцентуацией, каждая из них предпочитает свою позицию. Проявляется акцентуация в конкретных эмпирических фактах: доверие к прочитанным газетам, прослушанным выступлениям, просмотренным телепередачам, к проводимым реформам, в целом к власти или оппозиции, надежда на них, ожидание повышения пенсий, зарплат, улучшения условий жизнеобеспечения и т.д. Или скептицизм, сомнение в том, что чужие решения способны облегчить жизнь, желание самому взять на себя ответственность за свою судьбу.

Во времена СССР взгляды на порядок обозначались понятием не цивилизации, а формации, которая понималась как исторически обусловленная программа действий по строительству общественного организма. Эта программа принималась и утверждалась тогдашним руководством страны, а затем воплощалась в жизнь. Но сначала она коррелировалась с ужасающей досоветской безграмотностью населения, с его бюрократической и крепостной ментальностью и с его ожиданиями нового, но доброго царя. И она обеспечила второе пришествие самодержавия в лице «красного царя» И.В. Сталина, но одновременно всеобщее образование, постепенное установление 8-часового рабочего дня, с выходными и отпусками, относительное равенство зарплат, осуществленные средствами тогдашней бюрократической вертикали, и т.д., то есть в целом оправдала ожидания пассивного большинства. А что до репрессий и геноцида, то они проводились незаметно, рабочих в основном не касались, проскальзывали на периферии сознания, а в самый тяжелый период 1937–52 гг. обосновывались классовой борьбой с «врагами», подготовкой к войне и преодолением ее последствий.

Программа целенаправленного социального строительства обусловила искусственный характер социальной системы в тех областях общественной жизни, что рефлексировались советским обществознанием. Причем обусловленность была субъективно телеологической, а не объективной. А за пределами внимания программы находился огромный ойкуменальный пласт, практически недоступный для контроля и регулирования и обозначенный как «теневая экономика». Там господствовали примитивные капиталистические отношения, бартер по типу «я – тебе, ты – мне», коррупция и «блат». Соотношение теневой и государственной экономик было таким, что без теневой и плановое хозяйство

³ См., напр., мою статью «Полифокальная социология современности» // Социум и власть. 2013. № 4. С. 5–13.

не могло функционировать. Но эта раздвоенность экономики повлекла за собой раздвоенность политики, конфликт морали и права, цинизм как своеобразный нравственный принцип и внутреннюю разорванность всего социального организма страны, приведших в конце концов к параличу власти и крушению советской системы.

В западном же мире возобладала точка зрения, в которой общественный порядок обуславливался не столько материальными, сколько, в первую очередь, духовно-субъективными причинами. Здесь на передний план вышла современность, а не историческая предзаданность, индивидуальность, а не коллектив. Программы общественного развития не было, ее заменяла «миссия» как общее направление, и общество функционировало как естественно сложившаяся, а не искусственная система.

Рассмотреть перспективу становления цивилизации в нынешней России, значит, отыскать способ совмещения равно унаследованных ею советского и западного представлений. Этот способ позволяет синтезировать предпосылки и найти «зародыш субъективности», из которого в будущем возможно развитие новой Российской цивилизации.

Если цивилизация – привычный порядок общественной жизни, то она – нормативный базис культуры. Нормы инвариантны для всех явлений каждого отдельного культурного организма и выполняют функции законов культуры. Цивилизация, – это форма социальной культуры, придающая ей определенность, связность и устойчивость. Феноменологически же она является единством легитимных ценностей, норм и институтов, воспроизводящих друг друга как целостную и довольно-таки инертную систему.

Межцивилизационная эпоха – это полная делегитимация всех норм общественной жизни, превращение порядка в социальный хаос, на поверхности которого еще может плавать пена нелегитимных и формальных правил, обрядов и ритуалов, выдающих себя за традиции, но ставших или изначально задуманных как симулякры. Так бывает в весеннее половодье, когда освободившаяся река несет на себе отдельные льдины, но уже не скована льдом.

4.

Такая эпоха проходит три стадии, связанные с ее носителями: сменяющимися друг друга

поколениями, каждому из которых демографией отводится 25–30 лет. Первое поколение можно назвать «поколением отцов», и оно вступает в эту эпоху уже во взрослом состоянии. «Отцы» становятся крупными и мелкими лидерами, увлекающими толпу, и начинают межвременье тем, что окончательно перестают соблюдать нормы устаревшей и утраченной легитимности цивилизации. В СССР они отчасти обуславливают стиль советского постмодерна. Можно предполагать, что с того момента, как в СССР легитимная экономика стала уравниваться теневой, начинается цивилизационный поворот. Он даже был констатирован закрытым Пленумом ЦК КПСС – тогдашней власти – в ноябре 1979 г.

Лидеры затевают реформы цивилизационных институтов, в то время как все остальные либо продолжают соблюдать устаревшие правила, либо поддерживают лидеров в их реформаторской деятельности. Говоря на языке советского марксизма, они конституируются как «квазикласс», своего рода классовый зародыш, старающийся выжить и перехитрить другой квазикласс – господствующую «номенклатуру»⁴. Так зарождаются тенденции, за которыми начинается уже классовообразование и противостояние вплоть до антагонизмов.

Квазиклассы появляются на постмодернистской стадии предшествующей цивилизации, как в СССР в 70–80 гг. появилась теневая экономика, теневая политика, теневая мораль, и каждый человек, каждое предприятие вынуждены были функционировать в полях обеих – теневой и легитимной – структур. Поколение «отцов» на первом этапе межцивилизационной эпохи меняет эти структуры местами: то, что было теневым, становится легитимным, то, что было легитимным – оказывается теневым.

В целом поколение «отцов» освобождается от прошлого политически и экономически, но не морально, на них сказывается тот факт, что их взросление и становление как личностей пришлось на циничные времена предыдущего постмодерна. Но срок поколения «отцов» – то самое время, когда они дают импульс всем сменяем общественно-жизни. А потом их сменяет второе поколение – «дети». У нас это те, кто родился в 80–90 гг., и вырос либо не помня и не зная эпохи СССР, либо зная о ней только по безответственным экранизациям и книгам.

«Поколение детей» морально делегитимирует цивилизацию, они – носители экзистенциальной революции. Это и «мажоры» –

⁴ По М. Восленскому.

дети богатых родителей, и «эффективные» (на наш манер) менеджеры, и «бизнес-инструкторы», и поп-артисты, журналисты, «офисный планктон», и т.д., но их «порядок» – правила игры как таковой, и относятся они к нему именно как к игре. Они могут прийти на предпринятие и устроить там «психологический тренинг» для опытных работников кадровых отделов с многолетним стажем, обучая их, как «правильно» управлять кадрами. Могут явиться в университет или академический институт и выступить там со словами: «Забудьте всё, что вы раньше знали, и начните с чистого листа», этим предлагая кандидатам, докторам и академикам забыть содержание своих работ по физике, истории или экономике. Их стиль – гламур, мышление же – поверхностно и дискурсивно. Они утилитарны, однако не по-западному, где утилитаризм, по сути, синоним практицизма, а в эгоистически-корыстном смысле.

Однако именно они смывают все остатки морали былой цивилизации и утверждают на ее месте цинизм и нигилизм, причем даже не ницшеанский, а в духе Минаевского «Евгения Онегина нашего времени», написанного в аналогичные времена 60-х гг. XIX века. Они завершают начатую «отцами» деконструкцию предыдущей социальной системы, и на месте страны появляется наполненная хаосом и абсурдом строительная площадка. И начинается выбор нового пути, еще допускающий наряду с реальными фантастические варианты – вроде образования методом чипизации и подчинения человеческого сознания искусственному интеллекту⁵.

А за ними уже идет «поколение внуков и правнуков», появившихся на свет в хаосе и бессмыслице этой площадки. Во времена «внуков» экзистенциальный диалог обостряется и становится особенно интенсивным, поскольку идет уже не во имя обогащения, как у «отцов», и не во имя игры, как у «детей», а во имя *выживания*. Их деятельность легитимируется не исторически, а взаимным убеждением, диалогом, они уже не зависят ни от истории, ни от соседей, и хотя заимствуют оттуда то, что считают пригодным для себя, но живут без веры в их безусловную правоту и относятся к ним вполне осознанно и скептически.

Экзистенциальный диалог – это непрерывные взаимные провокации, он наполнен конфликтами и поиском точек совпадения, стремлением к взаимопониманию. «Внуки» начинают «стадию переговоров», где каждое сближение позиций приобретает для участ-

ников значение «норм» и «принципов» хотя бы на время, но, может быть, и навсегда. Их временные нормы оказываются аттракторами грядущего, успокаивающими хаос межвременья. В их диалоге складывается та нормативная основа, на которой уже может возникнуть новый цивилизационный «скелет» и нарасти ткань культуры. «Внуки» – продукт декультурации «детей», они не склонны учиться по книгам, они учатся на примерах и заимствуют наиболее удачные, с их точки зрения, образцы, взятые хотя бы и со стороны, однако видоизмененные и наполненные собственными проблемами и решениями.

«Со стороны» – это значит, или у успешных, по их мнению, соседей, или глядя на предыдущую цивилизацию, которая для «внуков» уже не формирующая их среда, а осознанное и рациональное представление. И то и другое они идеализируют, абстрагируясь от всего негативного, абсолютизируя только положительные черты, и превращают в утопии. А уже утопии рассматриваются ими как обоснованные и легитимные цели и воплощаются в осмысленных поступках.

Именно перед «внуками» и «правнуками» проблема выбора дальнейшего пути ставится со всей остротой, фантастические варианты ими отвергаются. В расчет берется только реальная альтернатива: целенаправленно возвращаться к прошлому или повторять порядок успешных соседей. Ни то, ни другое, конечно, невозможно, слишком мешают конкретные обстоятельства их жизни, каких не было ни в прошлом, ни у соседей, и, в частности, мешает сопротивление сторонников разных вариантов. И порядок получается таким, какой устраивает все стороны, но полностью не нравится никому, он обнаруживается в точках совпадения взглядов, он становится абстракцией и формальным правом.

Так, древнерусские великие князья, только еще освобождающиеся от орды, не имея университетов и учебников, но понимая, что какой-то порядок должен быть, берут за образец единственное, что им известно – организацию орды, куда они ездили за ярлыками на княжение. И воспроизводят у себя орду, позднее рефлексируя ее и превращая в самодержавие. Европейские и византийские нормы от них далеко, с этим они встречаются лишь эпизодически, а орда – это повседневность, и князья становятся ханами, но по-русски.

Так и «поколение внуков» может ориентироваться только на удачные образцы западных стран и непосредственно предшес-

⁵ См., напр.: <http://map.edu2035.org/futuremap?force>

твующего междивизиационной эпохе Советского Союза. СССР и его систему ценностей восстановить нельзя, и поэтому на деле у них получится что-то новое, Советский Союз, но с частной собственностью и рыночной экономикой и, может быть, с демократией. И если в аналогичных условиях у англичан получилась конституционная монархия со слабеющей властью королей, то у «поколения внуков» получится нечто, опять доселе невиданное: «конституционная президентская республика» со слабеющей властью президентов. Говорю – «невиданное», потому что, казалось бы, президентская республика априорно конституционная государственная форма, но как быть с тем, что у «внуков» она станет наследницей советского самодержавного строя с абсолютной властью Генеральных секретарей ЦК КПСС и Политбюро, а та сама была наследницей царского самодержавия, которое выступило реинкарнацией орды! «Внукам» придется в Основном Законе оговаривать ослабление президентской власти и усиление парламентской.

Вероятно, так и будет при условии, что, проходя через второй этап междивизиационной эпохи, через «поколение детей», страна вообще уцелеет как некое политически единое пространство.

5.

Субъективность онтологии современности ставит и цивилизацию, и междивизиационную эпоху в зависимость от ментальных и экзистенциальных состояний субъектов, переживающих деконструкцию прошлого. Дело в том, что та сила межчеловеческого понимания и взаимного доверия, которая характеризует цивилизационную стабильность, разрушается вместе с разрывом экономических, политических и социальных связей индивидов друг с другом, с переоценкой ими своего места и роли в общественной жизни, с резко ускоренной и произвольной горизонтальной и вертикальной мобильностью, с отсутствием или непонятностью новых правил жизни, описанными еще Э. Дюркгеймом [2], Р. Мертоном [4], а в какой-то мере и Э. Тоффлером [5].

Наша криминальная среда нашла очень удачный аналог термину Дюркгейма «аномия», углядев в общественной жизни господство «беспредела», то есть, отсутствие пределов, задававшихся старыми нормами, «безнормицу». Этот термин оказался настолько значим, что в считанные недели распространился и стал словом обыденной речи, он

вполне может претендовать на статус категории той философии, которая изучает подобные времена.

Беспредел – это значит отсутствие межчеловеческого взаимопонимания, разрушение формальных коммуникаций и утрату привычных смысловых ориентиров. Он означает и страх нового мира, и восторг от освобождения от навязанных и нелегитимных старых норм как права, так и морали. Это распространение своеобразной этики «цинизма», начавшееся еще в 70-е гг., но теперь почти тотальной. Это и взаимное недоверие, подозрительность, разрушение дружеских связей, распад семей, конфликт поколений, понимание своей абсолютной экзистенциальной свободы, буквально, по Ж.-П. Сартру, свободы как пустоты, то есть, как отсутствия оправданий и ориентиров, но при этом и понимание необходимости личного выбора нового жизненного пути и личной ответственности.

То есть беспредел – это человеческое одиночество в новой неопределенной реальности, которое нередко называют «атомизацией». Но предпочтительней представляется термин «персонификация», как потому, что Я-субъект не превращается в атом общественной жизни, он всегда им был, а сейчас только осознал свой статус, так и потому, что персонификация, в отличие от атомизации, может быть распространена на любого субъекта, не только на человека. А субъективностью, как и объективностью, может обладать и человеческий индивид, и любой социум, и его ментальность, и его институциональная сфера.

И это важно, так как если, например, в Западном мире в силу исторических условий за две тысячи лет утвердился приоритет именно человеческого индивида над всеми остальными субъектами, то в России на первом месте находится социум с институтами, а человек изначально поставлен в подчиненное положение. А следовательно, персонифицируются именно социум и институты. Для социума персонификация, конечно, означает его разложение на индивидов и относительно устойчивые мелкие группы, а вот для институтов она означает взаимное недоверие властей, центра и регионов, отсутствие координации в действиях учреждений, недоверие к собственным формам и целям образования, а главное, усиление роли односторонней бюрократической вертикали и ее стремление к паноптизму И. Бентама, ее трансформацию в новое самодержавие и классовообразование, раздвоение общества на управленческую вертикаль с поддерживающими ее олигархами и все остальное население, включая оппозиционно настроенных олигархов. Это значит,

что институты с самого начала существуют как симулякры и задают формальные и не вызывающие доверия правила.

Персонификация в условиях России провоцирует субъективную «дезорIENTATION», эту самую лишенную моральных оправданий свободу выбора при полном отсутствии устойчивых ориентиров, относящуюся прежде всего к институтам: институциональный произвол, рывковые смены курсов, отсутствие долгосрочных и устойчивых программ и планов созидания, абсурдные и циничные реформы сфер, напрямую касающихся населения: ЖКХ, пенсионных фондов, среднего и высшего образования, здравоохранения, мелкого и среднего предпринимательства и т.д., амбициозные и неоправданные космические, военные, спортивные программы. Так что уже и исчезает надежда, что эта дезориентация сменится когда-нибудь «концентрацией» воли в естественном, гуманитарном, а не абсурдном направлении.

На втором этапе межцивилизационной эпохи, на этапе «детей», дезориентация преобладает, а значит, доминируют моральный цинизм и гламур, а господствующей практикой становится не хозяйственная жизнь, а практика языковых игр. И тогда институты, вместо того чтобы способствовать укреплению общественного хозяйства, распространению среднего класса, модернизации производства, уходу от сырьевой зависимости, монополизировать СМИ и начинают убеждать население, что вопреки тому, что оно видит и чувствует на своем опыте, все хорошо, все правильно, мы – лучшие, хотя и окружены «врагами» со всех сторон. Институты распространяют «гламурный патриотизм» и «гуманитарную помощь», оборачивающиеся еще большей персонификацией внутри страны и в международных отношениях и теряющие свою гламурность только там, где реально стреляют.

Продолжающаяся деконструкция старой цивилизации, конечно, может быть проведена осторожно и поэтапно, как на том же Западе после II Мировой войны. Но это возможно, если в течение веков все субъекты приучены ценить человека, а не общество в целом с его институтами. Когда же главным субъектом считается институт, он в деконструкции доходит до предела и абсурда, до желания обойтись вообще без людей. Известный лозунг «Нет человека – нет проблемы» доводится до уровня «Нет населения – нет никаких проблем».

А при таких условиях социальный хаос становится неизбежным. Распад тоталитарно-крепостной системы высвобождает субъектов

вплоть до индивидов с их сознанием. Делегитимация власти фактически превращается в делегитимацию общества, взаимную подозрительность в межчеловеческих отношениях и оборачивается вторичной делегитимацией субъектов. В первую очередь регионы перестают доверять центру и друг другу, лишаясь средств к существованию, но вынужденные исполнять требования центральной власти за свой счет, они начинают строить свои вертикали и собственными политиками защищаться от центра. В обществе начинается федерализация вертикалей, то есть «неофеодалная» раздробленность.

Затем региональная вертикаль, будучи таким же симулякром, как и центр, подвергается эрозии со стороны населения. И начинается третичная делегитимация: население не доверяет региональной власти и друг другу. Площадка, на которой клубится хаос межцивилизационной эпохи, сохраняет единство только в силу массовой привычки видеть ее единой. Но чем дольше продолжается это состояние, тем больше с ним происходит то же, что с СНГ: она распадается на множество региональных площадок и на множество конкретно протекающих межцивилизационных эпох. Потом размываются и границы площадок, как это происходило в 1918–1919 гг. Все они сливаются в одно пространство хаоса, рассматриваемое более энергичными и целеустремленными соседями как «резервные территории», и межцивилизационная эпоха завершается полной ликвидацией недавно существовавшего здесь социально-территориального организма.

Другой, более оптимистичный вариант предполагает своевременное осознание центром приоритета именно индивидуальных субъектов и его уход от языковых игр, начало реальной диверсификации власти и институциональных реформ, нацеленных на предоставление права индивидам на хозяйственную и особенно творческую активность.

Выбор пути начинается на втором этапе межцивилизационной эпохи, то есть сегодня, когда нормы советской цивилизации уже почти полностью распались, и мы близки к положению американских пионеров в начале освоения Нового Света. И если этот выбор будет сделан правильно, у нас еще есть шанс.

* * *

Оптимистический выход из межвременья, не означающий окончательного краха цивилизации и ее растворения, возможен

только одним из двух способов: естественным и искусственным.

Естественный способ предполагает раскрепощение индивидуальной субъективности и институциональную реформу рыночного и демократического типа. Искусственный же требует рационального определения национального идеала, конструирование утопической цели, формирование под нее программы и мобилизации населения на ее выполнение. Это – тоже выход, только практика всех искусственных преобразований показывает, что цивилизация получается изначально обремененной нелегитимностью, быстро оборачивается симулякром и существует (по историческим меркам) недолго. В России еще живет несколько сотен человек, *родившихся до Советской власти*, а значит, целая цивилизация прошла и прекратила существование при одной только их жизни.

1. Грей, Д. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности [Текст] / Д. Грей. М.: Праксис, 2003. 368 с.

2. Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд [Текст] / Э. Дюркгейм. М.: Мысль, 1994.

3. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? [Текст] / С. Хантингтон // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.

4. Мертон, Р. Социальная структура и anomia [Текст] / Р. Мертон // Социология преступности (Современные буржуазные теории) М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.

5. Тоффлер, Э. Шок будущего [Текст] / Э. Тоффлер // М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.

6. Яркова, Е.Н. Постмодерн как культура межцивилизационной эпохи [Текст] / Е.Н. Яркова // Философия и культура. 2014. № 10 (82). С. 1495–1505.

References

1. Grei D. (2003) Pominki po Prosveshcheniiu: Politika i kultura na zakate sovremennosti. Moscow, Praksis, 368 p. [in Rus].

2. Diurkgeim E. (1994) Samoubiistvo: Sotciologicheskii etiud. Moscow, Mysl [in Rus].

3. Khantington S. (1994) Polis, no. 1, pp. 33–48 [in Rus].

4. Merton R. (1966) Sotcialnaia struktura i anomia //Sotciologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii) Moscow, Progress, pp. 299–313 [in Rus].

5. Toffler E. (2002) Shok budushchego. Moscow, ООО «Izdatelstvo AST», 557 p. [in Rus].

6. Iarkova E.N. (2014) Filosofiya i kultura, no. 10 (82), pp. 1495–1505 [in Rus].

UDC 130.2

INTERCIVILIZATIONAL EPOCH: GENERATION OF CHOICE

Pavlov Aleksander Valentinovich,

Tyumen State University,
Institute of Philology and Journalism,
Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Tyumen, Russia.

E-mail: av-pavlov@mail.ru

Annotation

The article deals with diagnostics of up-to-date state of Russia. The subject is intercivilizational epoch. The method is polyfocal sociology of modernity. The result is the analysis of prospects of civilizational choice.

Key concepts:

civilization,
intercivilizational epoch,
generation,
primary and secondary legitimacy,
deligitimization.

УДК 101.1

АКТУАЛЬНОСТЬ РАЗРАБОТКИ ФИЛОСОФСКИХ ПАРАДИГМ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИУМОМ

Баркова Валентина Васильевна,

Челябинский государственный
педагогический университет,
профессор,
кандидат философских наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: barkovavv@cspi.ru

Аннотация

Через призму историко-философского подхода дан анализ феномена управления социумом, его базовых компонентов, знаковых для выживания человека и общества в условиях изменяющегося мира.

Ключевые понятия:

управление,
философия управления,
нелинейность,
референтность,
гетерархия.

Социальная действительность, как общезначительность, взаимные отношения людей, обязанности в жизни, как всё то, что не вымышлено и имеет место быть, исторически создавалась повседневными нуждами и практиками человека для удовлетворения его биологических, духовных и социальных потребностей. Проявляя себя активным субъектом социальной реальности и осознавая имеющийся особый смысл внутри целого и самого себя, человек становился открытым для возможностей освоения мира. Схватывая новое «здесь и сейчас» и лишая его потаённости, он применял освоенное в бытии как то, «с чем можно или нужно иметь дело» (Аристотель). Причём логика вписывания нового в практику жизненного мира определялась установкой отнесения его к тому, что хотелось бы утвердить в качестве стезей дальнейшего личностного развития в «бытие-пути». Разрастание способов удовлетворения потребностей общества и человека стимулировало необходимость каким-то образом закрепить, овнешнить удачные опыты организации делания жизнебытия на перспективу дальнейшего его продвижения при воспроизводстве того, что полезно, обеспечивает безопасность и комфортность существования человека и общества. И в результате с выходом за пределы осевого времени в многовеерной палитре человеческой практики обнаруживается «вошедшая в круг непотаённого» (М. Хайдеггер) деятельность, направленная на организацию, координацию работ и даже вмешательство в них на основе рационально выстроенных целей и задач, оптимального способа регулирования и решения возникающих проблем. Древние мыслители этот вид деятельности называли управлением. Всматриваясь в исторический процесс освоения человеком человеческого вида бытия, объединения и организации его с другими людьми, следует умозаключить, что феномен управления древнее даже философии. Лишь после того как ландшафт осмысляемых процессов обозначил себя в истоках своего назначения, философская мыследеятельность сумела осмыслить значимость феномена управления, превратившегося во вместилище разнообразных способов рациональной организации человеком своей жизнедеятельности, стремлений приблизиться к собственной завершённости и воплощению своих интенций.

Сформировавшись в недрах философской мыследеятельности до понятийной полноты «уже несокрытого», образы феномена управления обозначили «своё

вот бытие» не сразу. Они обнажали его по мере готовности человека к восприятию и пониманию их культурной основы, смысла, объективных связей и отношений между понятиями и явлениями действительности. Самопрезентацию феномен управления открыл с явления себя в таких позициях понятий, как хаос, вмешательство, порядок, мера, гармония, нестабильность, координация, регуляция, организация. Причём эти понятия не просто демонстрировали возможность «знающего разума», но и отражали тот факт, что в лоне категориально схваченных состояний управления как вида деятельности развёртывается реальная онтология взаимосвязи бытия открытых, сложодинамических систем – природы, человека, общества. При первом приближении к феномену управления его можно отобразить как целенаправленный, планируемый, координируемый и сознательно организуемый вид деятельности, способствующий достижению максимального эффекта при минимальных затратах ресурсов, усилий и времени. А. Тихонов неоднократно в интереснейшей работе «Социология управления. Теоретические основы» отмечал, что отношения управления исторически пронизывают все этажи общества: социетальный, институциональный, региональный, менеджерально-корпоративный, уровень местного самоуправления. В него вовлечены все активно действующие социальные группы и слои населения [4, с. 70]. В роли первых управленцев, как правило, выступали философы. Они разрабатывали и руководили экономической деятельностью в городах-полисах – например, известные реформы Солона. Платон и Аристотель рассматривали вопросы управления обществом в контексте государственного строительства. Хозяйственной деятельностью и аналитикой военных управленческих действий занимались Геродот, Плутарх, Ксенофонт, Сенека, С. Туллий, Тиберий и Гай Гракхи, Гай Секунд Плиний Старший, Цицерон и т.д. Платон даже настаивал на том, что очень мало есть людей, обладающих знанием управлять. Да и само оно «одно лишь из всех остальных видов знания заслуживает имя мудрости» [3, с. 219]. И в последующие эпохи вопросы управления обществом не покидали предметных полей философского интереса, что нашло отражение в творчестве А. Блаженного, Боэция, Ф. Аквинского. В эпоху Возрождения и Нового времени проблемы философского осмысления особенностей социального управления нашли развитие в работах Ма-

киавелли, Ф. Бэкона, М. Монтеня, Б. Спинозы, К. Гельвеция, Т. Гоббса, Д. Локка, Р. Дидро. Субъектно-объектные отношения в рамках управленческих действий, неравенство между людьми, как предпосылки возникновения социального управления, рассматривались в работах А. Смита, Д. Юма, Ж.-Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескье, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, Л.А. Фейербаха.

Новоевропейская философия, «подстёгиваемая» нарастающим рационализмом познания, открытиями в естествознании, прагматическими нуждами промышленного производства, социальной дифференциацией, развивала идеи о том, что в ходе эволюции природы сформировались некие закономерности, самоорганизующие процессы внутри и между сложноорганизованными системами мироздания. На социальном уровне – это феномен управления. Процесс, организующий целенаправленное «вмешательство» в человеческую деятельность и социальность [5, с. 9]. Он выполняет антиэнтропийную функцию, перестраивая социальный хаос в порядок. Хайдеггер в «Бытие и время» писал, что бытие непрерывно связано с неустранимой незавершенностью [6]. Оно «даёт себя» как открытая возможность. Понимание управленческой деятельности как механизма самоорганизации социального во всей его многогранности и многослойности подтверждает не только то, что бытие не завершено, всегда не закончено. Но и то, что незавершенность является следствием и причиной дальнейшей дифференциации сложноорганизованных систем и специализации структурных блоков материального мира, в том числе и в сфере социального. Эпистемологическая незавершенность бытия обнажает общие и особые моменты в процессах «организации порядка» в лоне живой и неживой материи. Концептуализация онтологических состояний уровней миробытия материи даёт возможность умозаключить, что в неорганической природе властвует стохастическая самоорганизация. Управление же, открываясь зову проявленного бытия в его сущностном единстве, имеет целенаправленный и рационально упорядоченный характер самоорганизации.

Социальное управление, как многоуровневые управленческие действия в общественной системе взаимоотношений субъект-объектного порядка, даёт себя как «вот – сущее бытие» там, где люди работают сообща, коммуницируют друг с другом, утверждая своим присутствием

«вперёд-себя-бытие» (М. Хайдеггер) в конкретной исторической эпохе, в конкретной точке исторического пространства. Обладая ощутимой вмещающе-размещающей мощью, социальное управление объективно даёт возможность совершить «разбивку бытия», определить границы своего присутствия в мире и языке. Эксплицитное схватывание философией некоей глубинной подвижности фактической жизни феномена управления закономерно привело к выделению в структуре знаний об обществе матрицы философии управления социумом, актуальность появления которой детерминирована целым рядом проявившихся в последнее время обстоятельств в развитии материально-производственных, общекommunikативных, когнитивно-гносеологических и иных сферах социального бытия. Общество как целостность, выносив в своём лоне нелинейный, многомерный характер сущностных начал социального, стало обнаруживать нарастание напряжённости в сферах своей жизнедеятельности. Рассогласованность тенденций их развития с содержанием и формами управления. Когда в XXI в. к изучению философии управления «подтянулись» феноменология, герменевтика, экзистенциализм, аналитическая философия, постмодернизм, появилась возможность в едином социокультурном пространстве консолидировать их смысловые ядра. Открыв тем самым новые поля трансдисциплинарных исследований и наметив коммуникацию разных философских подходов с целью выработки другой парадигмы философии управления социумом. Отражающей ситуации «прошивания» жизненного мира человека онтологической неопределённостью и неравновесностью базовых композиций общественного бытия, подвигающих социум к хаосу и неуправляемости.

Исторически теория управления сформировалась как методология развития социальных сфер человеческой практики на основе трёх базовых скреп этого феномена: институциональной, функциональной, инструментальной. Философия же управления социумом не имеет своей задачей исследование тонкостей экономических, юридических, политических и других аспектов управления. Её цель – изучение методологий, их взаимодействия в истории социального строительства, системных связей общественных явлений в их взаимопроникновении и взаимовлиянии, основных понятий, законов, принципов, гетерархий, фиксирующих тот факт, что в развитии структурных

подразделений социального целого ни за одним из них не закреплена постоянная роль ведущего. Допускается коалиционное объединение высших и низших уровней в единую систему действия [7]. Неслучайно «проблемные поля» философии управления социумом имеют гетерогенное содержание, вбирая в себя следы классической, неклассической и постнеклассической философско-исследовательских практик. Переплетая в себе как сетевой анализ систем социальных связей и отношений, так и линейный, нелинейный, ноосферный, семиосферный, темпоральный подходы. Методологическая рефлексия этих обстоятельств высветила потребность в смене «фокусных» расстояний между практикой применения матриц философии управления социумом и использованием в них различных теоретико-исследовательских стратегий, адекватных новым тенденциям в социальном познании. Таким образом, методологией в философии управления социумом становится даже сам процесс поиска точек пересечения разных когнитивных систем для обеспечения диалога философий управленческих культур. Актуализация дееспособности философских парадигм управления социумом необходима и в свете процессов, которые происходят во всех цивилизованных сообществах мира, сферах их жизнедеятельности: экономике, политике, геополитике, культуре, духовности, языке, жизни наций. Глобализация размывает и деформирует самосознание большинства народов, обостряя проблематичность человеческого существования, управления социальной реальностью, которая тысячелетиями ткалась и созидалась народами мира, как знак их выделенности из природы вещей и степень преодоления ими в себе зоологических инстинктов. Знаковой маркировкой изменений в ориентациях человека по отношению к окружающему миру, природе, людям стал рост гедонистических настроений, приводящих к деформации личности, разрушению вертикали ценностных иерархий. Страх и растерянность засевают пространство сознания человека пассивностью, и как следствие, отказом от личностного должностного, что неизбежно приводит к «расчеловечиванию» человека (Ф. Достоевский).

В этой связи возрастает потребность в пересмотре философии управления федерацией российских народов, которые продолжают движение по пути инновационного строительства своей действительности. Стремясь воплотить в реальность

такие гуманитарные ценности и целеполагания, которые позволили бы ей поднять на качественно иной уровень субъективную удовлетворённость социальным бытием российской нации, смыслы её консолидированного развития и ответственности. Создание условий для коррекции ценностных ориентаций россиян в современных условиях бытия. «Надламывающие» динамику управленческих усилий события в России обусловлены рядом факторов. С одной стороны, нестабильным состоянием социума, гуманитарными катастрофами, последствиями глобализации, угрозой экологического кризиса, природными катаклизмами, международным терроризмом и т.д. С другой – теоретико-методологическим кризисом социального знания и отсутствием философских парадигм управления социумом, способных адекватно отражать, прогнозировать и анализировать динамику изменений социальной действительности вовне и внутри российского мира. Социальные повороты и кризисы обнажили глубинные изменения знаний об обществе. Эти изменения обусловлены сдвигами в конфигурациях социальной структуры. Появлением сил и форм, определяющих эти сдвиги. Традиционные управленческие ориентиры не способны расшифровать картоидную матрицу этих сдвигов и их социальные проекции. Фрагментарность в аналитике указывает на несоразмерность представлений об управлении социумом – реальной диалектике человеческих взаимосвязей и стратификационным особенностям социальной системы. На неадекватность методологических средств познания способам управления воспроизводством социального. На неотрелектированность философских, социогуманитарных управленческих позиций по отношению к изменениям в социальной реальности. Осознание трансформаций социальной реальности и необходимости обновления парадигм философии управления социумом подвигает учёных искать такой тип дискурса, который был бы способен выразить социально-коммуникативные ориентации российского человека в современных реалиях отечественного бытия. Выявить и представить иные критерии понимания им полноты человеческого существования, те, что в свое время не были распределены, но в «свернутом» виде сохранились в мировидении личности. Предложенные в своё время социальной системой другие социокультурные коммуникации и социальные смыслы так и оста-

лись для неё всего лишь набором «событийствующих» способов бытия. Возникает потребность во введении принципиально новых структурообразующих смыслов и ценностей в философию управления российским обществом, переконструирования его культурной реальности и воссоздания утраченной личностью целостности всеми видами управления.

Вместе с тем мир социальных взаимодействий подвижен и неустойчив, порой непредсказуем и непрогнозируем. Он подвержен бесконечным флуктуациям: временным, пространственным, экономическим, культурным, что усиливает энтропийное состояние социальной системы. Как в том или ином случае «сыграет» это состояние и множество его распределённых значений, при постоянно изменяющемся наборе социальных переменных просчитать невозможно. Становится очевидным, что создать универсальные матрицы философских технологий управления социальной реальностью «для всех времён и народов» (по аналогии с естественно-научными моделями) невозможно. Опыт развития конкретной социальной реальности не подлежит экспликации его на другие социумы. Вместе с тем управление, как фактор универсального процесса всеобщего эволюционализма, в социальной системе предстаёт детерминантой самоорганизации живой материи, направляет и регулирует события и явления на всех её уровнях. В этом плане философия управления, как эффективно-конкурентное воздействие на функционирование общественных отношений, представляет собой тот теоретический базис, который даёт возможность осмыслить систему управленческих знаний и умений в их способности изменить или сохранить сущность и стиль общественной жизнедеятельности и человека. Синергетической инструментальной, используемой философией управления, позволяет определить социально значимые для конкретной системы зоны аттракторов, которые, втягивая в себя стохастические элементы, запускают персонально под эту систему механизмы самопреобразования и саморегулирования. Возникающие при этом «петли обратной связи» делают систему принципиально иной, чем при простом взаимодействии структурных элементов, повышая степень её внутренней самоорганизации и самосохранения, делая её поведение целесообразным, так как объект управляется величиной ошибки в отношении объекта к некоторой специфической цели. В роли ко-

торой выступают, как правило, некие идеи национальной консолидации конкретного народа. Однако во все времена среди цивилизованных сообществ в разные эпохи бытийствовали поля «пересечения общих интересов», высших ценностных выборов, связанных с сохранение жизни на Земле, защищённостью человека от опасностей и рисков окружающего мира, природных и социальных угроз. И которые на сегодня стали планетарно центральными и стратегически значимыми для каждой страны мира. Понимание народами значимости парадигм управления национальной безопасностью, социальными рисками, экологическим измерением человеческого бытия и «пошаговым» воплощением их в реальность бытия способно создать ценностно-нормативный базис новой цивилизационной действительности.

Безусловно, не обеспеченная безопасностью человеческая деятельность становится бесцельной и тупиковой. В шкале ценностей безопасность занимает первое место. В этой «вечной» теме находят отражение проблемы человеческого бытия, коренные интересы социумов, их целостности и суверенности. Ниша безопасности испокон веков выступает хранительницей «социального инстинкта» человека и каждого общественного образования. В создании условий безопасной жизни индивида, общества, защищенности их интересов в различных сферах социальной жизнедеятельности от внешних и внутренних угроз, устойчивого развития страны особую роль играет государство. Именно ему отводится важнейшая функция обеспечения безопасности индивида, общества и самого себя. Вместе с тем новая философская современность фактически сделала очевидным то, что, таясь в глубине сознания, реально движет настоящим. Глобализация, изменив природу социальных рисков, породила тенденции к формированию социокультурных общностей, описанных У. Бекком, Н. Луманом, Э. Гидденсом как «общества риска». Где люди вынуждены существовать в условиях нарастающей напряжённости и качественного изменения её содержания. Риск, по Н. Луману, производится социальным способом, т.е. создаётся самими людьми [2]. В этой связи философские парадигмы управления социальными рисками должны опираться на технологии снятия неопределенностей и снижения степеней риска с генерируемых социумом опасностей и катастрофических ситуаций. Осознавая своё объективно-изменённое

состояние, социум обязан для управления кризисными явлениями, как считают учёные, выработать «жесткую» программу необходимых действий – для выживания в условиях риска планетарного масштаба и «мягкую» – как адаптивный, коэволюционный потенциал социума в изменяющейся окружающей среде. Органическая форма материи в ходе земной эволюции скульптурировала вид *homo sapiens*, который в лоне биосферы Земли обрёл свою экологическую нишу жизни. Однако по мере социального взросления человек всё решительнее стал освобождаться от помех природы, прислушиваясь к зову пробуждающегося разума. Пытаться в приоткрывшихся «зазорах бытийности» увидеть и понять, что данная реальность бытия представляет собой сейчас, и тем, чем она может стать для него в будущем в своих техногенных измерениях. Открывая тем самым, себя вселенной, поскольку не «прикован» ни к какому горизонту опыта или образцу поведения [1, с. 264–265]. При этом он перестаёт замечать, что каждый новый шаг в овладении силами природы означает и новый шаг в деле разрушения последней, как естественного базиса человеческого существования. Чувствуя себя преобразователем и покорителем природного мира, он перестаёт понимать, что социальный мир, как объективная «частица» природы в целом и биосферы в частности, имеет свои границы бытия. Они задаются условиями фундаментальных социальных констант; нарушение хотя бы одной из них, способно испарить жизнь в мгновение ока. Долгий развод «наук о природе» и «наук о духе» привёл к потере единого смыслового базиса диалектики природы-человека-общества. Для восстановления этой целостности движения мысли «снизу вверх» недостаточно. Требуется дополнение её движением «сверху вниз»: от универсальной модели бытия, построенной на мировоззренческих представлениях, к Вселенной как формы бытия материи. Обозначив движение сходимости, конвергенции естественно-научного и социогуманитарного знания в единую картину стохастического, нелинейного миробытия с его метаморфозами «порядка из хаоса и хаоса из порядка». Эйнштейн как-то сказал, что мы не можем решить проблему экологического возрождения, находясь на прежнем уровне сознания. Маркером его изменения должно стать «переключение» сознания с эмпирического регистра на трансцендентальный. Как условие перехода «всегда и

езде» к биосфероцентристским программам действий. Философия социального управления, осуществляя междисциплинарный синтез наук об управлении, способна превратить его в ключ к конструированию новой предметной референтности и формированию продуктивной матрицы философии управления социумом.

1. Борисов, С.В. Наука глазами философов: Что было? Что есть? Что будет? [Текст] / С.В. Борисов. М.: Флинта; Наука, 2015. 365 с.

2. Луман, Н. Общество общества [Текст] / Н. Луман. М.: Логос, 2004. 280 с.

3. Платон. Государство [Текст] / Платон // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 657 с.

4. Тихонов, А.В. Социология управления. Теоретические основы [Текст] / А.В. Тихонов. М.: Издательство: Канон +, 2009. 472 с.

5. Тихонов, А.В. Основания социологии управления [Текст] / А.В. Тихонов. М.: Гуманитарий. 2013. 48 с.

6. Хайдеггер, М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.

7. McCulloch, W.S. and Pitts W. (1943) A logical Calculus of Ideas Immanent in Nervous Activity, Bull. Mathematical Biophysics, Vol. 5, pp. 115–133.

References

1. Borisov S.V. (2015) Nauka glazami filosofov: Chto bylo? Chto est'? Chto budet? Moscow, Flinta; Nauka, 365 p. [in Rus].

2. Luman N. (2004) Obshhestvo obshhestva. Moscow, Logos, 280 p. [in Rus].

3. Platon (1994) Gosudarstvo // Platon. Sbranie sochinenij. Moscow, Mysl', T. 3. 657 p. [in Rus].

4. Tihonov A.V. (2009) Sociologija upravljenija. Teoreticheskie osnovy. Moscow, Izdatel'stvo: Kanon +, 472 p. [in Rus].

5. Tihonov A.V. (2013) Osnovaniya sociologii upravljenija. Moscow, Gumanitarij, 48 p. [in Rus].

6. Hajdegger M. (1997) Bytie i vremja. Moscow, Ad Marginem, 452 p. [in Rus].

7. McCulloch W.S. and Pitts W. (1943) A logical Calculus of Ideas Immanent in Nervous Activity, Bull. Mathematical Biophysics, vol. 5, pp. 115–133 [in Eng].

UDC 101.1

THE IMPORTANCE OF WORKING OUT PHILOSOPHIC PARADIGM OF MANAGING SOCIETY

Barkova Valentina Vasilyevna, Chelyabinsk State Pedagogical University, Professor, Cand. Sc. (Philosophy), Chelyabinsk, Russia.
E-mail: barkovavv@cspi.ru

Annotation

The author gives the analysis of the phenomenon of managing a society, its basic components significant for a man and a society to survive in the context of changing world. The analysis is given from the perspective of historic and philosophic approach.

Key concepts:

management, philosophy of management, nonlinearity, referentiality, heterarchy.

УДК 124.5

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА: ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ СДВИГ

Бормотов Игорь Владимирович,

Финансовый университет
при Правительстве Российской
Федерации (Тульский филиал),
заведующий кафедрой философии,
истории и права,
кандидат философских наук, доцент,
г. Тула, Россия.
E-mail: benaris1954@yandex.ru

Аннотация

В статье дается социально-философский анализ ценностных оснований современного человека в условиях парадигмального сдвига.

Рассматриваются основные группы противоречий, возникающие как в современном мире, так и в российском обществе, внутри которых оказывается современный человек со своими ценностными предпочтениями и интересами, субъективными установками и переживаниями. Обосновываются методологические принципы парадигмального сдвига в ценностных основаниях современного человека. Предпринимается попытка поиска нового общественного идеала.

Ключевые понятия:

ценностные основания,
парадигмальный сдвиг,
консерватизм,
прагматизм,
общественный идеал,
современный человек.

Обращение к данной теоретической проблеме было вызвано следующими обстоятельствами:

- во-первых, обострением ценностных противоречий между Россией и Западом;
- во-вторых, изменением сущностных основ аксиологической парадигмы (от либеральной к консервативной) внутри российского общества;
- в-третьих, наполнением ценностных парадигм новым содержанием и поиском нового, адекватного социальному развитию общественного идеала.

Эти и другие обстоятельства обуславливают новый *парадигмальный сдвиг*, который состоит во взаимовлиянии и столкновении двух подходов.

Первый вызван тем, что современный человек рассматривается как часть установленного миропорядка, в котором всё сущее регулируется высшим бытием, где господствует установленный строй ценностей.

Второй переносит внимание на проявление индивидуальности, свободы и независимости личностного бытия и мира ценностей.

Предложенные альтернативы не могут не оказывать влияния на состояние ценностных оснований современного человека. Под *ценностными основаниями* в статье понимается аксиологический смысл, который индивид вкладывает в обоснование своих ориентаций и действий.

Важный шаг по теоретическому обобщению существующих аксиологических парадигм сделал *В.Г. Лукьянов*, который, сопоставляя методологические позиции *М.С. Кагана* и *Г.П. Выжлецова* (*первый* утверждает субъектно-объектный характер ценностей; *второй* полагает, что специфику ценностей следует искать в межсубъектных отношениях), выделил структуру и процесс ценностного взаимодействия. Структура включает в себя такие компоненты, как субъекты ценностного взаимодействия (или же субъект – в случае эстетического восприятия природы); объект – носитель ценности; значение как идеальный аспект ценности; ценность как предпосылка и результат ценностного взаимодействия. Процесс характеризует ценностные ориентации людей в деятельности и поведении [3, с. 29, 31].

Предложенный *В.Г. Лукьяновым* философский анализ основных аксиологических парадигм положен нами в основу исследования ценностных оснований современного человека как в современном мире, так и в российском обществе.

В центре *аксиологических коллизий России и Запада* находятся люди, в ценностных основаниях которых доминируют противоположные тенденции, например: национализма и патриотизма, религиозно-го экстремизма и мультикультурализма.

Суть национализма проявляется в ценностном превосходстве той или иной нации. Можно выделить различные формы проявления национализма в современном мире:

- гражданский национализм основан на демонстрации лояльности определенным идеям и ценностям;

- этнический (религиозный) национализм опирается на историческую, кровную, культурную, религиозную и языковую общность;

- революционный национализм нацелен на защиту радикальных изменений в обществе;

- контрреволюционный национализм направлен на восстановление прежних отношений в обществе, разрушенных в результате революционного переворота.

«В качестве ценностных оснований патриотических ориентаций современного человека выделяют:

- образы, влияющие на мировоззрение и мышление современного человека;

- чувства по отношению к Родине, выражающиеся в уважении к истории, традициям, культуре своего народа;

- составляющие той или иной культуры, формирующие отношение индивида к этносу, государству, территории» [1, с. 3231].

Сущностными характеристиками *религиозного экстремизма*, в т.ч. исламского фундаментализма, являются: нетерпимость к сторонникам иных взглядов (политических, экономических, конфессиональных и пр.); попытки идеологически обосновать применение насилия как к противникам, так и к тем, кто разделяет убеждения экстремистов; апелляция к известным идеологическим или религиозным учениям и претензии на их истинное толкование; доминирование эмоциональных способов воздействия в процессе пропаганды экстремистских идей; создание харизматического образа лидеров экстремистских движений; стремление к захвату территорий суверенных государств с целью создания на них различных прообразов халифата.

Ориентация на *мультикультурализм* может проявляться в достижении следующих позитивных моментов:

- в поиске реальных путей эволюционного развития через принятие продуманных экономических реформ, решение конкрет-

ных социально-экономических проблем всех (без деления на этнические группы и представителей титульных наций);

- в уважении к ценностям и культуре иммигрантов, которых зачастую используют в качестве исполнителей наиболее неквалифицированных видов труда. Средний класс и элита иммигрантов, приносящие на Запад «интеллект» и «инвестиции», продуманно не упоминаются;

- в отказе от наиболее агрессивного отношения к этническим группам, представляющим исламский мир, продуманной фальсификации системы исламских ценностей и, в частности, истории философии исламского мира;

- в позитивной роли гармонизации этнокультурных отношений, являющейся универсальным феноменом глобального социокультурного развития.

Необходимо указать, что углубление цивилизационного и аксиологического разрыва между Востоком и Западом является своеобразным эпицентром политико-правового, геополитического противостояния не только на постсоветском пространстве, но и в рамках Большой Европы и даже в глобальном мире. Указанное обстоятельство также необходимо учитывать в ряду основополагающих факторов парадигмального сдвига в ценностных основаниях современного человека.

Это связано с тем, что в течение более двадцати лет наша страна ориентировалась на «демократические» ценности Запада, и только в последние годы началось становление собственной системы ценностей, опирающейся на консервативный выбор русского народа. «В качестве такого выбора может выступать «современный российский консерватизм». Данное словосочетание может выражать определенный уровень развития консерватизма (например, старый или новый, традиционный или современный). Такой выбор является обоснованным в силу следующего ряда причин:

- *во-первых*, консерватизм не является ниоткуда, он результат складывающихся в течение определенного времени традиций, религиозных взглядов, семейных отношений. В консервативной идеологии изначально проявлялись две различные по содержанию и формам реализации установки: апология существующего общественного порядка и ностальгическое переживание утраченного социального статуса. При этом такие идейные установки, как: признание всеобщности морального порядка; онтологического статуса социальной иерархии; ограниченности человеческого разума и не-

совершенства человеческой природы в целом; предпочтение устоявшимся институтам и общностям – могут различным образом сочетаться в зависимости от исторической ситуации, в которой находится конкретное общество на определенной стадии своего развития» [1, с. 3228–3229].

Все это позволяет в самом общем смысле представить консервативные ценности как положительную оценку исторической традиции, рассмотрение истории государства и нации как образца для подражания, стремление сохранить преемственность национально-культурных корней народа;

– *во-вторых*, современный российский консерватизм – это определенная форма самовыражения человека в тех социальных условиях, которые только складываются в современном российском обществе. Ориентация на консерватизм свойственна в большей степени представителям старшего поколения, которые имеют большой жизненный опыт. В то же время какая-то часть современных молодых людей (православная молодежь) вполне восприимчива к консервативной системе ценностей. Правда – это явное меньшинство, составляющее в лучшем случае несколько процентов. По мнению А. Минакова, «в обществе, где отсутствует жесткая регламентация поведения традицией, это неизбежно. Убежден, что роль и значимость такой молодежи будет возрастать по мере того, как роль консервативных ценностей будет становиться весомее в этом brave new world. Ибо, чем сильнее вызов этим ценностям, тем ярче и убедительнее будет обратная реакция» [4, с. 106];

Какими же причинами опосредована поляризация ценностных оснований современного человека?

Во-первых, в современном мире происходит обострение ценностных противоречий, между странами, социальными группами и людьми. В их основе лежит ценностный выбор, определяющий мировоззренческие ориентации современного человека в противоречивой системе координат: демократизм и авторитаризм; либерализм и консерватизм; фашизм и национализм; фундаментализм и экстремизм и др. В результате в ценностных основаниях современного человека постоянно идет процесс выбора той или иной мировоззренческой ориентации, и не всегда этот выбор является оправданным.

Во-вторых, кризис в аксиологической сфере современного человека проявляется:

– в осмыслении последствий «выхода» современного российского общества за пределы западноевропейской системы ценнос-

тей и попытке обоснования своего собственного ценностного выбора;

– в изменении содержательного компонента ценностных оснований современного человека от демократических ориентаций к консервативному (традиционному) выбору;

– в проблеме поиска современным человеком выхода из ситуации ценностной поляризации, лежащей в основе парадигмального сдвига ценностей, в отношениях между государствами, блоками, концессиями, социальными группами и людьми.

Непростая ситуация складывается и внутри российского общества. Она характеризуется относительной самостоятельностью ценностей современного человека по отношению к ценностям общества.

В ценностных основаниях современного человека происходит парадигмальный сдвиг, который характеризуется усилением субъективистских тенденций. Это проявляется в самореализации, самораскрытии человека. При этом его активность распространяется, главным образом, на собственную жизнь, собственные ощущения и суждения, здоровье. Все, что не связано с жизненным миром современного человека, является для него незначительным и второстепенным. Такая ярко выраженная эгоистическая направленность проявляется буквально во всем – ориентациях на собственные желания, амбиции, удовольствия, комфорт, богатство, любовь. Субъективизм сверху донизу пронизывает человеческое сознание, искажая при этом ценностные рамки восприятия действительности. Для него являются характерными такие черты, как односторонность и ограниченность, одномерность и нонконформизм, которые специфически отражаются в ценностных основаниях современного человека.

Ценностные основания современного человека уникальны, своеобразны и обладают отличительными особенностями, среди которых в последнее время на первый план все более выдвигаются «индивидуализм, ориентация на карьеру, богатство, эгоцентрические приоритеты, стремление к экономической независимости, прагматизм, доминирование материальных и витальных ценностей, жизненный успех» [5, с. 166].

Другими словами, в содержании ценностей современного человека доминируют прагматические тенденции, которые ориентируют его на обладание, т. е. стремление все превращать в свою собственность, пользу, выгоду и блага. Такая направленность человека делает из него не «созидателя», а «потребителя», который в своих предпочтениях ориентирован не на будущее, а на

настоящее. Сложившаяся ситуация приводит к ослаблению социальных механизмов регуляции поведения людей и усилению тенденций сугубо личностного, прагматического характера: «рвачества», «дикого цинизма», «деловитости», решимости идти по головам для достижения поставленной цели. Логическим итогом этих тенденций зачастую являются одиночество, религиозный синкретизм, антипатриотизм, стремление к эмиграции, социальная апатия, правовой нигилизм и др.

Отмечается возрастание прагматических тенденций в ценностных основаниях современного человека; действие традиционных, классических ценностей, имеющих духовное, нравственное или социальное звучание, зачастую не только не ослабевает, но в отдельных случаях усиливается.

Ценностными составляющими содержания общественного сознания современного человека сегодня являются его безусловная миролюбивость (отсутствие стремлений к различного рода насильственным и силовым методам как способу разрешения своих жизненных проблем), достаточно высокий субъективный интерес к социальным процессам, преобладающее доверие к основным субъектам российской государственности.

Важными чертами ценностного содержания духовной жизни современного человека выступают сегодня способность реально оценить ситуацию в стране и свое положение, психологическая устойчивость, относительно быстрая адаптация к новым реальностям российской действительности, открытость новым воззрениям и ориентация на духовный мир. Реакция значительной части людей на ухудшающиеся в результате антироссийских санкций социально-экономические условия жизни – не паника, не ожесточение, а осознанное противостояние трудностям, поиск новых путей сохранения духовной независимости, соотносенной с единством нации.

По сути, вопрос должен стоять о создании нового, адекватного социальному развитию общественного идеала, на который мог бы ориентироваться современный человек. Идеалы представлены в сознании людей в качестве объектов человеческих устремлений в достижении еще неизвестного или непознанного. Если идеалы по своему содержанию тяготеют к всеобщности, абсолюту, предполагают должные нормы и правила поведения, то социальные и правовые регулятивы реализуются как воплощение идеалов в деятельности и тяготеют к сущему.

Идеал включает в себя все ценное, что содержится в деятельности человека, и стремится сохранить и приумножить это ценнос-

тное содержание. Являясь интегрирующим началом, идеал стремится к абсолютному значению и объединяет в нем разнообразные духовные и материальные ценности. По своей природе идеалы, как духовные образования, определяют направление деятельности людей, но не имеют силы для реализации их целей. Материальные ценности, наоборот, имеют силу для реализации целей, но не имеют четкой направленности. Поэтому главное предназначение идеала как средства реализации ценностей современного человека состоит в том, чтобы определить, в каком направлении будет осуществляться его развитие.

Во-первых, построение идеала представляет собой сложную футуристическую задачу. В современной науке известны два различных подхода к пониманию идеала: формальный и содержательный.

Первый восходит к кантовскому категорическому императиву, когда выдвигается абстрактная нравственная формула ценностей. Такой идеал не может быть реализован на практике.

В соответствии со вторым, идеал выводится из конкретной действительности в качестве ее ценностной альтернативы. В нем мысленно снимаются или разрешаются реальные противоречия. Неслучайно, что именно этот идеал представляет собой образ ценностей более совершенных, чем те, которые в данный момент существуют в сознании человека. Стремление к созданию идеала для современного человека отражает реальные тенденции общественного развития – своеобразные ростки будущего в настоящем.

Во-вторых, необходимость создания новых ценностных оснований для жизнедеятельности современного человека обусловлена в первую очередь кризисом всех существующих их прообразов в прошлом и настоящем. Это, в свою очередь, привносит изменения в содержание понятия «идеал», которое, по мнению *Д.В. Пивоварова*, указывает на «гармонизацию чувственно-волевой (материализованной, воплощенной) и сверхчувственной (духовной) граней идеи» [6, с. 304].

Совершенно иную трактовку идеала разрабатывает *Г.П. Выжлецов*, согласно которой ценностные основания представляют собой «необходимую, должную, желаемую цель», которая впоследствии становится идеалом и при этом участвует «в обратном нормативно-регулирующем воздействии на содержание человеческих отношений» [2, с. 22]. Опираясь на анализ предложенных концепций идеала, можно с уверенностью утверждать,

что ценности современного человека, с одной стороны, представляют собой желаемую цель, на которую направлены усилия людей, а с другой стороны – материально воплощенную деятельность по ее достижению.

Таким образом, парадигмальный сдвиг в ценностных основаниях человека позволяет выделить общее и особенное как вовне, так и внутри российского общества. Эти взаимодействия отличается противоречивостью, разбалансированностью и разнонаправленностью ценностных устремлений, характерными чертами которых являются субъективизм, прагматизм, утверждение ценностной свободы, построение нового, адекватного социальному развитию общественного идеала.

1. Бормотов И.В. Консервативные ценности российской молодежи: социально-философский анализ [Текст] / И.В. Бормотов // В мире научных открытий. 2015. № 3.7. С. 3225–3245.

2. Выжлецов, Г.П. Духовные ценности и судьбы России [Текст] / Г.П. Выжлецов // Социально-политический журнал. 1994. № 3. С. 16–31.

3. Лукьянов, В.Г. Аксиологическая мысль в Петербурге: две парадигмы – возможен ли синтез? [Текст] / В.Г. Лукьянов // Культурное пространство Петербурга: история и современность. 2001. № 2. С. 29–32.

4. Минаков, А. Консерватизм – это блистательное интеллектуальное направление [Текст] / А. Минаков // Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ. М.: Некоммерческий Фонд – Институт социально-экономических и политических исследований, 2014. № 1. С. 106–112.

5. Смирнов, Л.М. Эмпирическое изучение базовых ценностей [Текст] / Л.М. Смирнов // Мир России. 2002. № 1. С. 166–183.

6. Современный философский словарь [Текст] / Под общ. редакцией д.ф.н. профессора В.Е. Кемерова. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАНПРИНТ, 1998. 1064 с.

References

1. Bormotov I.V. (2015) Konservativnue tsennosty rossiyskoy molodegi: sotsialno-filosofskiye analis [Conservative values of the rossian youth: social and philosophical analysis] // V mire nauchnykh otkrytiy. Krasnoyarsk: Nauchno-innovazionnykh zentr, no 3.7, pp. 3225–3245 [in Rus].

2. Vizhletsov G.P. (1994) *Social'no-politicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 16–31 [in Rus].

3. Luk'yanov V.G. (2001) *Kul'turnoe prostranstvo Peterburga: istoriya I sovremennost*, no. 2, pp. 29–32 [in Rus].

4. Minakov A. (2014) Konservatism – eto blestatel'noe intellektual'noe napravlenie [Conservatism is a brilliant intellectual area] // Tetradi po konservatizmu: Almanah fonda ISEPI. Moscow, nekommercheskii fond – Institut social'no-ekonomicheskikh I politicheskikh issledovanii, no. 21, pp. 106–112 [in Rus].

5. Smirnov L.M. (2002) *Mir Rossii*, no. 1, pp. 166–183 [in Rus].

6. *Sovremenii filosofskii slovar* (1998) Pod obschei redktsiei prof. V.E. Kemerova. London, Frankfurt-namaine, Paris, Luxembourg, Moscow, Minsk: PANPRINT, 1064 p. [in Rus].

UDC 124.5

VALUE GROUNDS OF A MODERN MAN: PARADIGM CHANGE

Bormotov Igor Vladimirovich,
Financial University under the Government
of the Russian Federation, Chelyabinsk
branch, Tula branch,
Head of the Department Chair of
Philosophy, History and Law,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Tula, Russia.
E-mail: benaris1954@yandex.ru

Annotation

The article gives social and philosophic analysis of value grounds of a modern man in the context of paradigm change. The author considers the main groups of contradictions taking place both in the modern world and in the Russian society inside which there appears a modern man with his value preferences and interests, subjective directives and experience. The author proves methodological principles of paradigm change in value grounds of a modern man. An attempt of searching a new public ideal is taken.

Key concepts:

value grounds,
paradigm change,
conservatism,
pragmatism,
public ideal,
modern man.

УДК 101.2

ЛОГИКО-ОСНОВАННАЯ ТЕРАПИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ПРОБЛЕМАМИ

Иванова Ольга Эрнстовна,

Челябинский государственный педагогический университет, заведующий кафедрой социально-педагогического образования, доктор философских наук, доцент, г. Челябинск, Россия.
E-mail: 74oliva@list.ru

Аннотация

Статья посвящена актуализации управления проблемами в условиях неустойчивого бытия, транскомуникации.

В связи с этим обосновано применение логико-основанной терапии как направления современной философской практики, основной целью которой является преодоление иррационального влияния ошибочных суждений. Проведен анализ методологических возможностей логико-основанной терапии.

Ключевые понятия:

проблема, решение, транскомуникация, логико-основанная терапия, эмоциональное суждение.

Философское знание зародилось как практическая деятельность, «любомудрие» (Пифагор), философствование, выраженное удивлением-изумлением (Сократ, Аристотель). Вечно вопрошающий характер философии определил ее инструментальность в отношении выявления и решения проблем. Современные исследователи практикуют философию как консультирование, применяя философские категории и методы для управления проблемами и конструирования жизненных целей [9].

Традиционно под проблемой понимается противоречие, подлежащее разрешению. Проблема (от греч. *πρόβλημα* – преграда, трудность, задача) есть «объективно возникающий в ходе развития познания вопрос или целый комплекс вопросов, решение которых представляет существенный практический или теоретический интерес. Развитие человеческого познания может быть представлено как переход от постановки проблем к их решению, а затем к постановке новых проблем» [5, с. 356]. Начало этого процесса – в осмыслении проблем.

В фокусе решения проблемы находится бытие цели в поступке. Принятие решения – это особая мировоззренческая, эпистемологическая, методологическая и аксиологическая ситуация, в которой раскрывается самость Я. Принятие решения как должное есть в первую очередь эпистемологический процесс, осознанная целенаправленная деятельность, при которой в понятиях, суждениях, умозаключениях проявляется мировоззрение, свободная воля, методологические приоритеты субъекта. Принятие решений как сущее включает также деятельность, основанную на интуиции, эмоциональных суждениях, опыте. Рациональный же путь принятия решений предполагает выявление, ясное определение и разрешение проблем.

Указанная «работа» с проблемами актуализируется в условиях неустойчивого бытия, что характерно для современной коммуникации, ее «вхождения» в транскомуникацию. Современная онтология позволяет зафиксировать в понятии «транскомуникация» состояние системы нового качества, измененное под воздействием факторов внешней среды. Транскомуникация проявляет признаки срединной сущности как системы «между» в сцеплении реального и виртуального мира, для которой характерны неустойчивость, нелинейность, наблюдаемость. Состав основных структурных элементов коммуни-

кации (субъект-объект, сообщение, среда, средство, шум) сохраняется, но при этом они видоизменяются в условиях электронно-сетевой среды. В сознании человека стираются темпоральные характеристики, знаменуя пространство иной соразмерности при отсутствии физических границ. Транскоммуникационным становится само существование человека, его бытие оказывается одновременно «между» мирами при нахождении физического тела в реальном мире, а мыслей и образов – в мире виртуальном. Человеческое тело при использовании измененных средств коммуникации, проявляющих свойства «гаджетов» в их «дополнительности-пристегнутости» к человеку, мысленно «расширяется» и может одновременно взаимодействовать с предметами различной природы. Таким образом субъект электронно-сетевой коммуникации превращается в квазисубъекта. Избыточность, предлагаемая со времен К. Шеннона в качестве средства уменьшения ошибок и приближения к достоверности сообщения [6, с. 280], сама становится эпистемологическим препятствием в условиях лавинообразности информации и спама как потенциальной коммуникации. Существенным является и тот факт, что априори транскоммуникация не настраивает на постижение сущности – смысла передаваемого сообщения. Акт взаимодействия как «со-общения» ценится как таковой, в факте «со-бытия» проявляется лишь его совместность. Транскоммуникация становится неотрелексированной. В этом случае целесообразно «запустить» управление проблемами. Поступая таким образом, мы учитываем позицию синергетики, согласно которой «точки неустойчивости, бифуркации систем» определяются как «самые эффективные состояния для управления», в частности – и при проблемном методе обучения: «новая идея рождается, когда учащийся находится в неустойчивом состоянии хаоса сомнений и выбора при высоком мотивационном фоне» [2, с. 101].

Действенным инструментом управления проблемами и основанием для принятия решений может служить логико-основанная терапия, «Logic-Based Therapy», LBT (Elliot D. Cohen), одно из направлений в рамках современной философской практики.

Основной целью логико-основанной терапии является преодоление иррационального влияния ошибочных суждений, исходя из этого LBT направлена на выявление и исправление ошибочных суждений.

Указанное достигается посредством последовательного, систематического применения методов и теорий философии. При формировании адекватного поведенческого плана, предполагающего применение философских положений, логико-основанная терапия проявляет близость к познавательно-поведенческим подходам в психологической практике.

Логико-основанная терапия исходит из посылки, что проблемы порождаются эмоциональными ошибочными суждениями – суждениями, основанными на эмоциональной оценке объекта, события или состояния дел. Такие иррациональные суждения воплощают выводы практических силлогизмов.

Идею о том, что эмоциональное суждение принимает форму практического силлогизма, логико-основанная терапия заимствует в античных представлениях, указывающих, что человеческие действия и эмоции выводятся из посылок. В частности – из предписывающего правила (которым руководствуется человек, определяя, как ему действовать, думать или чувствовать) и сообщения (посредством которого человек представляет свое восприятие специфического факта или реальности в соответствии с этим правилом) [7, р. 27].

Такой вывод описан еще Аристотелем в работе «Никомахова этика» как «практический силлогизм» – понятие, используемое в логико-основанной терапии для характеристики практического мышления. «Одно мнение, [т.е. посылка], касается общего, другое – частного, где, как известно, решает чувство. Когда же из этих двух [посылок] сложилось одно [мнение], то при [теоретической посылке] необходимо, чтобы душа высказала заключение, а при [посылках], связанных с действием (poieticai), – чтобы тут же осуществила его в поступке» [1, с. 197]. Кроме того, Аристотель указал и на ограниченность подобного определения, представляющего «собой как бы доказательство, вывод из посылок демонстративного силлогизма и которое положением терминов отличается от доказательства» [1, с. 698].

Практический силлогизм привлек внимание известного финского философа и логика XX века Г.Ф. Вригта. Рассматривая возникновение аналитической философии действия, Вригт обратился к идее Э. Энскомба о практическом силлогизме как особом характере рассуждения. Реконструкция основной идеи Аристотеля позволила следующее толкование практического

силлогизма. Это – «исходная, или большая, посылка силлогизма говорит о некоторой желаемой вещи, или цели действия; в меньшей посылке некоторое действие связывается с этим желаемым результатом как средство его достижения; наконец, в заключении говорится об использовании средства для достижения цели. Таким образом, как в теоретическом выводе утверждение посылок с необходимостью приводит к утверждению заключения, так и в практическом выводе согласие с посылками влечет за собой соответствующее им действие» [3, с. 64]. Г.Ф. Вригт также подчеркивает, что практический силлогизм не является формой доказательства. Такое рассуждение качественно отличается от доказательного силлогизма. В этой оценке практического силлогизма Вригт соглашается с выводом Э. Энскомб. Отмечая неясность отношений практического силлогизма и теоретического рассуждения, Г.Х. Вригт все же подчеркивает значение практического силлогизма для объяснения и понимания действия: «практический силлогизм является моделью телеологического объяснения в истории и социальных науках» [3, с. 64].

Современный российский философ логик А.А. Ивин также опровергает дедуктивный характер практического силлогизма. В его определении практический силлогизм (целевое обоснование) представляет форму индуктивного рассуждения. «Целевое (мотивационное, телеологическое) понимание представляет собой индукцию, заключение которой – проблематическое утверждение» [4, с. 391].

С целью преодоления негативного влияния иррациональных суждений, необходимо, в первую очередь, сформулировать эмоциональное суждение. Это достигается путем оформления практического силлогизма в цепи: «цель – средство – действие». Практический силлогизм может быть представлен следующей схемой:

1 (цель). N хочет скрыть следы кражи.

2 (средство). Если N не совершит новую кражу, покрывающую следы первой, пропажу обнаружат.

3 (описание действия). Значит, N должен совершить новую кражу или ее имитацию.

Или в другом варианте:

1 (цель). N хочет остаться работать в организации по достижении пенсионного возраста.

2 (средство). Если N сможет раскрыть «ограбление века», его оставят работать.

3 (описание действия). Значит, N должен совершить «ограбление века», чтобы самому и раскрыть это преступление.

С целью выявления умения самостоятельно формулировать эмоциональное суждение было проведено анкетирование 50 респондентов в возрасте от 18 до 60 лет, абсолютное большинство из которых составили женщины (78%).

96% от общего количества опрошенных – работающие, среди них почти половина относится к категории специалистов (47,8%), более трети составляет категория рабочих (37%), также представлены служащие (6,5%), руководители (8,7%). Большая часть респондентов являются жителями крупных городов (82%), также представлены проживающие в сельской местности (8%), в малых городах (6%) и городах-миллионерах (4%).

Результаты опроса подтверждают, что значительное большинство респондентов (96%) хотя бы раз в жизни принимали решение или совершали поступки, основанные на эмоциях. Около половины опрошенных (46%) руководствовались эмоциональными суждениями редко (в исключительных случаях), иногда (в некоторых случаях) к ним прибегали 38%, тогда как чаще всего и постоянно эмоциональные суждения являются основой действий, соответственно, 10% и 6% респондентов.

Однако даже при условии применения метода аналогии реконструкция практической-силлогической цепи вызвала затруднения респондентов. Распознавание действий вызвало сложности у трети опрошенных (30%), половина опрошенных не смогла сформулировать или представила неопределенные формулировки (14%) средств. Не смогли сформулировать цель или представили ее неясную формулировку 42% участников опроса.

Среди действий преобладает указание на проявление негативных, саморазрушающих (гнев, раздражение, крик, драка, спор) эмоций (34%); конструктивные проявления (проявления самости Я – самореализация, саморегуляция, самоактуализация) составили 24%, отчуждение и бездействие, соответственно, 10 и 2%. Выражение негативных эмоций в средствах составило пятую часть ответов, конструктивные – 7%, и позицию отчуждения содержали 2% ответов респондентов. Почти треть представленных целей (28%) содержала деструктивные суждения, где цель отождествлялась с действием. Доля эмоциональных суждений с позитивной целью, где целью являлось

действие, составила 8%. Эмоциональное суждение, где цель выражала состояние (присутствия, отчуждения, независимости, воздаяния), сформулировали 20% респондентов.

Между тем необходимо учитывать, что сознательное действие начинается с постановки целей. Еще Аристотель анализировал различные виды целей в соответствии с их фокусом. К первому виду целей поступков Аристотель относил такие, результатом которых являлась сама деятельность. Цели второго вида он отличал от действий. Согласно Аристотелю, чтобы получить лучший результат, следовало придерживаться целей второго вида. Такие цели – управляющие цели, которым подчиняются действия, например, «здоровье», «богатство». Это цели, выражающие определенное состояние, в случае если цель «есть собственно благо» [1, с. 55].

LBT учитывает подобные сложности самостоятельного формулирования эмоционального суждения и предлагает осуществить этот процесс в условиях взаимодействия с консультантом. LBT-консультант помогает клиенту сформулировать эмоциональное суждение в форме практического силлогизма или – цепи таких силлогизмов. При работе с эмоциональными суждениями первичными инструментами LBT-консультанта служат слушание, вопрошание и эмпатическая рефлексия. Использование динамичного набора логических инструментов позволяет выявить и исправить ошибочные суждения и тем самым избежать разрушительных эмоций и поведения. Эллиот Д. Коэн выделяет шесть последовательных этапов LBT [8, р. 4].

1. Формулирование эмоционального суждения.

2. Проверка эмоционального суждения на наличие ошибок в посылках.

3. Опровержение каждого ошибочного суждения.

4. Определение ведущего действия для каждого ошибочного суждения.

5. Обнаружение близкой по духу философии для каждого ведущего действия.

6. Применение избранной философии к каждому ведущему действию.

LBT-консультант выслушивает проблемы клиента, задает проясняющие открытые вопросы, основанные на знании философии, и эмпатически рефлектирует, «наращивая» ясность суждения клиента. Посредством четкого описания проблемы так, как он ее воспринимает, эмпирически обосновывая второстепенную посылку

первичного эмоционального суждения, LBT-консультант систематически предоставляет «отчет» клиенту. Это позволяет идентифицировать саморазрушающее поведение и / или эмоции клиента. Далее в суждении клиента распознается силлогизм с пропущенной посылкой, поддерживающий указанные саморазрушительные заключения; высказанные иррациональные предпосылки опровергаются, и конструируются оппонирующие им «суждения-антидоты». Но одним конструированием логико-основанная терапия не ограничивается, она учитывает, что конструктивные изменения в поведении и / или эмоциях клиента не произойдут до тех пор, пока содержащие их философские идеи не будут практиковаться. На этом заключительном этапе советник LBT помогает клиенту сформулировать подходящий поведенческий план применения философских идей для «преодоления когнитивно-эмоциональной власти ошибочного суждения, ведущего к саморазрушению, негативным эмоциям, таким как депрессия, тревога, чувства вины, гнева и сильного раздражения» [8, р. 6]. Эллиот Д. Коэн допускает различные варианты решения проблем. В частности, клиент может сосредоточить усилия на выполнении профессиональной деятельности, оттачивая свои навыки и гордясь хорошо проделанной работой в соответствии с философией Будды или Эпиктета. Также он может принять в качестве утешения идею Ницше, изложенную в работе «Так говорил Заратустра», и, подобно канатоходцу, проявить большую смелость в решении проблем его текущей работы, даже если он в конце концов никогда и не получит повышения по службе. Наряду с этим он может набраться смелости и вступить на путь подлинного существования: попытаться устроиться на иную, подходящую ему по духу работу, даже рискуя не найти ее. Идея же, подчеркивает Коэн, состоит в том, чтобы идти философским путем, а не ограничиваться разговорами об этом.

Таким образом, в результате применения LBT человек получает выявление и исправление ошибочных суждений. Избегать разрушительных эмоций и поведения позволяет управление проблемами на мировоззренческом уровне с использованием философско-логического инструментария. В этом процессе последовательно создаются условия для возможных изменений человека в его осмысленном существовании в повседневной жизни, в профессиональной деятельности. А, следовательно, под-

готовливается «благоприятная почва» для выработки рационального суждения – основы для принятия решения.

1. Аристотель. Никомахова этика [Текст] / Аристотель / Сочинения: в 4-х томах / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. С. 53–293.

2. Буданов, В.Г. Управление человекомерными системами и методология синергетики [Текст] / В.Г. Буданов / Философия управления: проблемы и стратегии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.М. Розин. М.: ИФРАН, 2010. С. 89–111.

3. Вригт, Г.Х. фон. Объяснение и понимание [Текст] / Г.Х. фон Вригт / Логико-философские исследования. Избранные труды / пер. с англ.; Общ. ред. Г.И. Рузавина и В.А. Смирнова; сост. и авт. предисл. В.А. Смирнов. М.: Прогресс, 1986. С. 35–241.

4. Ивин, А.А. Современная философия науки [Текст] / А.А. Ивин. М.: Высш. шк., 2005. 592 с.

5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. [Текст] / Ин-т философии РАН, Нац.-общ. научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. М.: Мысль, 2010. Т. III. 692 с.

6. Шеннон, К. Математическая теория связи. Работы по теории информации и кибернетике [Текст] / К. Шеннон. М.: ИЛ, 1963. С. 243–663.

7. Cohen, Elliot D. Philosophical Principles of Logic-Based Therapy [Text] / Elliot D. Cohen // Practical Philosophy. 2003. Volume 6, Issue 1. P.27–35.

8. Cohen, Elliot D. What Else Can You Do With Philosophy Besides Teach? [Text] / Elliot D. Cohen // International Journal of Philosophical Practice. 2015. Vol. 3. No. 3. P. 1–7.

9. Philosophical Consultancy. URL: <http://www.society-for-philosophy-in-practice.org/index.php/key-concepts/pconsult-description> (дата обращения: 14.02.2015).

References

1. Aristotel' (1983) Nikomahova jetika. Moscow, Mysl', pp. 53–293 [in Rus].

2. Budanov V.G. (2010) Upravlenie chelovekomernymi sistemami i metodologija sinergetiki / Filosofija upravljenja: problemy i strategii. Moscow, IFRAN, pp. 89–111 [in Rus].

3. Vrigt G.H. fon. (1986) Ob#jasnenie i ponimanie / Logiko-filosofskie issledovanija. Izbrannye Trudy. Moscow, Progress, pp. 35–241 [in Rus].

4. Ivin A.A. (2005) Sovremennaja filosofija nauki. Moscow, Vyssh. shk., 592 p. [in Rus].

5. Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 t. (2010) Moscow. Mysl', T. III, 692 p. [in Rus].

6. Shennon K. (1963) Matematicheskaja teorija svjazi. Raboty po teorii informacii i kibernetike. Moscow, IL, pp. 243–663 [in Rus].

7. Cohen Elliot D. (2003) *Practical Philosophy*, no. 6 (1), pp.27–35. [in Eng].

8. Cohen Elliot D. (2015) *International Journal of Philosophical Practice*, no. 3 (3), pp. 1–7 [in Eng].

9. Philosophical Consultancy, available at: <http://www.society-for-philosophy-in-practice.org/index.php/key-concepts/pconsult-description> (accessed 14.02.2015) [in Eng].

UDC 101.2

LOGIC-BASED THERAPY AS A TOOL OF HANDLING PROBLEMS

Ivanova Olga Ernstovna,

Chelyabinsk State Pedagogical University,
Head of the Department
Chair of Social and Pedagogical Education,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: 74oliva@list.ru

Annotation

The article deals with actualizing handling problems in the context of unstable existence, trans communication. In connection with It the author proves application of a logic-based therapy as a way of up-to-date philosophic practice the major aim of which is to overcome irrational influence of ill judgments. The author analyses methodological opportunities of a logic-based therapy.

Key concepts:

problem,
solution,
trans communication,
logic-based therapy,
emotional judgment.

УДК 1:3+297.17

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ УММЫ БАШКОРТОСТАНА: ФАКТОР САЛАФИЗМА

Бердин Азат Тагирович,

Академия наук Республики Башкортостан,
Институт стратегических исследований
Республики Башкортостан,
заведующий сектором социальной
культурологии и обществоведения
Центра социокультурного анализа,
кандидат философских наук,
Уфа, Россия.
E-mail: azat_berdin@mail.ru

Аннотация

Рассматривается фактор салафизма в мусульманской общине Башкортостана в начале XXI века. Проанализированы принципиальные различия в генезисе салафизма как современного социокультурного феномена Постмодерна в Республике Башкортостан, с одной стороны, и в республиках Северного Кавказа – с другой. Определены условия диалога мусульман всех направлений в РБ на правовой основе.

Ключевые понятия:

национализм,
салафизм,
неосуфизм,
традиционализм.

Традиционным для мусульманской части населения Республики Башкортостан является суннитское направление ислама ханафитского мазхаба. В его рамках полемичные друг другу суфизм и салафизм следует рассматривать как ситуативные проявления имманентных любой мировой религии направлений – мистики (эзотерики) и фундаментализма, принимающих как умеренные, так и маргинальные, радикальные формы. В данном материале рассматриваются только движения в их рамках, не имеющие с точки зрения законодательства и Конституции РФ оснований для запрета и преследования. В Российской Федерации салафизм получил распространение в эпоху Постмодерна, и в 2000-е гг. этот внутрикофессиональный для мусульман социокультурный феномен инкорпорировался в культурную матрицу современных башкир во многом именно как явление Постмодерна. Ныне салафитские джамааты представляют собой достаточно значимый для анализа фактор в неофициальном сегменте мусульманской общины Башкортостана.

Проникновение салафизма в Башкортостане наложилось на системный кризис башкирского национального движения, особенно в среде молодежи. С 2008 г. в джамааты ушли активные участники башкирского национального движения, в частности из известного в 1990-е годы Союза башкирской молодежи (СБМ) и Башкирского общественного движения (позже – Башкирского правозащитного движения) «Кук буре», разочаровавшись в идеологии национализма. Суть феномена заключалась не в мифической связи исламизма с национализмом, как он стереотипно интерпретировался, к примеру, известным публицистом Р.Сулеймановым [1, с. 14–15], а напротив, в разрыве и полемике между «мусульманами» и «националистами», по результатам которых национализм как идеология проиграл религии, и заметная часть лидеров и актива политизированной башкирской молодежи перешла от него и вопреки ему в исламские джамааты, покинув националистических лидеров и организации [2, с. 143]. Так, лидер «Кук буре» Азат Сальманов вообще известен своей жесткой антиисламистской, а ранее – даже антиисламской риторикой, что служило лишним поводом отторжения от его организации мусульманской башкирской молодежи. Впрочем, воззрения актива небольших молодежных групп, типа «Кук буре», крайне эклектичны и не могут быть отнесены даже к последовательно националистическим: в них есть важные элементы, противоречащие взятому ими за образец умеренному либеральному наци-

онализму и близкие стихийному традиционализму¹.

По результатам включенного наблюдения, в различные течения ислама уходил наиболее перспективный и молодой актив. У этого явления есть аспект, важный с точки зрения статусно-ролевой динамики башкиро-татарских отношений, традиционно значимых для этнополитической сферы в Башкортостане: с массовым приходом в исламскую общину республики авторитетных и креативных башкир терял свою значимость проблемный в 90-х годах вопрос о татаро-башкирском соперничестве в умме. В упомянутый период заметное превалирование этнических татар в кадровом составе муфтиятов являлось важным стереотипом, затруднявшим возвращение башкир в ислам. Но в 2000-е годы салафитские джамааты в значительной мере сняли этот стереотип, поскольку стали очевидным, нередко раздражающе проблемным явлением именно башкирской общественной среды.

При этом раскол нельзя определить по линии: татары выступают за муфтияты, башкиры за про-ваххабитские течения. Такая дихотомия по национальному признаку неадекватна реальности еще и потому, что в самом Татарстане влияние салафитов и более радикальных течений, и вообще оппозиционных «официальному исламу» групп, по мнению большинства экспертов, намного значительнее, как и уровень религиозного экстремизма, нежели в Башкортостане. Роман Силантьев отметил: «В Башкирии ... если сравнить с Татарстаном, то ситуация выглядит намного лучше»². Имелось в виду покушение на муфтия Ильдуса Фаизова и убийство его заместителя Валиуллы Якупова и другие резонансные теракты в Татарстане³.

Значительно более высокий уровень проявлений межконфессиональной конфликтности в Республике Татарстан, чем в Республике Башкортостан, неоспорим, что заставляет корректировать представление о масштабе явления в целом: все упомянутые происшествия не помешали Татарстану обогнать Башкортостан по ряду статусно-ролевых позиций за последние пять лет и пользоваться репутацией одного из самых уважаемых субъектов РФ.

Важно, что в ходе описанных выше процессов зачастую именно через салафитские джамааты неотъемлемым фактором уже не исторической, а в современной жизни башкирской молодежи вновь стал ислам. Так,

«по итогам социологических исследований 2012 г., количество «неофициальных» мусульман только в г.Уфе составляет 14,3% от общего числа «практикующих» мусульман (посещающих пятничный намаз)» [3, с. 15]. Основная их часть – салафиты (9,4%). Более подробное количественное и процентное распределение содержится в обобщающей монографии Р.Д. Карамышева [4, с. 90–93].

В результате в салафизме, резко отрицающем национализм, парадоксальным образом башкирский национальный фактор на тот момент оказался инкорпорируется и адаптирован значительно более удачно, по сравнению даже с ДУМ РБ, тем более ЦДУМ, т.е. официальными муфтиятами. Именно этим объясняется непримиримый конфликт с появившимся в Башкирии позже, в 2010-х гг., и претендующим именно на совмещение башкирского национализма и ислама тарикатом хакканитов: это конфликт за протестную башкирскую аудиторию. Но протестная ниша в умме РБ была уже занята слоем разнохарактерных джамаатов, условно называемых салафитами.

Эта парадоксальность ситуации выявляется более ярко при сопоставлении с процессом проникновения салафизма на Северный Кавказ. Там в числе важных мотивов рекрутации неофитов был именно протест молодежи против сложившейся системы, включая жесткую социальную и субэтническую (иерархия тейпов, тухкумов) стратификацию местного этнонационального общества (чеченского, аварского и т.д.), налаговашую на вертикальную мобильность молодого человека жесткие национальные (преимущества титульных, «коренных» чеченцев), субэтнические (престижность тейпа либо места семьи в тейпе) и коррупционные ограничения.

Ваххабизм все эти препятствия не признает. В ваххабиты в Чечне, по материалам акад. В.А. Тишкова, шли люди, не удовлетворенные своим положением (и положением общества в целом) по результатам Первой чеченской кампании. При этом ваххабиты сразу становились в жесткую оппозицию холлистски настроенному сельскому социуму – конфликт принимал дополнительное измерение: межпоколенное, межобщинное (либо внутриобщинное) – вплоть до выселений и вооруженных столкновений [5].

Вторым отличным от Башкортостана обстоятельством была укорененность суфийской компоненты в традиционной этносо-

¹ Идеологическая платформа БОД «Кук буре». URL: <http://kyk-byre.ru/ideologes.html>. Дата доступа: 07.11.2015.

² Абдрашитов Б. Есть ли в Башкирии ваххабизм? // ProUfu.ru. 19.05.2014. URL: <http://archiv.proufu.ru/obcestvo/item/37248-est-li-v-bashkirii-vakhkhabizm.html>. Дата доступа: 07.11.2015.

³ Ответственность за атаку на мусульманских деятелей взяли «Моджахеды Татарстана» // Вести.ру. 6 августа 2012. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=869404&tid=98714>. Дата доступа: 07.11.2015.

циальной идентичности кавказских горцев. Даже в советский период в национальную идентичность входила не только формальная, «этническая» принадлежность к исламу, но и субэтническая и субконфессиональная: принадлежность к конкретному роду зачастую определяла и жесткую принадлежность к определенному вирду (ячейке тариката, суфийскому братству). Поэтому конфликт салафизма с суфизмом, помимо мировоззренческого, социально интерпретировался на Кавказе и как конфликт поколений, и как конфликт традиционалистов с реформаторами, причем реформаторами выступали фундаменталисты-салафиты, принципиальные противники реформ в исламе.

В Башкирии суфизм, в особенности ордена Накшбандия, исторически также обладал заметной популярностью. Но отличие условий Башкортостана от небольших республик Северного Кавказа заключалось в том, что советская модернизация в Башкирии носила значительно более масштабный и глубокий характер, с соответствующей глубиной разрыва старых и сложения новых традиций. При крушении уже новой, созданной при БАССР башкирской советской традиции это проявилось вполне отчетливо. Так, помимо «исламского ренессанса» в 1990-е гг. регион разделил все виды архаизации, общей для всей России. Всплеск политизированной этничности требовал новых идеологических конструктов, которые отнюдь не всегда коррелировали с исламом. Эти неоязыческие, экуменистские и прочие постмодернистские тенденции, типа «тенгрианства», были маргинальны, но подтверждают собою важный момент: массовая память о нюансах исламского вероисповедания была утрачена в намного большей степени, чем на Кавказе.

Рецидивом этого явления постмодернистской архаики, которым переболело башкирское общество еще в 90-х, можно считать организованный мюршидом неосуфийской группы хакканитов в Республике Башкортостан Салаватом Кильдиным 17 сентября 2014 г. зиярат (паломничество) делегации во главе с киприотским шейхом Мехметом Адилем Хаккани к вымышленной в спешном порядке «могиле Урала-батыра» (героя одноименного космогонического башкирского эпоса).

Принципиальное отличие от реалий Северного Кавказа заключалось в том, что ислам остался частью башкирской национально-культурной, но не субэтнической идентичности, т.е. только национальным маркером башкир как «этнических мусульман» в самом общем виде. Никакой жесткой привязки к конкретному тарикату или течению в Исламе у башкир и татар не сохранилось. Традиционен

для башкир ислам в целом с самыми общими рамками: суннизм ханафитского мазхаба.

Таким образом, например, тот же салафизм закономерно воспринимается в Башкирии как «новодел» – но в той же степени как «новодел» воспринимаются и конкурирующие с ним просуфийские группы, например, хакканиты – мюриды шейха Назима аль-Хаккани (а после его смерти – его сына Мехмета аль-Хаккани), пытавшиеся узурпировать историческое наследие ордена Накшбандия в Башкортостане и даже суфизма в целом, в то время как в самой Турции они являются достаточно малоизвестной религиозной группой неосманитского толка, а в отечественном исламоведении их определение колеблется между псевдосуфийским и неосуфийским. Согласно исследованиям В.В. Цибенко (Ивановой), хакканизм можно считать типичным явлением постмодерна и контрмодерна, с эпатажным синкретическим смешением суфийской риторики с практиками New Age и даже йоги (!) в хакканизме [6, с.97]. В интервью автору данных строк В.В. Цибенко отметила, что с самого начала проповеднической деятельности на Западе шейх Назим установил тесные контакты с представителями Нью Эйдж, в том числе, с группой Джона Беннета – ученика всемирно известного философа-мистика Гурджиева. Это отложило значимый отпечаток на весь тарикат, основной особенностью которого стал синкретизм. Именно подобная «всеядность» обусловила стремительное распространение тариката среди европейцев и американцев. Для них хакканийя – это суфизм, адаптированный под их собственные нужды и запросы. Например, Хишам Каббани предлагает суфийскую медитацию как борьбу с депрессией, а немецкий представитель тариката Эшраф Эфенди создал медитационную технику Хайи-Крафт-Йога. Сам Назим Киприотский отметил фразой в духе протестантских движений: «Не говори «Я мусульманин», «Я христианин», «Я иудей», «Я буддист». Дело не в этом. Дело в том, как долго ты будешь со своим Господом каждый день? Скажи мне! Это важно. Не твой титул». Хакканиты достаточно быстро вступили в бесплодную и политическую по сути конфронтацию с муфтиятом Башкортостана с целью его захвата под свой контроль. Так, конфликт вокруг мечети «Жамиг» в октябре 2015 г. почти полностью повторял алгоритм более ранних конфликтов ваххабитов с муфтиятами за мечети.

Агрессивность проповеди салафизма на первой стадии привела к соответствующей радикализации их «муфтиятских» оппонентов, когда исламский молодежный ренессанс в Башкирии распространился настолько, что в сфере влияния муфтията оказалось доста-

точное количество молодежи, еще не охваченной неофициальными исламскими джамаатами, либо вышедшими из-под влияния последних. К таковым относится, например лидер молодежного отдела ДУМ РБ Айнуар Арсланов, пропагандировавший жесткий отпор салафитским проповедникам и организовавший для такового группу мусульманской, преимущественно башкирской, молодежи из спортсменов и ветеранов локальных войн⁴. Ныне Арсланов, причисляющий себя к ученикам суфийского шейха направления Накшбандия Османа Топбаша, расположен к конструктивному диалогу и причисляется наблюдателями к наиболее вероятным претендентам на пост муфтия ДУМ РБ после ухода ныне действующего муфтия Нурмухаммада Нигматуллина.

В свою очередь, умеренное ядро салафитов Башкирии перешло к политике отказа от деструктивных акций, к организации легальных мусульманских мероприятий: детских праздников и т.д. Их интернет-ресурс «Шура РБ» (еще до вступления РФ в войну в Сирии) резко выступил против ИГИЛ, определив эту запрещенную на территории РФ организацию как хариджитскую, что равнозначно представлению ее врагом уммы⁵.

Если для Кавказа принятие идеологии салафизма – это процесс форсированной социальной модернизации и выделения индивида из системы этнических и клановых связей традиционного общества, то для Башкортостана – наоборот: поскольку традиция массового исповедания любого направления ислама была прервана при Советской власти, салафизм зачастую воспринимался как защита традиции, как реальная альтернатива постмодернистской мозаичности мышления, раскалывающей традиционный мир, в отличие от неспособного защитить этот мир сельского обрядовая.

Этот мотив усугублялся неблагоприятным социальным положением башкирского общества в городе, заметной деградацией всей общественной сферы (аномия, алкоголизация села и пр.), резкое социально-имущественное расслоение общества, неограниченная пропаганда невыполнимых потребностей «общества потребления»,ходящая через СМИ и Интернет до каждого села и вызывающая протестную реакцию активной части молодежи. Так, одним из первых узнаваемых лиц «опозиционного ислама» в Башкортостане стал экс-активист СБМ Фанзиль Ахметшин, бывший одновре-

менно инициатором республиканской акции «Трезвое село».

Движение салафитов в РБ позиционировалось как стремление к «новому порядку», тогда как тарикатисты, несмотря на аналогичные призывы к исполнению шариата, воспринимались, благодаря своей близости к муфтиятам, как часть «старого порядка», ассоциирующегося с деградацией уммы [7]. «Ваххабизм» прост в понимании, в нем развита молодежная субкультура, и мусульманский протест оказался ими приватизирован, во многом с помощью СМИ, планомерно создававших агрессивный образ ваххабита, что в глазах протестно настроенного сегмента «этнических мусульман» вело к обратному эффекту и предпочтению перед «конформистскими» муфтиятами. Подобный имидж ваххабизма превращал его в маркер нонконформизма, причем не субкультурного, а подкрепленного религиозно. Безусловно, объективные предпосылки для негативного образа ваххабизма имелись: это движение получило известность в России с момента своего активного участия в гражданской войне в Чечне, крайне болезненно пережитой российским обществом. Но такое позиционирование салафизма было ситуативным, а не имманентным, что подтверждено законодательно: «ваххабизм» не является запрещенным [4, с. 94]. На настоящий момент ситуация в Башкортостане коренным образом отличается от реалий Северного Кавказа.

Мусульмане различных направлений в Республике Башкортостан расположены к диалогу, и важно этот диалог не сорвать, жестко и четко, на правовой основе отсекая при этом незаконные группы [4, с. 70]. Подобный диалог возможен при установлении широких, но общих рамок поведения: признании главенства на территории Республики Башкортостан традиционного для мусульманской части ее населения ханафитского мазхаба суннитского направления ислама; лояльности к светскому характеру государства и к институту муфтиятов, безусловно необходимыми из которых на территории Башкортостана являются ЦДУМ и ДУМ РБ; соблюдении конституционного принципа отделения религии от государства; недопустимости вмешательства религиозных предпочтений в функционирование политических и научно-экспертных институтов. С юридической точки зрения критерием для оценки тех или иных движений должны служить не вероисповедные, а правовые, а с научной – религиоведческие

⁴ Коваленко А. Причем здесь Аллах // Эксперт-Урал. 26 декабря 2011. № 51 (494). URL.: <http://www.acexpert.ru/archive/51-494/pri-chem-zdes-allah.html> Дата доступа: 07.11.2015.

⁵ Хайбуллин И. Об ИГИЛ, интернет-мирах, одном важном хадисе и о себе // Шура РБ. 12.11.2014. URL.: <https://shurarb.ru/articles/ot-ishmurata/ob-igil-internet-mirakh-odnom-vazhnom-kha/>. Дата доступа: 07.11.2015.

критерии. В позитивном сценарии будущего, основанном на подобном диалоге, эти проявления (наподобие хакканизма и ваххабизма) станут все более маргинальными за счет увеличения количества и качества умеренно настроенных мусульман, включая переход в их число наиболее конструктивно мыслящих адептов антагонистических лагерей.

1. Карта этнорелигиозных угроз: Северный Кавказ и Поволжье. Доклад Института стратегических исследований [Текст]. М., 2013. 53 с.

2. Бердин, А.Т. Этнорелигиозные угрозы: ложная карта (Рецензия на доклад Института стратегических исследований «Карта этнорелигиозных угроз...»). М., 2013) [Текст] / А.Т. Бердин, А.Ш. Бадранов // *Левая мысль*. 2013. № 21. С. 142–150.

3. Религиозные объединения Республики Башкортостан [Текст]. Справочник. Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2014. 168 с.

4. Карамышев, Р.Д. Этнорелигиозная ситуация в Республике Башкортостан (на примере исламской уммы): проблемы, тенденции, перспективы [Текст] / Р.Д. Карамышев. Уфа: Мир печати, 2015. 194 с.

5. Стародубровская, И.В. Расколотые села: модель конфликта [Текст] / И.В. Стародубровская // Доклад на рабочем семинаре Института экономической политики имени Е.Т.Гайдара «Северный Кавказ – религиозный конфликт в селах». 17.09.14. URL: <http://www.neoregion.ru/skfo/185-sela.html> (дата обращения: 07.11.2015).

6. Цибенко, В.В. (Иванова) Накшбандийский тарикат хакканийа (раббанийа) и неоосманский проект шейха Назима Киприотского [Текст] / В.В. Цибенко // *Исламоведение*. 2014. С. 94–104.

7. Юсупов, Ю.М. Традиционные исламские течения в общественной жизни современного Башкортостана [Текст] / Ю.М. Юсупов // Политическое образование. 04.02.2013. URL: <http://www.lawinrus-sia.ru/node/229397> (дата обращения: 07.11.2015).

References

1. Karta ehtnoreligioznyh ugroz: Severnyj Kavkaz i Povolzh'e (2013). Doklad Instituta strategicheskikh issledovanij. Moscow, 53 p. [in Rus].

2. Berdin A.T., Badranov A.Sh. (2013) *Levaya mysl'*, no. 21, pp. 142–150 [in Rus].

3. Religioznye ob'edineniia Respubliki Bashkortostan (2014). Spravochnik. Ufa, GUP RB Ufimskii poligrafkombinat, 168 p. [in Rus].

4. Karamyshev R.D. (2015) Etnoreligioznaya situaciya v Respublike Bashkortostan (na primere islamskoj ummy): problemy, tendencii, perspektivy. Ufa, Mir pechaty, 194 p. [in Rus].

5. Starodubrovskaya I.V. (2014) Raskoloty sela: model' konfliktka / Doklad na rabochem seminarie Instituta ehkonomicheskoy politiki imeni E.T.Gajdara «Severnyj Kavkaz - religioznyj konflikt v selah». 17.09.14, available at: <http://www.neoregion.ru/skfo/185-sela.html> (accessed 07.11.2015) [in Rus].

6. Cibenko V.V. (Ivanova) (2014) *Islamovedenie* [Islamic studies], pp. 94–104, available at: <http://islam.dgu.ru/Stat/islam2014-4-12.pdf> (accessed 07.11.2015) [in Rus].

7. Yusupov Yu.M. (2013) *Politicheskoe obrazovanie*, 04.02.2013, available at: <http://www.lawinrus-sia.ru/node/229397> (accessed 07.11.2015) [in Rus].

UDC 1:3+297.17

TENDENCIES AND PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF PRESENT-DAY BASHKORTOSTAN UMMAH: FACTOR OF SALAFISM

Berdin Azat Tagirovich,

Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Institute of Strategic Researches of the Republic of Bashkortostan, Head of the Sector of Cultural Studies and Social Science of the Centre of Social Cultural Studies, Cand. Sc. (Philosophy), Ufa, Russia.
E-mail: azat_berdin@mail.ru

Annotation

The article considers the factor of salafism in the Muslim community of Bashkortostan in early XXI century. The author analyses principal differences in the genesis of salafism as contemporary sociocultural phenomenon of postmodernity in the Republic of Bashkortostan on the one hand and in the republics of North Caucasus on the other hand. The author defines terms of the dialogue between the Muslims of every trend in the Republic of Bashkortostan on the legal basis.

Key concepts:

nationalism, salafism, neosufism, traditionalism.

УДК 17; 117; 322

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОСТСЕКУЛЯРНОСТИ: КОНСОЛИДАЦИЯ ИЛИ ДИВЕРГЕНЦИЯ СОЦИУМА?

Тульчинский Григорий Львович,

Национальный исследовательский
университет

«Высшая школа экономики» –

Санкт-Петербург,

доктор философских наук, профессор,

заслуженный деятель науки РФ,

г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: gtul@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу феномена постсекулярности и его политических следствий. Показано, что ключевые тренды современного социума – одновременно дивергенции запроса на консолидацию – являются вызовом для политической теории и практики. Особое внимание уделено перспективам коммуникативного рассмотрения политических процессов.

Ключевые понятия:

дивергенция,
коммуникация,
консолидация,
постсекулярность,
публичная политика.

Интенсивная динамика цивилизационных изменений за последние десятилетия подошла к некоему порогу, очертания которого только начинают просматриваться. Различные квалификации современного общества (постиндустриальное общество, общество массового потребления, информационное и даже – постинформационное общество, проектно-сетевой социум) выражают определенные существенные характеристики современности, в том числе имеющие важное значение как для публичной, так и для государственной политики. В данной работе продолжается начатое ранее на страницах журнала осмысление политических следствий феномена постсекуляризации [6].

С индустриализацией в культуру приходят рациональность, централизация, бюрократия и секулярность. Этимология термина «секулярное» достаточно глубока и неоднозначна, полна различных контекстов различных эпох [7, с. 11–13]. В Древнем Риме *saeculum* обозначались этапы человеческой жизни. По мере распространения христианства термин приобретает значение временности существования мирского пространства, а в Средневековье *saeculum* закрепляется за обозначением пространственно-временной длительности от грехопадения Адама до конца мира и Судного дня, т.е. как падшего человеческого мира, который, тем не менее, не отпадает от Бога как «христианский мир», управляемый христианской властью. В Новое и Новейшее время секулярное понимается преимущественно как характеристика «этой жизни», которая не исчерпывается, как внерегиональная, – например, различные проявления духовных исканий и духовного опыта *New Age* характеризуются иногда как «секулярные религии». Тем более не следует отождествлять секуляризм с атеизмом, который сам по себе все больше осознается как форма религиозного опыта, основанного на отрицании Бога. Недаром даже предпринимались попытки с помощью понятия секуляризма объединить либеральный теизм и атеизм [11, р. 348]. Не следует также забывать, что существуют мировые религии, не предполагающие идею Бога как таковую: буддизм, конфуцианство.

В принципе, так или иначе, но идея секулярности связана с характеристикой человеческого мира, понимаемого то ли как сотворенного Божественным промыслом, то ли как проявление каузальности, включая естественные причины и человеческую свободу. Но в любом случае – прежде всего – как мира социального.

В интересующем нас контексте согласно секуляристской точке зрения, характерной в целом проекту модерна, общество понимается как сугубо политическое образование.

Участие религии в общественной жизни при этом либо не рассматривается вообще, либо ей отводится место исключительно в частной сфере. Более того, задачей демократического общества и политического либерализма является недопущение доктрин (религий, идеологий, учений), претендующих на всеобъемлющий охват всех сфер жизни общества. Они могут существовать в рамках индивидуальной жизни, а также деятельности отдельных ассоциаций, общин: либо как проявления консерватизма, либо как маргинальные, далекие от актуальных проблем современности.

Однако в постиндустриальных обществах изменения в сфере культуры приобретают нелинейный характер, происходит поворот к качеству жизни и качеству впечатлений, усилению личной независимости и самовыражению, в том числе с помощью традиционных культурных форм, включая религиозные. С одной стороны, этому способствует всеобъемлющая маркетинговая политика общества массового потребления, в котором реализуется не только возможность удовлетворения практически любой потребности (с сегментацией рынка до индивида), но и стимулирования любых потребностей, включая духовные [5]. С другой стороны, рыночная экономика и либеральная демократия обеспечивают уровень благосостояния и качества жизни, в котором происходит смещение акцента с «материалистических» ценностей выживания к «постматериалистическим» ценностям свободного самовыражения и самореализации [2].

Своеобразной точкой кристаллизации осознания несостоятельности и даже опасности стратегии полной секуляризации, чреватой непримиримыми конфронтациями, стала трагедия 11 сентября 2001 года, за которой последовал ряд политических событий, выведших проблему постсекуляризма в «топ» политического дискурса.

Разброс постсекуляристских концепций достаточно широк [7; 10]. Иногда он понимается (Дж. Кемпл) как «возврат религии»: активизация ислама, христианского и иудейского фундаментализма, интерес китайских реформаторов к конфуцианским традициям. Широкое распространение получила идея включения религиозного дискурса в политический диалог – с условием светского характера самого этого диалога и готовностью к взаимопониманию его участников (Ю. Хабермас, поздний Д. Роллз). М. Уолцер, М. Сандел, Ч. Тейлор – крупнейшие авторитеты современного либерализма – идут дальше, предполагая, что религия является не просто одним из полноправных участников демократической дискуссии, но и является ее необходимой, неотъемлемой частью.

Пожалуй, наиболее радикальной является точка зрения, восходящая к Я. Тиллиху, согласно которому, само секулярное в своей глубине содержит религиозные элементы, такие как принципы, аксиомы, разделяемые сторонниками, социальные практики, вытекающие из признания этих положений. Я. Тиллих называл такие феномены «квазирелигиями», относя к ним и науку, и политику, и право.

По мнению некоторых философов [9], все большее углубление и расширение секуляризации представляет собой деградацию человека, его редуцирование, доходящее (несмотря на небывалое развитие интеллектуальных и технических возможностей человека, а может быть, и именно благодаря им) до прямой угрозы его существованию. Поэтому отказ от радикальной секуляризации трактуется ими как мера самосохранения человека, антропологический императив. Такая «антропологическая миссия постсекулярной парадигмы» видится не столько в возврате религии, сколько в общем признании современной философией принципиальной «разомкнутости» человека и личности, формирование которых реализуется только в «выходе за свои пределы», «встрече с Другим».

Однако следует отметить, что такой опыт реализуется не только в религии, но и в социальных контактах, отношениях, коммуникации: в любви, дружбе, социальном партнерстве, диалоге. Человек существо принципиально «недостаточное», в своем развитии нуждающееся в возможности расширения и дополнения своего опыта другим – до некоей «цельности», поиски которой столь присущи человеку и лежат в основе моральных поисков, науки, искусства, политики [4]. Важно, что все они, как и религиозный опыт, так или иначе предполагают наличие неких социальных рамок, институтов, дающих такую возможность – церковные, научные и другие сообщества, формирующиеся вокруг них определенные культуры.

В этом плане постсекулярное не означает простой возврат к религиозности. Если секулярная эпоха – время границ и классификаций, все более тонких дистинкций, то постсекулярная – поиск оснований нового синтеза, поиск того, как можно мыслить, чувствовать, жить *иначе* [15, р. 514]. По крайней мере становится ясной бесперспективность огораживания и укрепления границ ценностно-нормативных систем, сфер социально культурной жизни, включая религию, науку, политику [8]. Границы эти (если они когда-то и были на самом деле) нарушены, и давно. И вопрос не об их слиянии или взаимопоглощении, а именно об их встрече, поиске оснований для

диалога, игнорировать необходимость которого уже невозможно.

И вот тут, похоже, нащупывается главный политический нерв постсекулярности как фактора консолидации и одновременно дивергенции социума.

Активация, «возвращение» религии, как уже говорилось, связано с неполнотой и недостаточностью имманентного раздробленного и сегментированного социального бытия в обществе массового потребления. Религия по определению и даже по этимологии (религио – как восстание общности) предназначена для установления неких общих ценностей и норм, общей картины мира и смысла существования, разделяемых членами некоего сообщества. Более того, именно такими взглядами и установками определяются как само такое сообщество, так и принадлежность к нему личности, ее идентичность. В этом заключается мощный консолидирующий потенциал религии.

Вместе с тем возможности современного образа жизни, включая упоминавшуюся маркетизацию, а также информационно-коммуникативные технологии, социальные сети, способствуют наращиванию социально-культурного разнообразия, различий, возможности выбора среди них, а то и собственного исключительного позиционирования. Социальные сети, вроде Facebook и «ВКонтакте», блоги и микроблоги (LiveJournal и Twitter) дают человеку возможность самому стать средством информации, альтернативным традиционным медиа. Эти открывающиеся окна самореализации не всегда несут конструктивный характер, чреватые дроблением, огораживанием, недоверием, а то и нетерпимостью (и не только on-line), способствуя тем самым углублению и расширению «конфликта культур».

Как показал опыт политики мультикультурализма и толерантности, упования на возможности правовых рамок, задающих гражданскую идентичность, оказывается недостаточно. Если в условиях индустриального общества такие рамки могли не только «перемолоть» и «переварить» этно-конфессиональные идентичности и даже способствовать формированию новых «воображаемых сообществ» – «наций-государств», то теперь такие «воображаемые сообщества» накапливают критическую массу, способную взрывать такие рамки. А доминирование некоей этно-конфессиональной группы в государстве создает дополнительные напряжения и конфликты. Опыт бывшей Югославии, Ливана, Сирии и Израиля в этом плане достаточно показателен.

Простая толерантность – как «допущение существования» Другого – уже недостаточная практика. Задачей государства становится не только обеспечение правовых институтов, обеспечивающих доверие большого радиуса – «наводящее мосты» между различными сообществами, но обеспечение их постоянного диалога. Однако культуры диалога не ведут, так как каждая культура самодостаточна и полна в своей нормативности. Недаром самые кровавые конфликты – межэтнические и религиозные – это конфликты на уничтожение. К диалогу способны и диалог ведут, даже в нем заинтересованы – люди, существа неполные и недостаточные.

Поэтому необходим выход за ограниченные кланово-конфессиональные рамки в их контекст – к осуждению общих проблем, в решении которых может оказаться полезным различный опыт. В этом плане акцент роли государственной власти все в большей степени переносится на социальную коммуникацию. Это не устраняет роль и значение институтов. Но важно понимать и помнить, что сами институты возникают в процессе коммуникации, кристаллизуя узлы и структуру такой коммуникации.

При этом модель простой делиберации (Д. Ролз, Ю. Хабермас) как выработки рационального консенсуса, и даже как соревновательного (agonic) плюрализма в духе К. Муфф [12–14] оказывается недостаточной. Такая коммуникация должна включать в себя и ценностно-эмоциональные факторы, играющие в публичной политике существенную роль [1; 3]. Однако такое важное и перспективное рассмотрение уже выходит за рамки данной работы.

Осмысление природы постсекулярности, ее политических последствий, похоже, является серьезным вызовом современной политической науке, сконцентрировавшейся на синхроническом анализе институтов, их функционала. Однако уже диагностированный «дискурсивный поворот», анализ используемых дискурсивных практик делиберации позволяет понять механизм концептуальных конструкций, объясняющих политическую жизнь. Осмысление постсекулярности, очевидно, стимулирует следующий шаг в направлении акцента внимания вопросам диахронии власти как процесса и результата коммуникации.

1. Арендт, Х. Vita activa, или О деятельной жизни [Текст] / Х. Арендт. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.

2. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия [Текст] / Р. Инглхарт, К. Вельцель. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

3. Савин, Н. Порывая с Карлом Шмитом: понятие политического в теории плюралистического агонизма [Текст] / Н. Савин // Логос. 2015. Т. 25. № 6. С. 163–179.

4. Торчинов, Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного [Текст] / Е.А. Торчинов. СПб: Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2007. 480 с.

5. Тульчинский, Г.Л. Маркетизация гуманизма. // Управление и благополучие человека [Текст] / Г.Л. Тульчинский. СПб: Книжный дом, 2006. С. 45–76.

6. Тульчинский, Г.Л. Современность и субъективность [Текст] / Г.Л. Тульчинский // Социум и власть. 2013. № 3. С. 116–122.

7. Узланер, Д. Введение в постсекулярную философию [Текст] / Д. Узланер // Логос. 2001. № 3. (82). С. 3–32.

8. Хабермас, Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи [Текст] / Ю. Хабермас. М.: Весь мир, 2011. 336 с.

9. Хоружий, С.С. Постсекуляризм и антропология [Текст] / С.С. Хоружий // Человек.ru. №8. Тема номера: Постсекулярная парадигма. Новосибирск: НГУЭУ, 2012. С. 15–34.

10. After the Postsecular and the Postmodern: New Essays in Continental Philosophy of Religion [Text] / ed.A.P.Smith, D.Whistler. Cambridge: Cambridge Scholars Publ., 2010.

11. Encyclopedia of Religion and Ethics [Text] / J.Hastings (ed.). Vol.11. Cambridge, 1959.

12. Mouffe, C. Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism? [Text] / C. Mouffe // Social Research. 1999. Vol. 66. № 3. P. 745–758.

13. Mouffe, C. The Democratic Paradox [Text] / C. Mouffe. L.; N. Y.: Verso, 2000.

14. Mouffe, C. On the Political [Text] / C. Mouffe. L.; N. Y.: Routledge, 2005.

15. Taylor, Ch. A Secular Age [Text] / Ch. Taylor. Cambridge, L., Belknap Press of Harvard University Press, 2007.

References

1. Arendt H. (2000) Vita activa, ili O deiatel'noi zhizni. St.Petersburg, Aleteia, 437 p. [in Rus].

2. Inglehart R., Welzel C. (2011) Moderizatsija, kulturnye izmenenija i demokratija. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 464 p. [in Rus].

3. Savin N. (2015) *Logos*, vol. 25, no. 6, pp. 163–179 [in Rus].

4. Torchinov E.A. (2007) Puti filosofii Vostoka i Zapada: poznanie zapredel'nogo. St.Petersburg, Azbukaklassika, 480 p. [in Rus].

5. Tulchinskii G.L. (2006) Marketizatsija gumanizma // Upravlenie i blagopoluchie cheloveka. St.Petersburg, Knizhnyj dom, pp. 45–76 [in Rus].

6. Tulchinskii G.L. (2013) *Socium i vlast'*, no. 3, pp. 116–122 [in Rus].

7. Uzlaner D. (2001) *Logos*, no. 3 (82), pp. 3–32 [in Rus].

8. Habermas Ju. (2011) Mezhdou naturalizmom i religiej. Filosofskie stat'i. Moscow, Ves' mir, 336 p. [in Rus].

9. Horuzhij S.S. (2012) *Chelovek.ru*, no. 8, pp. 15–34 [in Rus].

10. After the Postsecular and the Postmodern (2010): New Essays in Continental Philosophy of Religion. / ed.A.P.Smith, D.Whistler. Cambridge: Cambridge Scholars Publ. [in Eng].

11. Encyclopedia of Religion and Ethics (1959) / J. Hastings (ed.), vol. 11, Cambridge, [in Eng].

12. Mouffe C. (1999) *Social Research*, vol. 66, no. 3, pp. 745–758 [in Eng].

13. Mouffe C. (2005) *On the Political*, London, New York, Routledge [in Eng].

14. Mouffe C. (2000) *The Democratic Paradox*, London, New York, Verso [in Eng].

15. Taylor Ch. (2007) *A Secular Age*. Cambridge, L., Belknap Press of Harvard University Press [in Eng].

UDC 17; 117; 322

POLITICAL MEASUREMENT OF POSTSECULARITY: CONSOLIDATION OR DIVERGENCE OF SOCIETY?

Tulchinskiy Grigiruy Lvovich,

National Research University "Higher School of Economics" of Saint Petersburg, Doctor of Philosophy, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia. E-mail: gtul@mail.ru

Annotation

The article deals with the analysis of the phenomenon of postsecularity and its political consequences. The author shows that key trends of up-to-date society together with divergence of request for consolidation are challenges for political theory and practice. Special attention is given to prospects of communicative consideration of political processes.

Key concepts:

divergence, communication, consolidation, postsecularity, public policy.

УДК 328:316.772.5

ПРОЦЕССЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ И МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ АСПЕКТОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Юферева Анастасия Сергеевна,

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук,
аспирант,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: yufereva001@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются различные уровни медиаконвергенции и их соотношение с процессами политической коммуникации. Анализируются состояние и перспективы реализации медиаспособностей государства, обсуждается комплекс проблем данной реализации.

Ключевые понятия:
медиаконвергенция,
политическая коммуникация,
виртуализация политики,
новые информационные технологии.

В России повышение уровня информатизации государственных услуг относится к числу стратегически важных задач, решение которых требует основательной реконфигурации ранее устоявшихся системообразующих организационных структур. Традиционно восприимчивые к технологическим изменениям политические институты вынуждены своевременно реагировать на происходящие во внешней среде трансформации, учитывать потенциал и возможности, заложенные в виртуальном пространстве. В современных условиях возрастает степень ответственности государственных подразделений в освоении новейших коммуникативных способов и технологий. Уровень овладения ими, безусловно, выступает показателем их компетентности, профессионализма. Подчеркнем, что достижение высоких показателей в заданном направлении во многом зависит от глубины и полноты осознания представителями органов власти медиаконвергенции (от лат. *convergere* – приближаться, сходитьсь), которая инициирует масштабные трансформации в виртуальной среде, оказывающие непосредственное воздействие на функционирование политических институтов. Переосмысление обозначенного феномена необходимо с той целью, чтобы глубже понять перспективы этого процесса применительно к информационной политике государства. Однако ряд зарубежных исследователей констатируют [6; 8], что представление о медиаконвергенции настолько широкое, что к настоящему моменту не сложилось общепринятого определения. В этой связи считаем необходимым подойти к исследованию поставленного вопроса комплексно, рассмотрев несколько уровней этого процесса, предлагаемых в отечественной и зарубежной академической литературе.

Первый и, пожалуй, базовый уровень медиаконвергенции имеет отношение к сближению разнообразных технологических платформ (компьютер, мобильное устройство и т.д.). Результатом взаимопроникновения электронных средств связи и сервисов допустимо считать появление унифицированной системы, в рамках которой происходит циркулирование ранее разобщенных элементов (текст, аудио-, видео) в едином цифровом формате [1; 2; 9].

Следующий уровень именуется социальной медиаконвергенцией. В данном случае подразумевается, что в результате

использования технологической системы, описанной выше, происходит создание коммуникационных эффектов. При этом представляется целесообразным уточнить, что система сама по себе не в состоянии провоцировать возникновение подобных последствий. Это побуждает к формулированию утверждения о том, что важным является не столько наличие соответствующей технологической системы, а сколько то количество пользователей, которые вовлечены в сам процесс коммуницирования, и таким образом в перманентном режиме поддерживают функционирование данной системы [6; 10].

Происходящие изменения в коммуникационном поле под воздействием медиаконвергенции отражаются на различных сферах жизненного уклада, ведут к перестройке организационных структур и приводят к выстраиванию принципиально иных человеческих отношений в социуме. Исключением не стала область политических коммуникаций, которая продолжает трансформироваться под влиянием медиаконвергенции. В частности, речь идет о становлении новых форм политического взаимодействия, анализ которых в контексте медиаконвергенции в политической науке не проводился. Поэтому считаем необходимым ввести в понятийно-категориальный аппарат политической науки понятие «медиаконвергенция», которое поможет установить ориентиры в политическом пространстве, акцентировать внимание на действительно актуальных тенденциях и, что самое главное – выявить взаимосвязи между различными уровнями медиаконвергенции (технологическим, социальным) и политической коммуникацией.

Взаимодействие медиаконвергенции с процессами политической коммуникации впервые проявилось в начале 1990-х годов, когда произошло вовлечение в сферу политического новых информационных технологий. Показательным примером является появление в России государственных официальных веб-сайтов. Функционирующие на тот момент электронные ресурсы отличались ограниченными возможностями в оказании информационных услуг – данные подавались исключительно в однонаправленном порядке. Тем не менее доступ к ним мог получить

любой пользователь, имеющий компьютер и Сеть. Примечательно, что в данном случае речь идет о проявлении медиаконвергенции технологического толка, которая предполагает наличие дигитализированных путей для отправки сообщений неограниченному кругу лиц, возможность хранить, перерабатывать и распространять существенные объемы информации, передавать политические послания с помощью различных электронных устройств, платформ.

Достижения в сфере высоких технологий способствовали формированию принципиально нового коммуникационного формата в интернет-пространстве, что допустимо связать с переходом медиаконвергенции к следующему уровню – социальному. Она появилась в результате совершенствования электронных средств связи, использование которых позволило представителям широкой аудитории коммуницировать друг с другом, объединяться в виртуальные сообщества, преодолевать при этом пространственные и временные ограничения.

Применительно к области политического считаем нужным отметить, что становление и развитие диалоговых систем коммуникации в России пришлось на середину 2012 года, когда «все регионы и муниципалитеты начали постепенный переход на электронное взаимодействие»¹ с населением. Спустя два года, в 2014 году, «доля граждан, использующих электронные госуслуги, составила 35,2%. В 2013 году таких граждан было 30,8%. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 601 от 7 мая 2012 года, доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, к 2018 году должна достичь 70%. При этом плановый показатель на 2014 год составляет 35%, на 2015 год – 40%»². Предполагается, что пользователь госуслуг придерживается позиции не пассивного наблюдателя, как это отмечалось ранее, а полноправного участника политического процесса, использующего интерактивные элементы сайтов правительственных учреждений. Например, на портале «Открытое правительство Свердловской области» (<http://open.midural.ru>) любой желающий может воспользоваться предлагаемыми сервиса-

¹ Доля граждан, воспользовавшихся электронными госуслугами в 2014 году, превысила 35% [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минкомсвязи России, 23.04.2015. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/33078/> (дата обращения: 9.05.2016).

² Там же.

ми, среди которых: участие в социальных вопросах, реестр петиций и инициатив, народный контроль (возможность сообщить о проблеме) и пр.

Общая картина информатизации государственных услуг России может быть сопоставлена с положением дел в других странах посредством всемирных междунациональных рейтингов, которые направлены на исследование уровня развития новых информационных технологий в различных государствах. Так, согласно индексу развития электронного правительства (The UN Global E-Government Development Index) Организации Объединённых Наций, в 2008 году Россия занимала 49-е место по готовности использовать информационно-коммуникационные технологии (далее ИКТ) для предоставления гражданам госуслуг, в 2010 – 47-е место, в 2012 и в 2014 – 27-е место. В другом авторитетном рейтинге – «Индексе развития ИКТ» – в 2007 году отечественной ИКТ-отрасли было присвоено 50-е место, в 2013 – 40-е, а в 2015 – 45-е место³.

В представленных рейтингах, при составлении которых привлекались разнообразные критерии (уровень развития ИКТ-инфраструктуры, качество интернет-услуг, степень доступа к ИКТ и многие др.), Россия демонстрирует крайне неустойчивое положение по части оказания государственных услуг в электронном формате. Способствуют этому соответствующий комплекс проблем, который выступает препятствием для успешной реализации концепции электронного государства [3; 4; 5].

К числу главных относится проблема «технократической утопии». Она означает крупномасштабное подчинение новым информационным технологиям административных структур. Речь идет о том, что инициаторы инноваций исходят не из юридических, процедурных, социокультурных и многих других особенностей государственного аппарата, а из эффективности информационной системы. Следовательно, в данном случае определяющей стороной становится технология, а организационным структурам остается лишь подчиниться им.

Следующая проблема, вытекающая из первой, имеет отношение к организационному сопротивлению. Предстоящее внедрение инноваций может потребовать

перестройки основных компонентов организационной структуры (появление дополнительных отделов, как пример), выработку новых компетенций. Последнее, в свою очередь, может вызвать серьезное противостояние со стороны государственных служащих, которые могут посчитать их примитивными, упрощенными и требующими большей степени формализации. Непонимание грядущих трансформаций системы может обернуться затруднениями в функционировании государственных структур.

В-третьих, проблема «разрыва» между замыслом и реальностью раскрывается в несоответствии между технической рациональностью, которой руководствуются разработчики в сфере перевода государственных услуг в электронный вид, и социокультурным контекстом, которым руководствуются сотрудники органов государственных власти, но который игнорируется разработчиками. В итоге в свет выходит недостаточно адаптированный к запросам граждан информационный продукт, использование которого вызывает сложности, и, как следствие, данное обстоятельство влечет за собой снижение качества оказываемых в электронном виде государственных услуг.

Четвертая проблема относится к ментальным установкам представителей органов государственной власти. Устойчивость отечественной бюрократической культуры, ориентированной на поддержание режима закрытости, административной непрозрачности, приводит к тому, что разработанные стратегии в области перевода государственных услуг в электронный формат, даже существовавшие в рамках нормативно-правовых актов, оказываются неработающими.

К числу общих проблем относится проблема «цифрового неравенства». Под «цифровым неравенством» (digital divide) понимается новая разновидность социального неравенства, выражающаяся в неравном доступе к информационным технологиям. В результате общество делится на «информационно бедных» и «информационно богатых». Впервые вопрос цифрового неравенства был поднят на саммите стран «Большой восьмерки» в 2000 году на Окинаве. По его итогам состоялось принятие «Хартии глобального информационного общества», основопо-

³ Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс] // Официальный сайт информационно-аналитического агентства «ЦГТ». URL: <http://gtmarket.ru> (дата обращения: 9.05.2016).

лагающим принципом которой стало повышение доступности для граждан всего мира новых информационных технологий. Среди множества факторов, которые способствуют цифровому неравенству, стоит выделить уровень развития ИКТ, демографические (возраст, пол и др.), психологические (например, отсутствие дискомфорта в использовании ИКТ), а также социокультурные (менталитет, уровень образованности и др.) факторы. Перечисленные критерии, характеризующие в определенной степени социально-экономическое положение страны, должны приниматься во внимание при решении проблемы оказания государственных услуг в электронном виде.

На основании полученных результатов сделаем следующие выводы.

Понятие «медиаконвергенция» как многокомплексный процесс применяется для обозначения появления не только универсальных технологий и дополнительных каналов для обмена сообщениями и установления контактов между индивидами, но и разнообразных социокультурных последствий, мгновенно возникающих при использовании эффекта взаимодействия электронных средств связи.

В данной статье впервые предпринята попытка ввести концепт «медиаконвергенция» в понятийно-категориальный аппарат политической науки с целью выявления структурных взаимосвязей между данным феноменом и процессами политической коммуникации.

Раскрыт комплекс проблем, препятствующий успешной адаптации политических институтов к последствиям медиаконвергенции. Примечательно, что вопрос институциональной адаптации государства к существующим медийным условиям относится к числу перспективных направлений для дальнейших исследований этой темы. Представляется необходимым отметить, что в российских реалиях к проблеме реализации концепции электронного государства стоит подходить не с технологической, а с организационной стороны. В настоящий момент направлением для функционирования институциональных механизмов задается в контексте технократического дискурса, что в свою очередь делает процесс по переводу государственных услуг в электронный вид малоэффективным. Во внимание должны приниматься прежде всего отечественные социальные и культурообразующие предубеждения. Так, подготовка кадрового

состава представителей органов власти к предстоящим инновационным нововведениям должна осуществляться постепенно, при непосредственном их участии в процессе создания и дальнейшей эксплуатации информационных продуктов (веб-сайтов, приложений для мобильных устройств и пр.), которые могли бы быть адаптированы к их профессиональным компетенциям. Не менее актуальным является вопрос заимствования зарубежных методов «электронного управления». Подобная многоплановая работа должна задаваться не извне, а внутри российского государства, с учетом реальной степени подготовленности госслужащих и населения к принятию столь основательных преобразований в сфере перевода государственных услуг в электронный вид. Итогом станет не формальное следование критериям успешности при выполнении планов по внедрению электронных сервисов, мало адаптированных под управленческий потенциал представителей власти и возможности пользователей, а стремление к росту доступности телекоммуникационной инфраструктуры для различных слоев населения и улучшению качества оказываемых услуг.

1. Вартанова, Е.Л. К чему ведет конвергенция СМИ? [Текст] / Е.Л. Вартанова // Информационное общество. 1999. № 5. С. 11–14.

2. Баранова, Е.А. Конвергентная журналистика [Текст] / Е.А. Баранова. М.: Издательство Юрайт, 2015. 269 с.

3. Дьякова, Е.Г. Массовая коммуникация и власть [Текст] / Е.Г. Дьякова. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 278 с.

4. Дьякова, Е.Г. Переход к электронному правительству в России: нормативно-правовая база и социальный контекст [Электронный ресурс] / Е.Г. Дьякова // Совместные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2011. № 3. том 7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-elektronnomu-pravitelstvu-v-rossii-normativno-pravovaya-baza-i-sotsialnyy-kontekst> (дата обращения: 19.09.2015).

5. Трахтенберг, А.Д. Электронное правительство: состоится ли «изобретение государства заново»? [Текст] / А.Д. Трахтенберг // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2012. Вып. 12. С. 285–297.

6. Jenkins, H. Convergence? I divergence [Electronic recourse] / H. Jenkins // Technology review. 2001. Vol. 1. URL: <http://www.technologyreview.com/article/401042/convergence-i-diverge/> (accessed: 10.11.15).

7. Jenkins, H. *Convergence Culture: Where old and new media collide* [Text] / H. Jenkins. New York: New York University Press, 2006. 308 p.

8. Kopecka-piech, K. *Media convergence concepts* [Text] / K. Kopecka-piech // *Media Studies*. Vol. 3 (46). pp. 1–19.

9. McLuhan, M. *Understanding Media: The Extensions of Man* [Text] / M. McLuhan. New York: McGraw-Hill, 1964. 359 p.

10. Meikle, G. *Media Convergence: Networked Digital Media in Everyday Life* [Text] / G. Meikle. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. 248 p.

References

1. Vartanova E.L. (1994) *Informacionnoe obshchestvo*, no. 5, pp. 11–14 [in Rus].

2. Baranova E.A. (2015) *Konvergentnaya zhurnalistika*. Moscow, Izdatelstvo Yurajt, 269 p. [in Rus].

3. Dyakova, E.G. (2002) *Massovaja kommunikacija i vlast'*. Yekaterinburg, UrO RAN, 278 p. [in Rus].

4. Dyakova E.G. (2011) *Sovmestnye issledovanija social'nyh problem: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*, no. 3, vol. 7, available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-elektronnomu-pravitelstvu-v-rossii-normativno-pravovaya-baza-i-sotsialnyj-kontekst> (accessed 19.09.15) [in Rus].

5. Traxtenberg A.D. (2012) *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 285–297 p. [in Rus].

6. Jenkins H. (2001) *Technology review*, vol. 1, available at: <http://www.technologyreview.com/article/401042/convergence-i-diverge/> (accessed 10.11.15) [in Eng].

7. Jenkins H. (2006) *Convergence Culture: Where old and new media collide*. New York, New York University Press, 308 p. [in Eng].

8. Kopecka-piech, K. (2011) *Media Studies*, vol. 3 (46), pp. 1–19 [in Eng].

9. McLuhan M. (1964) *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York, McGraw-Hill, 359 p. [in Eng].

10. Meikle G. (2012) *Media Convergence: Networked Digital Media in Everyday Life*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 248 p. [in Eng].

UDC 328:316.772.5

PROCESSES OF POLITICAL COMMUNICATION AND MEDIA CONVERGENCE: STUDYING ASPECTS OF COOPERATION

Yufereva Anastasiya Sergeevna,

Institute of Philosophy and Law of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

Post-graduate Student,

Yekaterinburg, Russia.

E-mail: yufereva001@mail.ru

Annotation

The article deals with different levels of media convergence and their correlation with processes of political communication. The author analyzes the situation and prospects of realizing media abilities of the state, discusses a complex of problems which prevent these abilities from realizing.

Key concepts:

media convergence, political communication, virtualization of politics, new information technologies.

УДК 32.329.8

ПАРТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Шерягин Евгений Андреевич,

Челябинский государственный
университет,
аспирант кафедры политических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: evgenii-2291@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается положение политических партий в современной России. Анализируются функции российских партий, отмечается ряд новых качеств, свойственных отечественным партиям на современном этапе.

Ключевые понятия:
партия,
партийная система,
современная Россия.

Вопрос о месте роли партий в политической системе нашей страны далеко не новый. Тем не менее споры об этом продолжаются не одно десятилетие.

В конце 2011 г. президент России Д.А. Медведев выступил инициатором внесения изменений в партийное законодательство, вызвавшего широкий резонанс. Данная статья, помимо общетеоретического характера, призвана обобщить первые итоги этой реформы, обратить внимание на качества, которые приобретают отечественные партии в процессе политической практики (в противовес классическим функциям).

Положение партий в политической системе можно рассматривать в двух плоскостях – нормативно-правовой и с точки зрения политической практики.

Формально-юридическое место партий определяется Конституцией РФ и специальным партийным законодательством – Федеральным законом «О политических партиях». Статья 13 пункт 3 Конституции РФ гласит: «В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность». Статья 30 пункт 1: «Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется».

Политические партии участвуют в выборах в Государственную Думу. Порядок выборов определяется соответствующими федеральными законами.

Прежде всего, в ведение Государственной Думы входит «дача согласия Президенту Российской Федерации на назначение Председателя Правительства Российской Федерации» (Статья 103 п. 1а Конституции РФ), который назначается Президентом РФ, и, в свою очередь, предлагает Президенту кандидатуры федеральных министров (Статья 111 и 112 Конституции РФ). Государственная Дума по факту не участвует в процессе формирования органа исполнительной власти РФ, а именно правительства РФ. В этой ситуации основной деятельностью, доступной партийным депутатам Государственной Думы, является законотворчество (статья 114 п. 1 Конституции РФ) – именно на этом и сосредоточена их основная работа.

Помимо этого, политические партии участвуют в работе Государственной Думы

посредством своих фракций. В этом качестве представители последних формируют специальные комитеты по разным направлениям. Их основная деятельность – законотворчество, разработка и подготовка законопроектов, их предварительное рассмотрение. Согласно части 1 статьи 21 «О регламенте Государственной Думы Российской Федерации», комитеты формируются на основе принципа пропорционального представительства фракций, что в условиях парламентского доминирования одной партии сводит деятельность комитетов отправлением воли одной политической силы.

В 2001 году был принят Федеральный закон «О политических партиях», который юридически оформил положение партий в стране. Вокруг данного закона шла острая полемика как в процессе его принятия (между первым и вторым чтениями депутаты внесли в президентский проект почти полторы тысячи поправок; самые существенные из них исходили из отклоненных Думой четырех альтернативных проектов [6]), так и после вступления в силу.

Предметом регулирования данного закона «являются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией гражданами Российской Федерации права на объединение в политические партии и особенностями создания, деятельности, реорганизации и ликвидации политических партий в Российской Федерации».

Принятие этого закона имело огромное значение для развития института политических партий в стране. Прежде всего, было дано юридическое определение политической партии. Согласно закону, «это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления»¹.

В законе конкретно прописаны требования, которым должна отвечать партия, её цели и задачи, способы создания, внут-

реннее устройство, права и обязанности, порядок участия в выборах и референдумах. Кроме того, теперь политическая партия – единственный вид общественно-го объединения, которое обладает правом самостоятельно выдвигать кандидатов (списки кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти».

Эксперты неоднозначно оценивают Федеральный закон «О политических партиях», выражая различные мнения.

Ряд исследователей, среди которых С.Е. Заславский, С.Н. Прищеп, Л.С. Вагина и др., объясняя логику закона, считают его целью формирование сильных, крупных политических партий и в целом упорядочивание партийно-политического спектра.

Другая группа специалистов (Я.Ю. Шашкова, А.В. Кынев и др.) оценивает данный закон негативно, как имеющий цель поставить партии под государственный контроль, сделать их частью политико-бюрократической системы.

Г.В. Голосов считает, что основная идея закона – ограничить возможность создания партии, и, как следствие этого, ограничение (или даже ликвидация) права на свободное политическое объединение [2].

В целом принятие Федерального закона «О политических партиях» зафиксировало юридическое положение партий в стране, определило границы их существования.

В данный федеральный закон неоднократно вносились изменения; ныне действующая редакция – уже 44-я. Очередные масштабные изменения произошли в 2012 году, когда существенным образом были изменены требования к численности политических партий, их отделений, а также упрощена процедура регистрации, что послужило толчком к процессу активного создания политических партий

В апреле 2012 года, уже во время президентства В.В. Путина, началась партийная реформа. Для её инициатора, Д.А. Медведева, партийное строительство – не самоцель, а инструмент. Он рассматривает партии как институт, который «поможет гражданам участвовать в формировании власти, поможет гражданам

¹ О политических партиях: Федеральный закон от 11.07.2011 № 95-ФЗ (в ред. от 03.02.2015). Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

контролировать саму власть» [5]. Тем не менее изменения не коснулись формально-юридического положения и возможностей партий в политической системе.

Первые достижения «новых партий» также весьма условны и датированы главным образом 2013 годом. Среди новых политических партий участие в выборах в законодательные собрания субъектов РФ 8 сентября 2013 г. во всех 16 субъектах приняла только «Российская экологическая партия «Зеленые»; 12 партий приняли участие в выборах в каком-то одном субъекте, что составляет примерно 28% от общего числа оригинальных политических партий (т.е. партий, которые приняли бы участие в выборах хотя бы в одном субъекте РФ данного уровня на данных выборах).

Наибольших успехов из числа новых партий на выборах депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ достигли: «Коммунисты России» в Республике Хакасия (6,44%); «РОДИНА» в Архангельской области (6,18%); «ПАРТИЯ ПЕНСИОНЕРОВ» в Смоленской области (6,07%); «Гражданская платформа» в Республике Калмыкия (9,73%) и в Иркутской области (8,51%); РПР-ПАРНАС в Ивановской области (5,11%). Большое количество партий в среднем набирает менее 1% от общего числа голосов, а зачастую даже менее 0,5% от общего числа голосов².

На выборах аналогичного уровня 14 сентября 2014 г. более 5% голосов набрали следующие партии из числа «новых»: «Российская экологическая партия «Зеленые» в Кабардино-Балкарской Республике (5,11%), «РОДИНА» (5,51%) и «Гражданская сила» (5,12%) в Ненецком АО.

Предназначение партий в обществе с точки зрения политической практики определяют их институциональные функции. В классической западной трактовке партиям отведена роль посредника между гражданским обществом (населением) и государственной властью.

Подходов к пониманию основных функций политических партий достаточно много. Свои варианты в разное время предлагали такие ученые, как К. фон Бейме, Дж. Сартори, Э. Хейвуд, В. Чамберс, П. Меркл, Э. Хейвуд и др.

Если обобщить мнения исследователей, то партиям свойственны следующие основные функции: 1) Политическая социализация и мобилизация; 2) Политическое рекрутирование; формирование, смена и пополнение политической элиты; 3) Артикуляция и агрегирование интересов; 4) Политическое представительство; 5) Формирование правительства; 6) Политическое целеполагание и участие в принятии соответствующих политических решений; 7) Конституирующая функция; 8) Социальная интеграция и организационное сплочение; 9) Образовательная функция (политическое и идеологическое воспитание и т.д.).

Большую часть этих функций отечественные партии выполняют, пусть и частично. При этом основную «нагрузку» несут парламентские партии, обладающие необходимыми ресурсами.

В силу формально-юридических особенностей политической системы РФ (о которых шла речь выше) некоторые функции российские партии не могут выполнить в принципе. Поскольку правительство формируется де факто президентом, то партии не участвуют в организации правительства.

В настоящее время отечественные политические партии выполняют «классические» функции лишь условно. Низкий уровень гражданского самосознания и политической активности, незавершенность трансформации социальной структуры современного российского общества делают крайне затруднительным процесс агрегирования и артикуляции интересов граждан, тогда как интересы крупного бизнеса, как правило, находят адекватное отражение при разработке и принятии ряда законов и программ.

Реализация функции политического представительства осложняется особенностью происхождения российских партий. Поскольку они создаются представителями политических элит, то, соответственно, выражают волю отдельных корпоративных групп. Но точное определение их доминирующей социальной базы представляется проблематичным.

Крайне затруднительно выполнять отечественным партиям и функцию по-

² Информационно-аналитический бюллетень Региональные выборы: партийная динамика. Выпуск десятый. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://www.cikrf.ru/news/relevant/2013/12/27/02.html> (дата обращения 19.03.2015).

литической коммуникации (практически отсутствует обратная связь – окно обратной связи приоткрывается только во время избирательных кампаний). Вне выборов обратную связь способны поддерживать (например, посредством деятельности общественных приемных и т.д.) только наиболее ресурсно обеспеченные парламентские партии.

С другой стороны, утратив в российских реалиях ряд классических функций, отечественные партии приобрели некоторые новые качества. Перечислим их:

1. Партия – «электоральная машина». Гипертрофия электоральной функции доминирующей партии нацелена на обеспечение парламентского большинства и реализацию (прохождение) всех правительственных инициатив в парламенте.

2. Партия – «политический товар». Создание и регистрация партий под «продажу» заинтересованным политическим силам, что особенно наглядно проявилось после либерализации партийного законодательства в апреле 2012 г. Либо партия предстает как некий ресурс, облегчающий вхождение в сферу публичной политики.

3. Партия – «имитационный институт». В конце 90-х – начале 2000-х гг. в России происходило постепенное укрепление вертикали власти. Распоряжение ресурсами сосредоточилось в рамках ее исполнительной ветви. В этой связи надобность в институтах-посредниках фактически отпала. Официально была провозглашена демократическая организация власти – партии стали одним из «имитационных» элементов сложившейся политической системы. Реальной властью и возможностью влиять на принимаемые решения партии не имеют, но существуют и участвуют в «конкурентных альтернативных» выборах.

4. Партия – «электоральный инструмент». Например, выдвижение от партии позволяет избежать сбора подписей по одномандатным округам.

Хотя данные понятия ранее использовались в политическом дискурсе [См: 1, 3, 4], но в единую систему новых качеств отечественных политических партий приведены не были. Между тем такая классификация позволяет выявить специфику их развития.

Если для западных партий основные функции – агрегирование интересов и формирование правительства (участие в

выборах, ориентация на работу в парламенте), то для российских – это выработка и соблюдение внятных правил игры на политическом рынке. Особенности условий их существования приводят как к видоизменению традиционных функций, так и к появлению новых.

Кроме того, появилась возможность определить специальные функции отдельных политических партий (групп партий). В качестве инструмента целесообразно использовать функционально-ролевой подход, который адекватно отражает феномен современной российской многопартийности.

Из числа существующих на сегодняшний день политических партий можно выделить следующие:

1. «Единая Россия» – правящая партия, партия власти.

2. «КПРФ», «ЛДПР», «Справедливая Россия» – традиционные конкурирующие партии с устойчивым парламентским статусом.

3. Все многообразие новых зарегистрированных партий и оставшиеся «старые» партии, не имеющие сколько-нибудь значимого представительства в законодательных органах разного уровня.

На наш взгляд, каждая из групп обладает собственными функциями (помимо общих для института политических партий).

«Единую Россию» эксперты именуют «приводным ремнем» режима – ей отведена роль сборщика голосов на выборах и принятие нужных законов. Кроме того, учитывая членский состав, это партия исполнительной ветви власти по всей России.

За второй группой партий остается функция имитации конкуренции, имитации оппозиции, политической альтернативы. Эти партии давно играют «по правилам», за что стабильно получают определенное число мест в Государственной Думе и региональных парламентах.

Функционал третьей группы остается под большим вопросом. Как реальные игроки, способные оказать влияние на исход предвыборной гонки, новые партии несостоятельны (по крайней мере на данный момент).

В качестве партий-спойлеров, предназначенных для оттягивания голосов у реальных конкурентов, количество новых партий слишком велико. Они конкури-

рук не только со «старыми» партиями, но и между собой, и с этой точки зрения малоэффективны (получается, что партии выступают спойлерами для других партий-спойлеров). Но, с другой стороны, их обилие позволяет решить другую задачу, а именно – поиск и апробацию политических инноваций, а также раннее обнаружение и артикулирование новых политических потребностей и трендов.

Остается функция демонстрации реализации права на объединение, что, в свою очередь, может быть использовано для подтверждения демократических принципов политической жизни современной России.

Между тем в законе о партиях к основным целям политической партии относятся: участие граждан РФ в политической жизни – в выборах, референдумах, политических и общественных акциях; формирование и выражение их политической воли, интересов, а также доведение позиций населения по любым вопросам до органов государственной власти (и некоторые другие). На практике же наблюдается сосредоточение партийной деятельности исключительно на проведении избирательных кампаний, при отсутствии систематической работы с избирателями в виде регулярных публичных акций и иных законодательно разрешенных мероприятий.

Таким образом, с функциональной точки зрения и с формально-юридической стороны новые политические партии предстают фиктивным институтом, дистанцированным от реальной власти и не имеющим возможности влиять на неё. Они не могут использовать такую доминирующую форму взаимодействия с органами публичной власти, как нормотворческая деятельность. В то же время публичные акции и мероприятия для установления связей с институтами гражданского общества новые партии используют в исключительных случаях.

Либерализация партийного законодательства в апреле 2012 г. создала условия для увеличения числа политических партий, но не обеспечила предпосылок для изменения их роли в целом. Сейчас партий в десятки раз больше, чем до ре-

формы, но серьезной политической силой ни одну из этих новых партий (по итогам региональных выборов) считать нельзя.

Политические партии в современной России, как показывает практика, не являются формой участия граждан в принятии политических решений и институтами контроля за государственной властью, несмотря на заявленные инициативы. Данные организации по-прежнему не вписываются в схемы распределения власти и носят преимущественно атрибутивный характер, призванный подтвердить демократическую форму существующего политического режима.

В силу особенностей отечественной политической системы, уровня развития гражданского общества и политической активности населения, российские партии не являются тем универсальным посредником между обществом и государством, каким призваны быть по своей природе. Как показывают текущие опросы, население не считает партии значимым и влиятельным социальным институтом³.

Для превращения партий в реальный инструмент политики, учитывающий в той или иной степени весь спектр электоральных предпочтений, следует продолжать совершенствование существующих политико-правых норм (включая конституционные) в направлении усиления роли партий в политическом процессе и создания более конкурентной партийной среды. Например, подобной мерой может стать возвращение к выборам полностью по партийным спискам. Также ныне действующие, согласно партийной реформе 2012 года, требования минимальной численности партии в 500 человек создают условия для умножения фиктивных партий, необходимость существования которых сомнительна. Большая минимальная численность будет требовать более серьезной партийной организации.

Безусловно, это далеко не весь перечень изменений, которые возможно предпринять для усиления роли партий в политической жизни. Если народу, стране и президенту нужны сильные и эффективные политические партии, то необходимы преобразования (усиление роли партий в политическом процессе, создание более

³ Роль социальных институтов. Результаты социологического опроса, проведенного специалистами «Левада-Центр» в период с 23 по 26 января 2015 г. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%. URL: <http://www.levada.ru/12-02-2015/rol-sotsialnykh-institutov> (дата обращения 19.03.2015).

конкурентной партийной среды и т.д.) в этой области и их планомерная реализация.

1. Бешлей, О. Партии веером [Электронный ресурс] / О. Бешлей. URL.: <http://newtimes.ru/articles/detail/53771/> (дата обращения: 10.02.2015).

2. Голосов, Г.В. Демократия в России: инструкция по сборке [Текст] / Г.В. Голосов. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. 208 с. (Цивилизация).

3. Егоров, В. Особенности современного российского партотенеза [Текст] / В. Егоров, А. Морозов // Власть. 2012. № 9. С. 21–25.

4. Кичанова, В. Новые партии на выборах: спойлеры, франшизы и реальные игроки [Электронный ресурс] / В. Кичанова. URL: http://slon.ru/russia/novye_partii_na_vyborah_spojlery_franshizy_realnye_igroki-839771.xhtml (дата обращения: 10.02.2015).

5. Кузьмин, В. Апрельские тезисы [Электронный ресурс] / В. Кузьмин // URL: <http://www.rg.ru/2012/04/04/tezisi.html> (дата обращения: 10.02.2015).

6. Кынев, А.В. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволуция [Текст] / А.В. Кынев, А.Е. Любарев. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2011. 529 с.

References

1. Beshlej O. (2012) The New Times. 25.06.2012, available at: <http://newtimes.ru/articles/detail/53771/> (accessed 10.02.2015) [in Rus].

2. Golosov G.V. (2010) Demokratija v Rossii: instrukcija po sborkе. Sankt-Peterburg, BHV-Peterburg, 208 p. [in Rus].

3. Egorov V., Morozov A. (2012) *Vlast'*, no. 9, pp. 21–25 [in Rus].

4. Kichanova V. (2012) Slon.ru: online zhurnal. 16.10.2012, available at: http://slon.ru/russia/novye_partii_na_vyborah_spojlery_franshizy_realnye_igroki-839771.xhtml (accessed 10.02.2015) [in Rus].

5. Kuz'min V. (2012) Rossijskaja gazeta. 04.04.2012, available at: <http://www.rg.ru/2012/04/04/tezisi.html> (accessed 10.02.2015) [in Rus].

6. Kynev A.V., Ljubarev, A.E. (2011) *Partii i vybory v sovremennoj Rossii: jevoljucija i devoljucija*, Moscow, Fond «Liberal'naja missija»; Novoe literaturnoe obozrenie, 529 p. [in Rus].

UDC 32.329.8

PARTIES IN MODERN RUSSIA: SITUATION IN POLITICAL SYSTEM

Sheryagin Evgeniy Andreevich,

Chelyabinsk State University,
Post-graduate Student of the Department
Chair of Political Sciences,
Chelyabinsk, Russia.

E-mail: evgenii-2291@mail.ru

Annotation

The article considers the situation with political parties in modern Russia. The author analyzes functions of Russian parties, points out a number of new characteristics typical of local parties at the present stage.

Key concepts:

party,
party system,
modern Russia.

УДК 323.2

ИГРА КАК АТРИБУТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Новикова Оксана Николаевна,

Уральский государственный
лесотехнический университет (УГЛТУ),
заведующий кафедрой философии,
кандидат педагогических наук, доцент,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: oksnovi@mail.ru

Аннотация

Рассматриваются особенности
политических реалий, атрибутивные
игровым практикам. Анализируются
тенденции современной политической
сферы через существенные характеристики
игры.

Ключевые понятия:

игра,
политика,
выбранная роль,
власть как приз,
зрелище.

Современная научная мысль доказала, что игра – это не просто отдельная сфера культуры, а прежде всего приоритетное свойство жизнедеятельности социума в целом: «человеческая культура возникает и разворачивается в игре, как игра» [3, с. 64].

Каждый интуитивно знает, что есть игра, но трактует ее по-своему, особо, с учетом личного восприятия, собственного опыта, опираясь на реалии именно своей жизни. Ее обычно стереотипно воспринимают как нечто детское, фантазийное, ненастоящее, развлекательное или развивающее, противопоставляемое серьезному взрослому миру. Любая игра имеет свои правила, язык, знаки, временное пространство, свою рациональность, противопоставляемую повседневности, свою цель и некую обособленность (мир участников игры). Практика свидетельствует, что игровой феномен человеческой деятельности перестает быть принадлежностью только лишь сферы развлечений, демонстрируя все новые возможности и сферы реальной действительности.

Неотъемлемым атрибутом игры является ее некая обособленность, непричастность к тайне (ведь принятие в игру сопровождается неким ритуалом, счетом на право вождения, распределением и разграничением ролей). Традиционная игра ограничивается рамками заданного пространства (двор, комната, шахматное поле). Участники игры воспринимают и признают друг друга, ощущая свою обособленность, основанную на чувстве увлеченности данным действием, осознанием значимости, посвященности в тонкости и нюансы процесса, установленного принятыми правилами. Только создателям и игрокам доступен полный смысл игры и ее предназначение, благодаря вовлеченности в нее. Игра является закрытым пространством по своей сути благодаря личной обособленности, ограниченности временной и пространственной.

В современной науке нередко рассматривают игру как специфическую общественную практику, базирующуюся на воспроизведении норм, принятых правил жизни, с одной стороны, и одновременно являющуюся конкретной формой, изменяющейся в реальных условиях.

Все вышеперечисленные черты присутствуют и в современной политической среде, в которой политика трактуется как деятельность политических групп по установлению и поддержанию некоего порядка в конкретном государстве в соответствии с принятыми нормами и принципами.

В социокультурном смысле власть традиционно предьявляется в аспекте доминирования, главенства, захвата, подчинения, превосходства. Еще с Древней Античности термин «архэ» переводился как «начинать» и как «править», что свидетельствует о едином смысловом содержании программы действий – действовать первым, на которого равняются, быть лучшим, достойным, инициативным. В русской традиции «власть» синонимична понятию «владеть», иметь», «обладать». Схожие трактовки мы встречаем в осознании феномена игровых практик.

Р. Кайуа в своих статьях и эссе по социологии культуры «Игры и люди» [2, с. 37] рассматривает детские игры, забавы, с возрастом трансформирующиеся в «тайные союзы», политические фракции, основанные на стремлении к превосходству в окружающем пространстве. Автор не стремится дать точное определение игры, а прежде всего, соединяя социальные и психологические аспекты, развивает идею типологий социальных ситуаций и режимов, сменяющих друг друга, от преобладания того или иного разряда игр и игровых инстинктов.

Мыслитель создает эмпирическую классификацию игр, подразделенную на агональные (соревновательные), азартные, миметические (подражательные) и головокружительные игры. В основе концепции лежит не сам тип игры, а прежде всего инстинкт (психический импульс), проявляющийся в социуме в форме игры. Анализ исторической практики позволяет сделать вывод, что инстинкт состязательности или азарта формирует общественную реальность, ориентированную на позитивные изменения и успех, а для общества стагнационного, застойного, поддерживаемого в ритуальных практиках, характерно преобладание инстинкта подражания и головокружительных действий. Автор считает, что в любом типе общества встречаются все разновидности игровых практик, но именно преобладание действий, связанных с состязательным или выборным моментом, меняет тип политической власти.

Правящая команда всегда старается осуществлять деятельность по установленным правилам (конституция, законодательная база). Ведь основной закон перехода власти держится на смене правил, что приводит к грубому силовому противоборству, позволяющему менять одну политическую систему на другую.

Й. Хейзинга, раскрывая методологическую природу игры как ведущую форму действительности, благодаря которой раз-

ворачивается человеческая культура, фиксирует: «игра есть борьба за что-нибудь или же представление чего-нибудь» [4, с. 24]. Данное положение легко реализуется в политической среде, где постоянно осуществляется борьба за власть, кресло, или создается образ политического деятеля, реализованный через словесный, стилизованный и деловой аспект.

Современная политика – это соревнование, противостояние противоборствующих партий, представленных квазиновыми партийными образованиями, время от времени меняющими свое название с корректировкой курса. Это игра, ведь перевес, некоторое превосходство в чем-либо не приводит к изменению стратегии курса.

Современный социум базируется на публичности, массовости, стремлении к развлечению, реализуемых через карнавал постоянно меняющихся действий правящей политической группы. Многочисленные революции последних лет («оранжевая», «синяя» революции, «революции роз», «кедров» и т.д.) имеют заранее прописанный сценарий, разыгрываемый по правилам. Броские, эффектные постановочные действия, поддерживаемые СМИ, виртуальной средой, играют в нем первостепенную роль.

Любой политический деятель не только является участником, но и в силу специфики становится создателем некой политической игры, реализованной в публичной (политик действует в рамках заданных правил) и в «скрытой» сфере (формирует, устанавливает свои законы). Политика – поединок, борьба, соревнование за право навязывать свои правила нормы, через манипуляцию общественным сознанием при сохранении свободы общественного действия. Ведь в данном игровом поле общество должно принимать установку, что оно самостоятельно в своем выборе тех, кто стремится к власти, кто одерживает некую победу на данном поприще. Проявление публичной активности базируется на театрализации, игровом, ролевом стандарте. Электорат имеет возможность выказать свое отношение к происходящим действиям овациями (поддержкой) или освидетельствованием (низложением, порицанием) героев.

Средства массовой информации, как правило, представляют лишь некоторые стороны личности политика, приукрашивая и вычлняя лучшие качества объекта. Так создается имиджевое восприятие, некий образ, концентрированно воплощающий суть объекта. Каждый образ продумыва-

ется, разрабатывается, и в конечном счете проигрывается конкретным исполнителем. Каждый политический деятель осознанно выбирает себе определенный стиль, образ действия, осмысленный еще античной философией, руководство к практической деятельности, основанное на первичном типе власти: Власть Творца, Власть Судьи, Власть Вождя. Принятый образ проявляется через выполнение идентификационной модели поведения взятой на себя роли, описываемой в работах Аристотеля, Платона, И.Ф. Гербарта, А. Кожева и др.

Идентификация себя в роли Власти Творца осуществляется, прежде всего, как основоположника чего-то нового, родителя уникального, созидательного, имеющего диалектически противоположное право – разрушения и уничтожение. Цель его действий (игры) – изменить, трансформировать, преобразовать имеющееся, не обязательно в лучшую сторону.

Реализующий себя политик, выбравший роль Власти Судьи, проявляется в потребности осуждать или награждать всех и каждого по заслугам, с точки зрения предложенных им обществу критериев, на основе нивелировки или проецирования конфликтных ситуаций.

Власть Вождя идентифицирует себя выполнением роли всеобщего «героя», харизматичного лидера, ведущего к созиданию или деградации общества; его образ как правило, сакрален, становится эталонным для подражания. В современном виде данные типы власти реализуются через принятые формы: законодательной, исполнительной или судебной власти. С осознанным выделением атрибутов, символов и знаков последних.

Как в игре приняты символы, объекты, знаки, замещающие невероятное в очевидном, так и в политической сфере используются модели передачи информации или действий в знаковой системе. «...Большая часть нашей реальности формируется вербально. И лишь очень незначительную часть реальности мы познаем путем непосредственного опыта, полная же картина складывается благодаря системе символов» [5, с. 5].

Информация, транслируемая институтом власти, опирается на семантическую, синтаксическую и прагматическую реальность.

Семантическая адекватность реализуется через «правильное» отображение действительности, осознанное выделение позитивных образов, наделяющих правящую элиту необходимым имиджем (прос-

той парень, вышедший из народа, воспитывался в социальной среде, схожей с жизнью многих, через преодоление себя и негативных факторов общества, борющийся с несправедливостью, коррупцией или другими социальными аспектами времени).

Синтаксическая реальность власти осуществляется через правильно организованную и структурированную речь, произнесенную в определенное время и в нужном месте.

Демагогия (в переводе с греческого *δημαγωγία* – руководство народом, заискивание у народа) – набор ораторских и полемических приемов, позволяющих склонить аудиторию на свою сторону, основанный на игре слов. Красноречивые риторические изречения правдоподобно рисуют фальсифицированный факт, искусно обрамленный аргументацией. Истории известны случаи захвата власти благодаря лишь красноречию. Ведь как сказал В. Шефнер: «Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести».

Прагматическая сторона коммуникации предъясняет весь образ, всю передаваемую информацию в системном контексте для отображения полноты образа политического деятеля.

В современной культуре сложились правила, стандарты, неукоснительное исполнение роли политика, поддерживающего выбранный политический курс. Ориентированный на сдержанность, точность, объективность, дипломатичность и толерантность (выступление президентов России, США, европейских стран), данный образ поддерживает видение (иллюзию) стабильности, долговременности, правильности выбранного курса через корректность и однозначность формулировок речи.

Образы и манеры политических лидеров, стоящих в оппозиции, отличаются экспрессивностью, контрастностью действий, одиозностью поступков (спровоцировать публичное обвинение-бичевание, начать драку, эпатировать своими действиями, поступками окружающей социум). Практика свидетельствует, что экспрессивное красноречие, умение театрализованно, ярко, броско и эффектно представлять себя и свою речь нередко приводило к успеху, победе на политическом олимпе. Оправдывая ожидания публики, привыкшей к броским, показательным эффектам, нередко современные политики прибегают к

образу скандального, эпатажного, протестного, контрастного идеологической системе персонажа. Примером данной ролевой идентификации могут служить действия В.В. Жириновского, О.В. Ляшко и др.

Хотя сама игра не является обманом, но она постоянно использует броские, показательные, иллюзионные эффекты, чтобы выдать показное за подлинное, настоящее, выражающее себя и свою суть. Но цель данного обмана не в завоевании сакрального – это, прежде всего, показ своих неудовлетворенных желаний, нереализованных надежд и мечтаний. Использование в политической среде игровой технологии «посмотрите, кто я и как я живу» через демонстрацию своих житейских и бытовых моментов в различных постановочных развлекательных программах – способ демонстрации в выгодном ракурсе, пропаганда себя не только как политика, но и просто человека, гражданина своей страны. Обычный политик – это и прекрасный шоумен, умеющий всё и вся (многочисленные телешоу на социальные темы, в которых герой выступает как мудрый советчик, участник зрелищ об обустройстве дома, кулинарных пристрастиях, экстремально-спортивных мероприятиях и т.д.).

В политической среде имеют место типы ролевых структур, способствующие выстраиванию будущих изменений во власти. По мнению Р. Гарифуллина, в политической игре нередко используются ролевые игры с сознательным исполнением различных психологических образов – «роль: козла отпущения; организатора или руководителя исполнения; политического добродетеля и демократа; покорного политика; свободного политика, которому разрешается многое; скрытого лидера; политика, недовольного всем и вся, и т.д.» [1, с. 127]. Взятые на себя роли, как правило, не имеют ничего общего с официально установленным статусом.

В современном социуме каждый выполняет множество функций, берет на себя одновременно разные социальные роли (гендерные, возрастные, профессиональные и т.д.), а следовательно постоянно изменяет саму жизнь – игровое поле, через смену правил, соблюдение атрибутов, свойственных данному типу роли. В один и тот же день, но с разными партнерами (игроками) индивид может быть и заботливым, любящим семьянином, и жестким, требовательным и серьезным начальником, а в дружеской компании – балагуром, весельчаком и забиякой. И все эти

столь отличные качества уживаются в одном человеке благодаря его отношению к жизни. Каждая ситуация, этап другого взаимодействия – это смена не только ролей, но и смена самой игры (жизни).

Нередко для сохранения и упрочения реальной власти представители политической элиты меняют убеждения, устои, принадлежность к партии и т.д. Данный феномен держится на стремлении добиться победы, наилучшим образом используя все имеющиеся ресурсы, позволяющие при некоей нестабильности начать с начала, удвоив свои усилия.

Экспансия своих принципов, правил держится на двойных стандартах: остаться у власти любой ценой. Появляются все новые модели псевдоигр (конструирование среды для «зрителей» всеобщего пользования), позволяющие осуществлять политические манипуляции в современном социуме. Назначение псевдоигр – манипуляция другими игроками для достижения конкретной поставленной цели. В современной повседневности нередко многотысячные митинги, факельные шествия, награды и знаки отличия, парады и постановочные «марши». Еще Ж. Бодрийяр говорил, что сфера политического давно превратилась в шоу, воспринимаемое как полуспортивный, полугригровой дивертимент. В сознании людей телеигры и предвыборные кампании эквивалентны друг другу. Политическая сфера все больше наполняется виртуальностью, т.е. реальный избиратель имеет дело не с конкретными людьми, готовыми представлять интересы граждан, а с образами героев, спасителей, лучшими спортсменами, звездами кино и шоу-бизнеса. Политика становится зрелищем, в котором наличествуют декорации, костюмы, разыгрываются сцены (торжественные открытия, инаугурации, награждения, встречи, обеды, дебаты и т.д.). Средства массовой информации сознательно создают драматические или комические сюжеты, которые своими перипетиями держат электорат в напряжении, вызывая чувства восторга, разочарования или нейтралитета. Политика не подчиняется императивным правилам, в ней постоянно происходит покрытие реальности и симуляция вторичной реальности.

Политическая игра, основываясь на универсальной потребности человека в самореализации, поддерживается на азарте, непредсказуемости, непосредственной вовлеченности и блефе. Любая игра, как и сама жизнь человека, построена на правилах, выстраивании определенного

регламента, соблюдения которых и различают игровые ситуации. Но, несмотря за данные обязательства, человек проживающий (играющий) постоянно стремится их нарушить. Е. Финк отмечает, что «законы игры действуют вне норм разума, долга и истины» [3, с. 360].

Феномен блефа (с английского bluff – обман, запугивание), заимствованный из карточной игры, характерен как для личной линии поведения, так и для сообществ различных политических сил. Опытные политики знают, как ввести в заблуждение не только своих противников, но и электорат, воздействуя на чувства и эмоции (создание мифов, организация слухов: обращение к национальным предрассудкам и т.д.). Типичная игра строится на подражании, имитации некой устоявшейся технологии. Практика свидетельствует, что в политической игре правил нет, так как их изменяют или устанавливают сами непосредственно вовлеченные в действие политические деятели. В типичной игровой ситуации изначально заложен обман, элемент хитрости, навязывание своих понятий и правил реальности. Обычно нарушение правил определяется как «нечестная игра», обман или шулерство, что с точки зрения этики считается недопустимым, но в социальном пространстве встречается нередко, несмотря на общественное порицание. На самом деле шулерство проявляется не в отрицании правил, а в проявлении их через некую специфичность самого участника игры (жизненной ситуации). Нарушая правила, игрок зачастую уверен, что его соперники не делают этого. Данный факт придает уверенности, укрепляет престиж, определяет большую успешность данного участника на игровом поле. Но, как правило, «обманщик» все же предполагает, что данные наклонности могут быть и у соперника, что делает игру более увлекательной. Та же стратегия действует и в рамках политической игры. Блеф в политической реальности чаще всего предстает то в виде спекуляций, ссылки на авторитеты, то через манипуляции недостоверными или некорректными цифрами и фактами, например, при публикации рейтинга лидирующих политиков. В исторической практике известны случаи использования информации, сознательно нагнетающей страх у масс через выдуманные небывлицы, мифы (нередко данный прием используется при описании образа врага – «классового», «врага демократии», «миф об ожидании перемен» и т.д.) для эмоционального дискомфорта

и нейтрализации способности человека рационально мыслить и логически оценивать информацию.

Игру всегда сопровождает азарт, и она постоянно в нем нуждается. И в жизнедеятельности человека азарт присутствует неизменно. В историко-этимологическом словаре «азарт» трактуется как некая страсть (запальчивость, горячность) в осуществлении какого-либо намерения. Само слово hazard с французского переводится как «случай», «случайность», «риск». Современные социологические исследования показывают, что эпоха постмодерна – время азартных людей. На ментальном уровне азарт воплощается через состояние охоты за удачей. В политической среде тоже не обойтись, без азарта, который подпитывает авантюра. Авантюра (с франц. – риск, приключение) – рискованное дело, предпринятое в надежде на случайный успех, сопровождаемое риском неожиданных событий, перипетий и скачков, создающих мнимую или реальную историю. Не умеющий рисковать – недолго пробудет в политической сфере, так как именно политики-авантюристы и создают политическую ситуацию, часто пренебрегая знанием реальных фактов, обстановки, расстановкой сил и средств, закономерностями общественной жизни.

Игровое действие в политической сфере также осуществляется в рамках некоего обособленного, ограниченного пространства, попасть в которое доступно не всем. Дух союзничества, сопричастности, возможности действовать на политическом олимпе придает участникам статус сакральности, мистицизма.

Современная политика ограничена рамками как временными (выборность кандидатов), так и содержательными (например, курс на демократизацию общества). Правила действия в политической игре контролируются социальными и юридическими институтами, общественным мнением и СМИ.

Каждый политик – это игрок, т.к его действие происходит в обособленном избранном пространстве (достаточно закрытом для обычных людей), «кулуарах власти», полном таинственности и иррациональности, сопряженном с высококонкурентной соревновательностью. Любой политический деятель нацелен на приз – власть, которой всегда недостаточно в силу ее бесконечности, т.к. она ограничена рядом правовых и социальных институтов. Власть – в абсолютном смысле – некий

недостижимый идеал безграничных возможностей по изменению действительности, в которых каждый игрок (политик) навязывает свои собственные правила, интерпретации. Власть, как уникальный феномен, имеет особенность – ее всегда недостаточно. Поэтому все устремления любого политика нацелены на получение власти как приза, конечной цели своего действия. Человек, получивший возможность управлять кем-то или чем-либо, постоянно будет нуждаться в ее осуществлении. В этом и скрыт бесконечный смысл и цель любой политической игры. Ведь как гласит известный афоризм: «В политике не столь уж важно, как вы играете; гораздо важнее, кто ведет счет»...

Стремление к лидерству – и есть тот выигрыш, ради которого затеваются политические игры. Политическое лидерство не рождается непосредственно в игре, а проходит постепенную процедуру разыгрывания, воплощаясь через языковые, экзистенциальные, коммуникативные и эмпирические возможности игрового действия.

1.Гарифуллин, Р.Р. Психология блефа, манипуляций, иллюзий [Текст] / Р.Р. Гарифуллин. М.: АСТ, СТАЛКЕР, 2007. 223 с.

2.Кайуа, Р. Игры и люди; статьи и эссе по социологии культуры [Текст] / Роже Кайуа; сост., пер. с фр. и вступ.ст. С.Н. Зенкина. М.: ОГИ, 2007. 304 с.

3.Финк, Е. Основные феномены человеческого бытия [Текст] // Проблема человека в западной философии / сост. П. С. Гуревич; общ.ред. Ю.Н. Попов. М.: Прогресс, 1998. С. 357-402.

4. Хейзинга, Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры [Текст] / пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харитоновича. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.

5.Burke, K. Language as Symbolic Action[Текст] / K. Burke. Univ. of California Press, 1966. 156 p.

References

1.Garifullin R.R. (2007) Psihologiya blefa, manipulyacij, illyuzij. Moscow, AST, STALKER, 223 p. [in Rus].

2. Kajua R. (2007) Iгры i lyudi; stat'i i ehssе po sociologii kul'tury. Moscow, OGI, 304 p. [in Rus].

3. Fink E. (1998) Problema cheloveka v zapadnoj filosofii. Moscow, Progress, 1998, pp. 357-402 [in Rus].

4. Hejzinga J. (1997) Homo Ludens; Stat'i po istorii kul'tury. Moscow, Progress-Tradicija, 416 p. [in Rus].

5. Burke K. (1966) Language as Symbolic Action. Univ. of California Press, 156 p. [in Eng].

UDC 323.2

GAME AS AN ATTRIBUTE OF POLITICAL ACTIVITY

Novikova Oksana Nikolaevna,
Ural State Forest Engineering University,
Head of the Department Chair of
Philosophy, Cand. Sc. (Pedagogics),
Associate Professor,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: oksnovi@mail.ru

Annotation

The article considers peculiarities of political realias attribute to game practices. The author analyzes tendencies of modern political sphere through essential characteristics of a game.

Key concepts:

game,
politics,
chosen role,
power as a prize,
performance.

УДК 327.5

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРИТИЧЕСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Багнюк Виталий Евгеньевич,
Санкт-Петербургский
государственный университет,
Институт философии, кафедра
конфликтологии,
аспирант,
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: vit1945@rambler.ru

Аннотация

В данной статье проводится конфликтологический анализ основных теоретических положений критической геополитики. Предпринятый анализ позволил установить, что критическая геополитика считает основными определяющими факторами, способствующими возникновению геополитических конфликтов – определенные конфликтогенные геополитические представления и идеи, задающие направленность и характер внешней политики. Сам геополитический конфликт, как феномен международной политики, рассматривается как результат конструирования в общественном сознании некоторых геополитических представлений о стратегической значимости для общества конкретных территорий и регионов или о возможных угрозах национальной безопасности.

Ключевые понятия:
геополитика,
геополитические конфликты,
географическое воображение,
геополитический дискурс.

Как известно, вторая половина XX века стала для геополитики временем серьезных испытаний в плане ее дальнейшего признания как науки. В первую очередь это связано с тем, что после Второй мировой войны геополитика была сильно дискредитирована в связи с тем, что многие ее основные положения были использованы руководством Третьего рейха для обоснования своих захватнических планов и развязывания Второй мировой войны.

Немаловажную роль в процессе реабилитации геополитики сыграла работа Карла Хаусхофера «Апология немецкой геополитики». После смерти последнего его сын Альбрехт продолжил дело отца, написав книгу «Всеобщая политическая география и геополитика», в которой он выступил с критикой географического детерминизма, указывая на важность изучения влияния человека на пространство. Тем самым Альбрехт Хаусхофер создал предпосылки к появлению новых ревизионистских направлений в геополитической мысли.

Одним из таких направлений стала критическая геополитика, которая по-новому взглянула на роль пространственных факторов в международных отношениях, а также на причины и сущность геополитических конфликтов. Новое направление зародилось в конце 80-х годов XX века в недрах американской политической географии и политологии и получило название критической геополитики. На формирование данного направления в геополитике большое влияние оказала постмодернистская философия Мишеля Фуко, а именно его концепция «власти и знания» и структурное изучение дискурса, а также геополитические идеи французского геополитика Ива Лакоста.

Он известен тем, что рассматривал геополитику как науку, охватывающую не столько межгосударственные отношения, сколько изучающую соотношение сил внутри государства или некоторых территориальных сообществ. Недаром геополитические концепции Ива Лакоста называют школой «внутренней геополитики».

Основной задачей геополитики, с точки зрения Лакоста, является оценка и объяснение ситуации. В своих исследованиях он постоянно акцентирует внимание на том, что когда речь заходит о геополитике, под этим всегда подразумевается властное соперничество на определенных территориях и о людях, проживающих на них. При этом Лакост отмечает, что в геополитических конфликтах каждая из сторон использует

разные средства для того, чтобы доказать свое право на сохранение или распространение своего влияния на конкретной территории. И здесь фактически Лакост говорит о том, что в конкретный исторический период геополитическая ситуация определяется интенсивностью и формами территориального соперничества между различными геополитическими акторами. При этом французский геополитик отмечает, что сегодня возникают новые формы геополитических конфликтов, что связано с возросшим значением общечеловеческой и усилением роли СМИ [3, с. 138].

Как пишет Б.А. Исаев, Ив Лакост первым связал современную геополитику и общественное мнение, постановку геополитических проблем в демократическом обществе с работой СМИ, вообще влияние информационных систем на развитие геополитических процессов [1, с. 318].

Основателями же критической геополитики являются американские ученые Саймон Делби, Джерард О'Тоал и Джон Агню. Последние стали известны после того, как в 1992 году была напечатана их статья «Геополитика и дискурс: практические геополитические рассуждения в американской внешней политике» [11, с. 190–204].

По мнению приверженцев данного подхода, геополитику не следует рассматривать как науку, занимающуюся исследованием неких объективно существующих географических факторов, которые артикулируют такие же объективные национальные интересы в мировой политике. Сущность методологического переворота, произошедшего в рамках критического подхода, – пространство перестало быть объективно заданным фактором геополитики, а стало восприниматься как социально конструируемое.

Как пишет политолог Игорь Окунев, данное направление подвергло серьезной критике классическую геополитику за поверхностный анализ политической карты мира, оправдание милитаризма, экспансии, излишнюю конфликтогенность многих геополитических концепций классического периода. Другими словами, в основе критической геополитики лежит тезис о том, что реальная геополитика государств формируется не только и не столько в силу определенных естественных законов и пространственных структур, а под воздействием географического воображения и определенных пространственных мифов и географических образов, формируемых в сознании политических элит и общества в целом [5, с. 152].

Таким образом, новое направление акцентировало внимание в первую очередь на средствах актуализации и использования пространства для реализации конкретной стратегии и достижения политических целей. Тем самым в центре внимания критической геополитики оказывается политический дискурс и коммуникация, что требовало применения соответствующих методов исследования, таких как дискурс-анализ.

Другими словами, если классическая геополитика исходила из тезиса о том, что определенные географические факторы, такие как естественные границы, конкретные территории, горные цепи, морские проливы, своим объективным географическим расположением детерминируют внешнюю политику, то критическая геополитика говорит о том, что стратегическое значение данных географических факторов задается определенным политическим дискурсом, который определяет их специфические функции, придает им особую историческую и политическую значимость.

Так, Джерард О'Тоал в своей статье «Геополитические условия постмодерна: государства, государственное управление и безопасность в новом тысячелетии» приводит в качестве примера современных форм геополитического дискурса риторику президента США Билла Клинтона, когда в своем инаугурационном обращении в 1993 году он сигнализировал об изменяющемся признании форм государств, государственного управления и безопасности в мире после холодной войны.

В частности Клинтон заявил, что «... коммуникации и коммерция глобальны, и происходит формирования глобальной экономики, когда нет больше различия между иностранным и отечественным, и все мировые проблемы, начиная от распространения оружия массового уничтожения до загрязнения окружающей среды, затрагивают нас всех» [6].

По мнению О'Тоала, подобный геополитический дискурс отражает современное международные реалии, характеризующиеся нарушающимися границами национального государства процессами и тенденциями, подрывающими классические геополитические представления, главным субъектом которых является национальное государство.

Следовательно, геополитические идеи и модели являются результатом определенного дискурса, отражающего конкретные реалии своей эпохи.

Как уже отмечалось, корни нового ревизионистского направления восходят к философии Мишеля Фуко и французской геополитической школе Ива Лакоста, а также геополитической концепции другого французского геополитика, Жана Готмана. Последний известен в первую очередь тем, что ввел в научный оборот понятие «иконография», под которым понималась определенная система символов и образов общественной жизни, отраженных в определенном пространстве под воздействием различных социокультурных, исторических или национальных факторов.

Как пишет М.А. Мунтян, данное понятие используется Готманом в качестве замещения понятия «образы жизни», введенного в науку еще Видалем де ла Бланшем. «Иконографии» у различных сообществ имеют соответствующие отличия, но при этом обязательно включают в себя следующие элементы: политическое настоящее и прошлое, средства социальной организации.

При этом Готман обращает внимание на то, что различные сообщества, народы, цивилизации и культуры создают все видимые, организованные в пространстве формы политической, общественной и частной жизни. В понятие «иконография» он включал также различные пространственные картины мира и отдельные представления, возникшие под влиянием религий, традиций, различных социальных моделей и исторического прошлого конкретных территорий со своей специфической и неповторимой культурой.

Мифы и образы прошедших эпох, разные легенды и сказания и символы культуры, топографически локализованные в определенном пространстве, являются теми факторами, которые формируют его иконографию [4].

Развитие данных положений привело к появлению в политологическом дискурсе тезиса о том, что в современной геополитике и международных отношениях важную роль играют национальные образы.

При этом каждый геополитический актор, и в первую очередь государство, заинтересован в формировании определенного образа иных государств или сообществ не менее чем собственного образа.

К тому же на восприятие современных политических процессов огромное влияние оказывают различные информационно-коммуникативные технологии и средства массовой информации, благодаря которым различные политические процессы воспринимаются простыми людьми в виде

определенных картинок или образов, редуцирующих сложные и неоднозначные события с целью более простого и нерелевантного усвоения.

Это позволило немецкому философу и социологу Юргену Хабермасу ввести (по аналогии с понятием «идеология») новый термин, характеризующий основу политики – «имагология» [7].

Под данным понятием Хабермас понимал «систематическое искажение, возникающее в процессе коммуникации и ослабляющее политические действия путем формирования отношения общественности к политическим действиям как к точной копии их образов, каковыми они являются» [12].

Иными словами, как пишет Сергей Ширин, имагологию можно понимать как выражение системы взглядов, облеченное не в форму идей, а в форму образов, необходимых для подтверждения данной системы взглядов [5, с. 16].

Критическая геополитика же как раз и занимается анализом того, как формируются конкретные геополитические представления, конструируемые в определенные модели и свертываемые в определенные образы. Данная наука изучает способы и механизмы, при помощи которых сложные и неоднозначные процессы мировой политики презентуются в более удобной для восприятия системы географических мифов и образов, или, другими словами, упрощают картину мира, или, например, представления о других странах и народах. Следовательно, теоретические взгляды представителей критической геополитики во многом соотносятся с «имагологией» Ю. Хабермаса.

Таким образом, критическая геополитика своей главной задачей видит изменение представлений о геополитике как о научном направлении в теории международных отношений.

Так, Джон Агнью рассматривал геополитику как определенный способ изучения того, «как в реальности политические географы пространственно представляют, дробят и классифицируют мир и упорядочивают его в виде иерархии более и менее важных территорий» [9].

Или, например, Джерард О'Тоал в своих исследованиях осуществляет деконструкцию существующих геополитических положений и концепций, которые зачастую представляют собой удобные для восприятия различными социальными группами или общностями интеллектуальными пос-

троениями, но оторванными от реальности и игнорирующие или искажающие не вписывающиеся в общую геополитическую модель факты. Кроме этого, многие геополитические представления и модели так или иначе отражали определенный дух своего времени, некоторые реалии своей эпохи и, следовательно, имели конкретную связь с реальными геополитическими практиками и служили для их оправдания или легитимации.

В этом плане, как пишет О.И. Ляховенко, О'Тоал рассматривает концепцию «Хартленд» Хелфорда Маккиндера как интеллектуальную реакцию аристократической британской военной и политической элиты на принципиально новые вызовы начала XX века, связанные с индустриализацией и модернизацией. [2, с. 29].

В конфликтологическом контексте это означает, что фактически объектом исследования для критической геополитики являются различные геополитические модели и концепции подобно теории хартленд-римленд. С точки зрения критического подхода и Маккиндер, и Спайкмен создали некоторый географический образ, определенную картину мира, изобразив на ней зоны возможных конфликтов. В соответствии с реалиями эпохи, в которой жили эти ученые, их идеи были восприняты политическими элитами их стран. Соответственно, «потенциальные зоны конфликтов» могут превратиться в реальные места столкновения интересов великих держав, если политические элиты будут воспринимать их как жизненно важные для национальных интересов своих стран.

Таким образом, критическая геополитика видит истоки геополитических конфликтов в первую очередь не в объективных географических различиях или в перманентной борьбе за стратегически важные территории, а в определенных идеях и представлениях политических элит или конкретных общностей (например, этнических общностей), которые способны актуализировать в глазах общественного мнения важность тех или иных территорий, которые зачастую имеют сильное символическое значение, или же сформировать представления об определенных угрозах безопасности. Последние также могут выступать одной из основ формирования определенной геополитической идентичности.

В рамках настоящей работы под геополитической идентичностью мы понимаем совокупность представлений о государс-

тве, его роли и месте в мире, которые формируются через его соотнесение с другими государствами и политическими сообществами (актуальными Другими) в логике оппозиции «Мы – Они», а также – через маркирование его границ, главным образом символических.

За счет угроз извне создаются определенные границы влияния государства, не всегда совпадающие с его политическими границами.

В данном контексте критическая геополитика пересекается с теорией секьюритизации в теории международных отношений, которая по-новому рассматривает проблемы безопасности и конфликтов в современном мире.

Теория была разработана в рамках Копенгагенской школы по исследованию проблем безопасности и международных отношений Б. Бузаном и О. Вейвером. Данная школа, используя различные идеи социологической теории, а также философии, обратилась к критике традиционного понимания безопасности, связанного с узкой объективностью позитивистского подхода к данной проблеме, представляющего собой государственно-центричный взгляд, в фокусе которого находится военный фактор.

В результате разработанная Б. Бузаном и О. Вейвером теория секьюритизации производит деконструкцию классического концепта безопасности, изучая, как некий объект начинает рассматриваться в качестве угрозы, то, как он политизируется в рамках определенного контекста, и, следовательно, секьюритизируется [8].

Другими словами, Бузан и Вейвер трактуют безопасность не как объективную категорию, а как дискурсивную практику, направленную на изменение иерархии политических приоритетов. Если проблема получает высокую степень политической актуализации, это значит, что ей присваивается статус экзистенциальной угрозы, требующей от общества чрезвычайных мер противодействия. Следовательно, основное внимание исследователей смещается от изучения угроз как таковых к анализу их актуализации в конкретном социально-политическом или историческом контексте.

Соответственно, основным объектом исследования в теории секьюритизации становятся конкретные исторические и политические условия, способствующие формированию образа врага, который нередко используется как инструмент консолидации различных социальных групп и общностей

против тех или иных государств и сообществ. В этом плане критическая геополитика исследует определенный дискурс, касающийся, например, принадлежности или особой важности какой-либо территории или затрагивающий различные варианты и формы стратегии в отношении каких-либо государств или общностей.

Таким образом, представители данного направления видят детерминанты конфликтов не в объективной борьбе континентальных и морских держав, а в конфликтотенных геополитических представлениях и идеях, формирующих «географический образ врага».

При этом для современной геополитики является важным вопрос о соотношении между геополитическими идеями, формальным геополитическим дискурсом и реальной геополитической практикой. Во многих геополитических конфликтах современности конструирование «образа врага» является одним из средств мобилизации населения.

Например, в современном российском геополитическом дискурсе актуализировалась тема Крымского полуострова. После присоединения данной территории к Российской Федерации в 2014 году наблюдается стремительная консолидация российского общества и рост доверия к политической элите страны. Одновременно как во внутрироссийском медийном пространстве, так и в мировых СМИ внутренний политический кризис в Украине стремительно приобретает черты регионального геополитического конфликта, основными участниками которого являются уже не Россия и Украина, а Россия, противостоящая «агрессивному Западу» во главе с США. При этом конфликт между Россией и США вместе с отдельными государствами Европейского Союза пока не носит характер активного геополитического противостояния, а носит, скорее, характер дискурса, в котором российская сторона, по меткому выражению канцлера ФРГ Ангелы Меркель, демонстрирует старое мышление относительно сфер влияния, т.е. территориальные категории, характерные, скорее, для классической геополитики. Как следствие, появляются различные геополитические проекты вроде «Новороссии», а Крым представляется «непотопляемым авианосцем», владение которым позволяет контролировать Черноморско-Азовский регион.

Россия же приобретает свою новую систему ценностей, свою идентичность, отличную от «западных ценностей», которая

имеет ярко выраженное геополитическое измерение.

В целом же с точки зрения критической геополитики данный конфликт обусловлен определенными геополитическими представлениями политической элиты страны, придающей важнейшее значение в российской геополитике территории Крыма и рассматривающей Украину как свою сферу влияния.

При этом данные представления, реализованные и реализуемые на практике, оказались активно восприняты значительной частью российского общества, что косвенно говорит о том, что подобные представления содержались и ранее в части российского социума.

Таким образом, критическая геополитика видит детерминанты геополитических конфликтов в определенных конфликтотенных геополитических представлениях, идеях, задающих направленность и характер геостратегии.

Критическая геополитика не предлагает нового понимания феномена геополитических конфликтов, но критикует классическую геополитику за поверхностный анализ международных отношений и географический детерминизм, при этом не умаляя значения географического фактора в целом.

1. Исаев, Б.А. Геополитика: Учебное пособие [Текст] / Б.А. Исаев. СПб.: Питер, 2006. 384 с.

2. Ляховенко, О.И. Концепция критической геополитики Дж. О'Тоала: на пути к осмыслению геополитики XXI века [Текст] / О.И. Ляховенко // Критическая геополитика. Сборник статей № 1. Ногинск: АНАЛИТИКА РОДИС 2014. С. 29.

3. Моро-Дефарж, Ф. Введение в геополитику. [Электронный ресурс] / Ф. Моро-Дефарж // Библиотека Михаила Грачева 14.02.2001. URL: <http://grachev62.narod.ru/dfrg/chapt00.htm> (дата обращения: 21.04.2015).

4. Мунтян, М.А. Жан Готтман и его геополитическая концепция [Электронный ресурс] / М.А. Мунтян // Виперсон: электронная библиотека. URL: <http://viperson.ru/articles/zhan-gottman-i-ego-geopoliticheskaya-kontseptsiya> (дата обращения: 21.04.2015).

5. Окунев, И.Ю. Критическая геополитика и постмодернистский сдвиг в исследовательской парадигме геополитики [Текст] / И.Ю. Окунев // Культурная и Гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 152–158.

6. О'Тоал, Д. Геополитические условия постмодерна [Электронный ресурс] / Д. О'Тоал // Геополитика: электронный портал. 18.07.2008. URL: <http://www.geopolitica.ru/article/geopoliticheskie-usloviya-postmoderna-gosudarstva-gosudarstvennoe-upravlenie-i-bezopasnost-v#.VTX00iHtlHx> (дата обращения: 22.04.2015).

7. Ширин, С.С. Внешнеполитические факторы формирования научных представлений об амери-

канской культуре в Великобритании и Германии. [Текст] / С.С. Ширин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 224 с.

8. Якушина, О. Теория секьюритизации в международных отношениях [Электронный ресурс] / О. Якушина // Геополитика: электронный портал. 18.07.2008. URL: <http://geopolitica.ru/Articles/1404/> (дата обращения: 22.04.2015).

9. Aghew, John A. *Geopolitics: re-visioning world politics*, second edition [Text] / John Aghew. 2nd ed. 2003.

10. Habermas Jurgen. *The Structural Transformation of the Public Sphere*. [Text] / Jurgen Habermas. Cambridge. 1989.

11. O'Tuathail G., Agnew J. *Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy* [Text] / Gerard O'Tuathail, John Agnew // *Political geography*. 1992. Vol. 11. No. 2. P. 190–204.

12. Simons Jon. *Ideology, imagology, and critical thought: the impoverishment of politics*. [Text] / Jon Simons // *Journal of Political Ideologies*. 2000. Vol. 5. Iss. 1. P. 81.

References

1. Isaev B.A. (2006) *Geopolitika*. SPb., Piter, 384 p. [in Rus].

2. Ljahovenko O.I. (2014) *Koncepcija kriticheskoj geopolitiki Dzh. O'Toala: na puti k osmysleniju geopolitiki XXI veke* // *Kriticheskaja geopolitika*. Sbornik statej, no. 1. Noginsk, ANALITIKA RODIS, p. 29 [in Rus].

3. Moro-Defarzh F. (2001) *Vvedenie v geopolitiku* // *Biblioteka Mihaila Gracheva*. 14.02.2001, available at: <http://grachev62.narod.ru/dfrg/chapt00.htm> (accessed 21.04.2015) [in Rus].

4. Muntjan M.A. (2014) *Zhan Gottman i ego geopoliticheskaja koncepcija* // *Viperson: jelektronnaja biblioteka*. 21.07.2014, available at: <http://viperson.ru/articles/zhan-gottman-i-ego-geopoliticheskaya-kontseptsiya> (accessed 21.04.2015) [in Rus].

5. Okunev I.Ju. (2012) *Kul'turnaja i Gumanitarnaja geografija*, t. 1, no. 2, pp. 152–158 [in Rus].

6. O'Toal D. (2008) *Geopoliticheskie uslovija postmoderna* // *Geopolitika: jelektronnyj portal*. 18.07.2008, available at: <http://www.geopolitica.ru/article/geopoliticheskie-usloviya-postmoderna-gosudarstva-gosudarstvennoe-upravlenie-i-bezopasnost-v#.VTX00iHtIHx> (accessed 22.04.2015) [in Rus].

7. Shirin S.S. (2008) *Vneshnepoliticheskie faktory formirovanija nauchnyh predstavlenij ob amerikanskoj kul'ture v Velikobritanii i Germanii*. SPb., Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 224 p. [in Rus].

8. Jakushina O. (2008) *Teorija sek'jurizacii v mezhdunarodnyh otnoshenijah* // *Geopolitika: jelektronnyj portal*. 18.07.2008, available at: <http://geopolitica.ru/Articles/1404/> (accessed 22.04.2015) [in Rus].

9. Aghew, John A. (2003) *Geopolitics: re-visioning world politics*, second edition. 2nd ed. [in Eng].

10. Habermas Jurgen (1989) *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge [in Eng].

11. O'Tuathail G., Agnew J. (1992) *Political geography*, vol. 11, no. 2, pp. 190–204 [in Eng].

12. Simons Jon (2000) *Journal of Political Ideologies*, vol. 5, iss. 1, p. 81 [in Eng].

UDC 327.5

CONFLICTOLOGICAL ANALYSIS OF CRITICAL GEOPOLITICS

Bagnyuk Vitaliy Evgenyevich,

Saint-Petersburg State University,
Institute of Philosophy, Department Chair
of Conflict management,
Saint-Petersburg, Russia.
Email: vit1945@rambler.ru

Annotation

The article gives the conflictological analysis of the main theoretical theses of critical geopolitics. The undertaken analysis helped to state that critical geopolitics considers the following factors to be the most defining and contributing to the rise of geopolitical conflicts – certain conflictogenic geopolitical perceptions and ideas shaping the course and the character of foreign policy. Geopolitical conflict itself being a phenomenon of global policy is considered as a result of constructing in public mind some geopolitical ideas about strategic importance of certain territories and regions or possible threats to national security.

Key concepts:

geopolitics,
critical geopolitics,
geopolitical conflicts,
geographical imagination,
geopolitical discourse.

УДК 330

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ ИНФРАСТРУКТУРНОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Бухтиярова Татьяна Ивановна,

Российская академия
народного хозяйства и
государственной службы при
Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
профессор кафедры экономики,
финансов и бухгалтерского учета,
доктор экономических наук, профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: viola_1_49@mail.ru

Дубынина Анна Валерьевна,

Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры экономики и финансов,
кандидат экономических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: ann-file@mail.ru

Аннотация

Успешность реализации экономического потенциала малого и среднего предпринимательства зависит в определенной степени от эффективности формирования и реализации системы управления инфраструктурой развития малого и среднего предпринимательства, предпринимательского консалтинга, подготовки управленческих кадров, региональной поддержки процессов развития малого бизнеса.

Ключевые понятия:

экономический потенциал региона, проблемы развития малого и среднего предпринимательства, инфраструктурное обеспечение малого и среднего предпринимательства, венчурные гарантийные фонды.

Развитие экономики в современной России, достижение экономического роста зависит во многом от уровня результативности деятельности численно преобладающей группы хозяйствующих субъектов на рынке – субъектов малого и среднего предпринимательства [3, с. 3].

Управление развитием малого и среднего предпринимательства предусматривает управленческое воздействие государства на процесс организационно-экономического структурирования рыночного пространства с помощью форм, методов и инструментов управления.

Согласно статистике, основные показатели деятельности малого и среднего предпринимательства в России в сравнении с развитыми странами остаются значительно ниже на протяжении ряда лет. Доля сегмента МСП во внутреннем валовом продукте РФ в среднем составляет около 20%; в то же время в странах ЕС аналогичный показатель находится в диапазоне от 50 до 70%, в США – более 50%. Основные показатели развития малого и среднего предпринимательства в России позволяют отметить выраженный рост количества малых и микропредприятий наряду с одновременным снижением количества средних. Увеличение оборота по всем группам предприятий можно считать положительной тенденцией, связанной с активизацией их деятельности в рамках системы государственного регулирования сферы малого и среднего предпринимательства.

Эффективность малого и среднего предпринимательства предполагает два основных аспекта:

- первый – специфика требований, предъявляемых к развитию малого и среднего предпринимательства, что позволит реально достичь более глубокого понимания сущности развития малого и среднего предпринимательства;

- второй – непосредственно тенденции развития малого и среднего предпринимательства в контексте предлагаемых и реально практикуемых мер поддержки данного сектора экономики.

Содержание и реализация концепции развития малого и среднего предпринимательства требуют взаимодействия институтов государства, бизнеса и общества посредством реализации программно-целевого метода на всех уровнях иерархии управления. Для формирования и реализации успешной политики в области развития малых и средних предприятий и повышения их конкурентоспособности институтами

государственной власти приняты и реализуются целевые программы по их развитию. Взаимоувязанный по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекс социально-экономических, организационно-хозяйственных, производственных, информационных и иных мероприятий обеспечивает достаточно эффективное решение задач развития малого и среднего предпринимательства [7, с. 178–189].

В перечне первоочередных задач для российского предпринимательства следует выделить построение институциональной и финансовой инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства за счет выделения значительных объемов средств из государственного бюджета на *создание среды*, максимально благоприятной для дальнейшего развития малого и среднего предпринимательства и повышения их вклада в конкурентоспособность национальной экономики в условиях глобализации [6, с. 22].

Важность решения данной задачи определена по результатам анализа основных причин, препятствующих успешному развитию малого и среднего предпринимательства:

- отсутствие эффективной системы организационных коммуникаций между органами государственной власти и местного самоуправления, наделенных полномочиями по реализации мер поддержки субъектов бизнеса;

- сохранение противоречия между целевыми ориентирами программ развития данного сегмента предпринимательского сообщества и достигнутыми результатами;

- отсутствие целостных представлений о системе действенных инструментов воздействия, учитывающих особенности размещения малых и средних предприятий, выбора вида экономической деятельности, определения информации о стадиях жизненного цикла организации [6, с. 15].

Определение алгоритма и последовательности оценки процедур влияния инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства на изменение потенциальных конкурентных преимуществ, в конечном итоге на основе выбора сценария развития малого предпринимательства, позволит принять обоснованные управленческие решения.

Интегрированной формой поддержки малого и среднего предпринимательства, способной нивелировать большинство проблем и минимизировать их в дальней-

шем, выступает комплексная поддержка (общественная, финансовая, имущественная [2, с. 61]).

Организационно-структурная схема построения инфраструктурного обеспечения может быть в общем виде рассмотрена на примере Челябинской области.

Для реализации общественной поддержки в области создан Координационный совет по развитию малого и среднего предпринимательства.

Координационный совет по развитию малого и среднего предпринимательства осуществляет свою деятельность на уровне структур правительства, территориальных подразделений федеральных органов власти (10 единиц), подразделений муниципальных образований (43 единицы). Финансовую и имущественную поддержку в Челябинской области реализуют 8 региональных банков, 35 филиалов инорегиональных банков, инновационный бизнес-инкубатор [2, с. 62].

Следует отметить, что, несмотря на наличие развернутой инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, в большинстве регионов отсутствует адаптированный организационно-экономический механизм интеграции региональной экономики и отдельных предприятий в единое экономическое пространство, не учтена специфика и сложившиеся структурные перекосы в экономике РФ и отдельных ее регионов.

В этих условиях важно перейти от фрагментарной инфраструктурной помощи государства малым и средним предприятиям к формированию целостной политики *создания благоприятной среды* для предпринимательства.

Разработка методологии формирования инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства является актуальной задачей и требует определения эффективных инструментов и методов обеспечения ее гибкости и способности приспосабливаться к изменениям внешней среды, созданию именно тех институтов, которые будут оказывать необходимые и достаточные услуги для нормального функционирования бизнеса и на федеральном, и региональном уровнях.

В этих условиях потребность исследования механизмов и инструментов государственного регулирования и поддержки малого и среднего предпринимательства на общероссийском и региональном уровнях приобретает особую актуальность, что скажется на улучшении предприниматель-

ского климата, активизации предпринимательской инициативности и окажет положительное влияние на конкурентоспособность страны, благоприятно отразится на показателях социально-экономического развития [3, с. 3].

Основными принципами государственно-управленческого воздействия в процессе развития малого и среднего предпринимательства выступают принципы: *комплексности* (разработка, реализация и корректировка стратегии управления региональными и отраслевыми приоритетами развития малого и среднего предпринимательства) и *системности* (достижение целей управления региональными и отраслевыми приоритетами развития малого и среднего предпринимательства).

Каждый регион, руководствуясь основными положениями развития малого и среднего предпринимательства, определенными свыше, разрабатывает собственные программы поддержки, определяет реальность достижения экономического (доходного) социально ориентированного или социально-экономического (комбинированного) результата.

Экономический потенциал региона может быть представлен в виде структуры элементов-потенциалов: инновационный; структурный; инвестиционный; финансовый; территориальный [1, с. 47–60].

Реализация каждого из них с участием малого и среднего предпринимательства позволяет в определенной мере решить общеэкономические проблемы региона. Для данного решения необходимо уточнить, а возможно, и оценить состояние каждого из структурных элементов. Так, для структурного потенциала Челябинской области характерно: недостаточный уровень инновационного развития малых и средних предприятий региона; наличие барьеров для входа малых и средних предприятий на рынок; слабое взаимодействие и координация отраслевых и региональных структур малых и средних предприятий региона; несовершенство нормативно-правовой базы государственного регулирования предпринимательской деятельности.

Неработанность инновационного потенциала определяется: слабым взаимодействием малых и средних образовательных учреждений и аналогичных структур региона; отсутствием собственных средств у субъектов инновационной деятельности на НИОКР; отсутствием системы подготов-

ки специалистов по коммерциализации и управлению результатами интеллектуальной деятельности.

Для инвестиционного потенциала Челябинской области в качестве недостатков авторы выделяют: слабый механизм инвестирования капитала в развитие малых и средних предприятий; отсутствие методики оценки чувствительности факторов инвестиционной активности малых и средних предприятий; низкий уровень информированности МСП о состоянии предпринимательского климата региона.

Общеэкономической проблемой развития малого и среднего предпринимательства является формирование системы финансового потенциала. Но для малого и среднего предпринимательства Челябинской области финансовое обеспечение недостаточно в силу следующих причин: отсутствия полноценной системы федерального финансирования мероприятий развития инфраструктуры малого и среднего предпринимательства; слабой бюджетной обеспеченности региона; низкой обеспеченности финансовыми ресурсами малого и среднего предпринимательства региона; высокой степени инвестиционного риска.

В порядке обобщения общеэкономических проблем развития малого и среднего предпринимательства следует отметить:

- недостаточную тенденцию инновационного развития МСП Челябинской области
- недостаточную сбалансированность развития структурного потенциала МСП Челябинской области
- недостаточный уровень территориальной сбалансированности развития МСП муниципальных и городских образований Челябинской области.

Поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства определяется Федеральным законом № 209-ФЗ от 24.07.2007 г. «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»¹ как деятельность органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и функционирование инфраструктуры поддержки, направленные на реализацию мероприятий, предусмотренных, соответственно, в федеральных, региональных или местных целе-

¹ Федеральный закон № 209-ФЗ от 24.07.2007 г. (ред. от 02.07.2013) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 30.07.2007. – № 31. – Ст. 4006.

вых программах развития малых и средних предприятий (п. 5 ст. 3).

Закон № 209-ФЗ устанавливает заявительный порядок обращения субъектов малого и среднего предпринимательства за оказанием поддержки (п. 1 ч. 1 ст. 14), а также предусматривает ведение реестров получателей поддержки органами, предоставляющими эту поддержку (ст. 8). Порядок ведения реестров определен Постановлением Правительства РФ от 6 мая 2008 г. № 358.

Анализ ч. 2 ст. 14 и других положений Закона № 209-ФЗ позволяет говорить о том, что именно при обращении хозяйствующих субъектов за государственной или муниципальной поддержкой им необходимо документально подтвердить свой статус субъекта малого и среднего предпринимательства в соответствии с критериями, которые закреплены в ст. 4 Закона.

Наряду с подтверждением статуса субъекта малого и среднего предпринимательс-

тва, для получения государственной или муниципальной поддержки необходимо также соответствовать условиям, предусмотренным федеральными, региональными, муниципальными программами развития малого и среднего предпринимательства.

Учитывая изложенные условия и дополнительные ограничения, установленные в ч. 3, 4 ст. 14 Закона № 209-ФЗ, можно сделать вывод о том, что далеко не все субъекты малого и среднего предпринимательства могут рассчитывать на поддержку органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также на финансовую поддержку названных органов.

Проведенный сравнительный анализ целей государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства на федеральном и региональном уровнях^{2, 3} предполагает определение основных направлений государственной политики Российской Федерации и регионов (таблица 1).

Таблица 1

Основные цели государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства (МСП)

Цель	Федеральный уровень	Региональный уровень
Развитие субъектов МСП в целях формирования конкурентной среды в экономике РФ	+	+
Обеспечение благоприятных условий для развития субъектов МСП	+	+
Обеспечение конкурентоспособности субъектов МСП	+	+
Оказание содействия субъектам МСП в продвижении производимых ими товаров (работ, услуг), результатов интеллектуальной деятельности на рынок РФ и рынки иностранных государств	+	+
Увеличение количества субъектов МСП	+	+
Обеспечение занятости населения и развитие самозанятости	+	+
Увеличение доли производимых субъектами МСП товаров (работ, услуг) в объеме ВВП	+	
Увеличение доли уплаченных субъектами МСП налогов в налоговых доходах федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов	+	-
Выравнивание условий для развития субъектов МСП в городских округах и муниципальных районах регионов	-	+

² Закон Челябинской области от 27.03.2008 № 250 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Челябинской области» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/819045223>

³ Федеральный закон № 209-ФЗ от 24.07.2007 г. (ред. от 02.07.2013) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Сборник законодательства РФ. – 30.07.2007. – № 31. – Ст. 4006.

Проведенная декомпозиция общих федеральных и региональных целей развития малого и среднего предпринимательства на основе данных таблицы 1 позволяет сделать вывод, что формулировки общих целей регионального уровня соответствуют общенациональным. Однако необходимо отметить, что формирование конкурентной среды в экономике регионов и роль субъектов малого и среднего предпринимательства должны основываться на особенностях внешних и внутренних факторов региона.

Следует отметить, что статьи 9 и 10 Федерального закона № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 г.⁴ не уточняют, какие именно государственные органы занимаются реализацией каждого полномочия. Частично этот пробел устраняет статья 3 Закона Челябинской области от 27.03.2008 № 250 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Челябинской области»⁵, закрепляющая полномочия органов государственной власти Челябинской области по вопросам развития малого и среднего предпринимательства за конкретными государственными структурами (таблица 2).

Данный перечень полномочий является открытым, что дает возможность региональным органам государственной власти расширить полномочия в области развития малого и среднего предпринимательства.

Закрепление самостоятельных полномочий за органами местного самоуправления оправданно, поскольку именно местная власть выражает интересы хозяйствующих субъектов на подведомственной им территории и располагает большей информацией о проблемах и задачах развития малого и среднего предпринимательства. Для регионов (по результатам исследования) определена проблема не только закрепления полномочий, а в большей мере их реализация (финансовое обеспечение бюджетов муниципальных образований в части развития предпринимательства).

В соответствии со статьями 10 и 11 Федерального закона № 209-ФЗ «О развитии

малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» вопросы развития малого и среднего предпринимательства, закрепленные за органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления, решаются на региональном и муниципальном уровнях в процессе реализации областных и муниципальных целевых программ.

Оценивая содержание муниципальной программы по содействию развитию малого и среднего предпринимательства в г. Челябинске, следует отметить, что введение целевых показателей развития малого и среднего предпринимательства именно в отраслевом разрезе позволит усилить адресность и ответственность выполнения целевых показателей, обеспечить сбалансированность социально-экономического развития⁶.

Средства, направляемые на реализацию мероприятий софинансирования муниципальных программ, закладываются в региональную программу развития субъектов сектора малого и среднего бизнеса и закрепляются в законе о бюджете на плановый период [5, с. 23].

Софинансирование муниципальных программ, направленных на развитие малого и среднего бизнеса за счет средств региональных бюджетов, может быть реализовано при помощи методики оценки объема бюджетных средств, необходимых и достаточных для целей государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства и организаций, входящих в состав инфраструктуры их поддержки [5, с. 23].

Эти средства направляются на создание и развитие инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства (в том числе имущественной и финансовой). Законом № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»⁷ закрепляется заявительный порядок обращения за поддержкой, но получить поддержку возможно лишь предприни-

⁴ Федеральный закон № 209-ФЗ от 24.07.2007 г. (ред. от 02.07.2013) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 30.07.2007. – № 31. – Ст. 4006.

⁵ Закон Челябинской области от 27.03.2008 № 250 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Челябинской области» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/819045223>.

⁶ Муниципальная Программа «Содействие развитию малого и среднего предпринимательства в городе Челябинске в 2013 – 2016 годах» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://cheladmin.ru/resolution/rasporuyazhenie-administracii-g-chelyabinska-no-7961-ot-19122013>.

⁷ Федеральный закон № 209-ФЗ от 24.07.2007 г. (ред. от 02.07.2013) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 30.07.2007. – № 31. – Ст. 4006.

Таблица 2

**Основные полномочия органов государственной власти
Челябинской области по вопросам развития малого и среднего
предпринимательства (МСП)**

Наименование полномочия	ЗС*	Пр*	Уп*
Принятие законов и иных нормативно-правовых актов по вопросам развития МСП	+	+	
Разработка и реализация областных целевых и межмуниципальных программ развития МСП	+	+	+
Содействие деятельности некоммерческих организаций, выражающих интересы субъектов МСП, и структурных подразделений указанных организаций		+	+
Финансирование НИОКР по проблемам развития МСП		+	
Содействие развитию межрегионального сотрудничества субъектов МСП		+	+
Поддержка муниципальных программ развития МСП		+	+
Сотрудничество с международными организациями и административно-территориальными образованиями иностранных государств по вопросам развития МСП		+	
Анализ финансовых, экономических, социальных и иных показателей развития МСП и эффективности применения мер по его развитию, прогнозирование развития МСП в Челябинской области	+		+
Формирование инфраструктуры поддержки субъектов МСП и обеспечение ее деятельности	+	+	+
Методическое обеспечение органов местного самоуправления и содействие им в разработке и реализации мер по развитию МСП на территориях муниципальных образований Челябинской области			+
Создание координационных органов в области развития МСП и взаимодействие с ними	+	+	
Ведение реестра субъектов МСП в Челябинской области - получателей поддержки за счет средств областного бюджета			+
Осуществление иных полномочий в соответствии с законодательством РФ и Челябинской области		+	+

* Примечание: ЗС – Законодательное Собрание Челябинской области, Пр – Правительство Челябинской области, Уп – Уполномоченный по вопросам развития малого и среднего предпринимательства.

мателям, соответствующим критериям, устанавливаемым в отношении субъекта малого бизнеса в рамках той или иной программы поддержки.

Исходя из этого, эффективность и результативность реализации программ региональных и муниципальных уровней определяется в первую очередь тем, насколько адекватно федеральные органы власти изменяют в рамках своих полномочий ин-

ституциональную среду, определяя ее более благоприятной для осуществления хозяйственной деятельности малого и среднего предпринимательства в тех направлениях, к которым оно наиболее чувствительно.

1. Дубынина, А.В. Структурный потенциал малого и среднего предпринимательства: тенден-

ции и векторы развития [Текст] / А.В. Дубынина, Д.Г. Демьянов // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 4 (379). С. 47–60.

2. Конфигурация проблем управления развитием малого и среднего предпринимательства: монография [Текст] / Челябинский филиал Финансового университета. Челябинск, 2015. 215 с.

3. Малачева, В.В. Совершенствование механизма инфраструктурной поддержки малого и среднего предпринимательства [Текст] / В.В. Малачева: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Санкт-Петербург, 2015. 23 с.

4. Палагина, А.Н. Методология формирования адаптивной инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства: институциональные аспекты, механизмы и инструменты [Текст] / А.Н. Палагина: автореф. дис. ... докт. экон. наук. Ростов-на-Дону, 2015. 51 с.

5. Скачкова, А.Ю. Организационно-экономический механизм развития овощеводческих тепличных организаций в условиях членства России в ВТО [Текст] / А.Ю. Скачкова: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2013. 24 с.

6. Якушев, А.А. Системный анализ в теории и практике управления малого и среднего бизнеса [Текст] / А.А. Якушев / Организационно-экономические аспекты управления инновационным потенциалом региона: сборник статей и тезисов докладов XVII Международной научно-практической конференции (12 апреля 2013 г.) / Челябинский филиал Финансового университета при Правительстве РФ. Челябинск, 2013. 316 с.

References

1. Dubynina A.V., Demyanov D. G. (2015) *Regional economy: theory and practice*, no. 4 (379), pp. 47–60 [in Rus].

2. Configuration of problems of management of development of small and average business: monograph (2015) / Chelyabinsk branch of Financial university. Chelyabinsk, 215 p. [in Rus].

3. Malacheva V.V. (2015) Improvement of the mechanism of infrastructure support of small and average business. Sankt-Peterburg, 23 p. [in Rus].

4. Palagina A.N. (2015) Metodologiya of formation of adaptive infrastructure of support of small and average business. Rostov-on-Don, 51 p. [in Rus].

5. Skachkova A.Yu. (2013) The organizational and economic mechanism of development of the vegetable-growing hothouse organizations in the conditions of membership of Russia in the WTO. Saratov, 24 p. [in Rus].

6. Yakushev A.A. (2013) The system analysis in the theory and practice of management of small and medium business / Organizational and economic aspects of management of the innovative capacity of the region: collection of articles and theses of reports of the XVII international scientific and practical conference (on April 12, 2013) / Chelyabinsk branch of Financial University under the Government of the Russian Federation. Chelyabinsk, 316 p. [in Rus].

UDC 330

FORMING A MODEL OF INFRASTRUCTURAL SUPPORT OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS

Bukhtiyarova Tatyana Ivanovna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk Branch, Professor of the Department Chair of Economics, Finance and Accounting, Doctor of Economics, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: viola_1_49@mail.ru

Dubynina Anna Valeryevna,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Chelyabinsk branch, Associate Professor of the Department Chair of Economics and Finance, Cand. Sc. (Economics), Chelyabinsk, Russia.
E-mail: ann-file@mail.ru

Annotation

The success of realizing economic potential of small and medium business depends to some extent on effectiveness of forming and realizing a system of managing infrastructure of developing small and medium business, business consulting, management training, regional supporting processes of developing small business.

Key concepts:

economic potential of a region, problems of developing small and medium business, infrastructural supporting small and medium business, venture guarantee funds.

УДК 330

ИНФРАСТРУКТУРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Блинов Андрей Олегович,

Филиал Российского государственного
гуманитарного университета
в г. Домодедово,
профессор кафедры экономики
и управления,
доктор экономических наук,
профессор, академик РАЕН,
г. Домодедово, Россия.
E-mail: aoblinov@mail.ru

Аннотация

Разработка системы управления
инфраструктурой поддержки
механизма развития институциональной
среды позволит усилить тенденции
развития общероссийского
и регионального малого
предпринимательства.

Ключевые понятия:

развитие малого предпринимательства,
государственное управленческое
воздействие,
инфраструктурное обеспечение.

Малое предпринимательство – это особый экономический институт современного общества. На долю малого предпринимательства в большинстве стран приходится от одной до двух третей от общего числа хозяйствующих субъектов. Для российского малого предпринимательства характерны две группы причин, сдерживающих его развитие: первая – причина общеэкономического характера; вторая – причины преимущественно в части информационного обеспечения развития бизнеса [3, с. 77].

Для решения проблем в области информационного обеспечения субъектов малого предпринимательства целесообразно создание информационных баз данных федерального и регионального уровня о развитии малых предприятий, содержании нормативно-правовой документации, о состоянии рынка и конкуренции, о коммерческих, консультационных и юридических услугах [2, с. 22].

Современная федеральная политика поддержки малого предпринимательства предусматривает расширение числа инфраструктурных организаций и количества услуг, предоставляемых хозяйствующим единицам. Основу федеральной политики составляет перенос основных обязанностей и полномочий в вопросах поддержки малого предпринимательства с общегосударственного на региональный и местный уровни, что позволяет в определенной мере активизировать процессы поддержки [5, с. 27].

В России функционирует более пяти-сот государственных и муниципальных фондов поддержки с достаточной суммой совокупных активов, различные агентства поддержки малого и среднего предпринимательства, бизнес-инкубаторы, технологические парки, лизинговые компании, инновационно-технологические центры. Региональная система поддержки включает услуги правовые и услуги бизнес-консультирования, деловой информации, ведения бухгалтерского учета, аудита, обучения, организации маркетинговой поддержки, интернет-центры обслуживания малого бизнеса, центры имущественной поддержки бизнеса, фонды и агентства гарантирования кредитования.

Обновленный и самостоятельный подход к формированию государствен-

ного управленческого воздействия состоит в предоставлении регионам права финансирования на конкурсной основе мероприятий развития территориального развития организаций инфраструктуры поддержки малого предпринимательства. На принципах софинансирования из региональных бюджетов осуществляется создание и развитие бизнес-инкубаторов, поддержка субъектов, производящих экспортные товары, развитие системы кредитования и лизинговых отношений в системе инфраструктуры поддержки мероприятий научно-технической направленности.

Значительные различия социально-экономического развития регионов России и их бюджетные возможности устанавливают для большей части субъектов РФ соотношение софинансирования в пропорции 50/50, а для высокочотационных регионов предусмотрено финансирование 70% расходов из федерального бюджета, и 30% принимает на себя региональный бюджет. Увеличение федерального финансирования развития инфраструктуры поддержки малого бизнеса в регионах обеспечивает активизацию факторов целостного развития российского малого бизнеса.

Институциональная среда российского малого бизнеса кардинально отлична от высокоразвитых стран, являясь во многих случаях иррациональной, что подтверждают результаты ее анализа и результаты оценки эффективности бюджетных средств на создание и расширение инновационных и венчурных центров.

Практика расширения научно-технической сферы российского бизнеса при одновременном ежегодном увеличении числа инновационно-технологических центров, инкубаторов инновационных технологий, ярмарок инноваций и других инновационных организаций требует консолидации сил малого и крупного предпринимательства для повышения эффективности организации и управления институциональной средой в целом.

В последние годы российское научно-техническое инновационное малое предпринимательство расширяет масштабы, а венчурные фонды, занимающиеся финансированием деятельности, постепенно увеличивают долю собственного капитала,

снижая воздействие и участие иностранных инвесторов. Но требуется повышение КПД инновационных центров и структур малых предприятий, которые выполняют важную функцию – социальную поддержку высококвалифицированных специалистов – потенциальных научно-технических новаторов, что позволит значительно улучшить инновационные возможности каждого субъекта.

Наращивание числа структурных единиц инновационной поддержки, стимулирование спроса на научно-технические инновации в экономике определяют важность координации и согласования институциональных мер стимулирования спроса на инновации с процессами системного развития поддержки малого инновационного предпринимательства.

Мониторинг результатов выполнения мероприятий Программы поддержки развития малого бизнеса, несомненно, необходим и должен быть организационно и финансово обеспечен специальными, не зависящими от государства экспертными структурами.

Региональная дифференциация объектов инфраструктуры российского малого бизнеса явно выражена: есть регионы, где подобные объекты отсутствуют (либо имеют чисто формальную форму), и есть другие регионы – с характерной определенной «перенасыщенностью» данными объектами и дублированием закреплённых функций [4, с. 33].

Практика свидетельствует, что российские организации инфраструктуры поддержки малого бизнеса ради самовывживания сочетают поддержку малого бизнеса с разнообразной коммерческой деятельностью (дополнительными платными услугами субъектам малого предпринимательства). На наш взгляд, данное положение методологически неверно, поскольку льготность услуг или предоставление малым предприятиям заведомо нерентабельных услуг определяет подобные организации действительно единицами инфраструктуры поддержки. В противном случае деятельность данных организаций относится к обычной коммерческой деятельности, обслуживающей сферу малого бизнеса. Кроме того, по мере количественного накопления данных организаций возникает вопрос об их дальнейшей деятельности в

приложении к реальным условиям рынка услуг для малого бизнеса, для разработки на законодательном уровне разграничений обслуживания и поддержки малого бизнеса [1, с. 200].

В этих условиях необходимы меры антикоррупционного воздействия и меры организационно-управленческого характера, определяющие нормативно-правовую сферу деятельности субъектов рынка обслуживания малого бизнеса, системы его поддержки [2, с. 21].

В федеральном законе определено, что федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления должны оказывать поддержку в организации и обеспечении деятельности союзов (ассоциаций) субъектов малого предпринимательства, создаваемых в установленном порядке как общественные объединения.

Методологическим основанием понятия «общественная организация» должна быть интеграция идей, принципов, методов и методик деятельностного, структурно-функционального, социокультурного, системного, институционального и иных подходов. Это определяется тем, что целью общественных организаций российского малого бизнеса является стабилизация сферы общественных отношений, удовлетворение потребностей в новых видах деятельности и соблюдение интересов всех участников процесса развития общества [4, с. 30].

Объединения предпринимателей рассматриваются в качестве институционального элемента формирования и реализации благоприятной среды для развития данного сектора экономики. Согласование интересов выступает в качестве особого способа разрешения конфликтов, негативных последствий и основы процесса гармонизации взаимодействия сторон. На данном этапе отмечается повышение уровня требований к профессионализации деятельности общественных организаций, к качеству форм и методов их деятельности в формировании и реализации государственной, муниципальной экономической политики.

Наряду с вышеназванными факторами, сдерживающими развитие малого предпринимательства, следует выделить

слабое кадровое обеспечение в сфере предпринимательской деятельности, что может быть нейтрализовано на основе масштабной подготовки и переподготовки управленческих кадров малого предпринимательства образовательными учреждениями, созданием условий, стимулирующих предпринимателей вкладывать средства в самообразование и подготовку персонала малых предприятий (отнесение в себестоимость затрат на образовательные услуги). Важной задачей является организация подготовки и переподготовки государственных служащих, работающих в системе поддержки малого предпринимательства.

Основную роль в формировании финансовой инфраструктуры для малого бизнеса играют современные финансовые институты – банки, лизинговые и страховые компании, осуществляя кредитование и инвестирование в малый бизнес, нейтрализуя основные риски и оказывая сопровождающие финансовые и информационные услуги малым предприятиям [1, с. 210].

Необходимость определения направлений модернизации экономики актуализирует поиск мероприятий и механизмов наиболее эффективной деятельности субъектов экономических отношений в условиях глобализации.

Разработка механизма развития малого и среднего предпринимательства требует адаптации инструментария разработки и реализации системы управления инфраструктурным обеспечением.

Ресурсы развития малого бизнеса предусматривают изменения во взаимоотношениях малого бизнеса с органами государственной власти, крупным бизнесом, что должно быть учтено при разработке позитивной политики развития российской институциональной системы малого бизнеса.

1. Антикризисное управление: теория и практика [Текст]: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальностям экономики и управления / В.Я. Захаров, А.О. Блинов, Д.В. Хавин. Москва, 2006. 287 с.

2. Блинов, А.О. Управление региональными рынками [Текст] / А.О. Блинов, В.Я. Захаров //

Менеджмент в России и за рубежом. 2003. № 1. С. 19–26.

3. Блинов, А. Условия регулирования малого бизнеса [Текст] / А.О. Блинов // Экономист. 1999. № 2. С. 75–78.

4. Палагина, А.Н. Методология формирования адаптивной инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства: институциональные аспекты, механизмы и инструменты [Текст] / А.Н. Палагина: автореф. на соискание ученой степени докт. экон. наук. Ростов-на-Дону, 2015. 50 с.

5. Хоменко, Е.Б. Управление развитием инфраструктуры предпринимательства в условиях перехода к информационной экономике [Текст] / Е.Б. Хоменко: автореф. на соискание ученой степени докт. экон. наук. Санкт-Петербург, 2015. 41 с.

References

1. Antikrizisnoe upravlenie: teorija i praktika (2006) / V.Ja. Zaharov, A.O. Blinov, D.V. Havin. Moscow, 287 p. [in Rus].

2. Blinov A.O., Zaharov V.Ja. (2003) *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*, no. 1, pp. 19-26 [in Rus].

3. Blinov A. (1999) *Jekonomist*, no. 2, pp. 75–78 [in Rus].

4. Palagina A.N. (2015) Metodologija formirovanija adaptivnoj infrastruktury podderzhki malogo i srednego predprinimatel'stva: institucional'nye aspekty, mehanizmy i instrumenty. Rostov-na-Donu, 50 p. [in Rus].

5. Homenko E.B. (2015) Upravlenie razvitiem infrastruktury predprinimatel'stva v uslovijah perehoda k informacionnoj jekonomike. Sankt-Peterburg, 41 p. [in Rus].

UDC 330

INFRASTRUCTURAL SUPPORTING FOR DEVELOPING RUSSIAN SMALL BUSINESS IN THE CONTEXT OF SANCTIONS

Blinov Andrey Olegovich,

Branch of the Russian State University for the Humanities in Domodedovo, Professor of the Department Chair of Economics and Management, Doctor of Economics, Professor, Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Domodedovo, Russia.
E-mail: aoblinov@mail.ru

Annotation

Working out the system of managing infrastructural supporting, mechanism of developing institutional environment will allow to strengthen the tendencies of developing national and regional small business.

Key concepts:

developing small business, state managerial impact, infrastructural supporting.

УДК 332.14

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Нестеренко Ирина Юрьевна,

Уральский социально-экономический
институт (филиал)

Академии труда и социальных
отношений,

заместитель директора,

кандидат экономических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.

E-mail: nesterenko-chel@mail.ru

Аннотация

В статье приведен сравнительный анализ государственных программ развития малого и среднего предпринимательства регионов Уральского федерального округа (Челябинской, Свердловской, Тюменской и Курганской областей). Дана характеристика направлений и инструментов реализации региональной политики, объемов финансирования поддержки предпринимательства, промежуточных и конечных результатов реализации региональных программ. Сделаны выводы о необходимости оценки эффективности реализации государственных программ поддержки предпринимательства с целью совершенствования деятельности органов власти по формированию благоприятного предпринимательского климата.

Ключевые понятия:

государственные программы, малое и среднее предпринимательство, меры государственной поддержки, Уральский федеральный округ, региональная политика.

Главными инструментами реализации государственной политики в настоящее время являются федеральные, региональные и муниципальные программы. Программно-целевой подход позволяет ориентировать политику органов государственной власти и органов местного самоуправления на формулирование и реализацию мероприятий деятельности во взаимосвязи с поставленными целями и намеченными конечными результатами государственной и муниципальной политики в определенных сферах. Это позволяет целенаправленно и эффективно использовать бюджетные средства [1, 2, 4].

Программы в отношении регулирования деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства разрабатываются в России уже более 15 лет. В программах формулируются ключевые задачи в данной области на определенный период, приводятся оценки ожидаемых результатов в виде количественных и качественных параметров, перечисляются мероприятия, которые необходимо реализовать для достижения поставленных целей, оцениваются объемы финансовых ресурсов на выполнение программных мероприятий, распределяются области ответственности исполнителей программы [3].

На федеральном уровне программный документ по развитию малого и среднего предпринимательства в настоящее время представлен подпрограммой «Развитие малого и среднего предпринимательства» в составе государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» на 2013–2020 годы. Общие направления и инструменты реализации государственной политики в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства определены в программных и нормативных документах федерального уровня, в том числе и в отношении мер региональных и муниципальных органов власти. В частности, в вышеназванной программе перечислены меры государственной политики, которые должны быть реализованы органами государственной власти регионов как условие получения субсидий из федерального бюджета на софинансирование региональных программ. Но каждая территория имеет особенности экономического и социального развития, имеют место различия по финансовым воз-

возможностям обеспечения мер воздействия. В силу этого при общности стратегической направленности в сфере реализации региональной политики имеют место существенные различия по инструментам ее реализации и условиям предоставления форм поддержки. С целью выявления особенностей региональных политик в отношении МСП был проведен сравнительный анализ программ поддержки малого и среднего предпринимательства регионов Уральского федерального округа (Челябинской, Свердловской, Тюменской, Курганской областей), действующих в 2014 году¹.

Задачи и целевые показатели реализации программ поддержки МСП

Цели, которые ставят разработчики программ, в основном предполагают формирование благоприятных условий для развития малых и средних предприятий. Задачи программ, конкретизирующие направления реализации цели, в основном включают следующие:

- формирование нормативной правовой базы в сфере МСП;
- развитие инфраструктуры поддержки МСП;
- предоставление финансово-кредитной поддержки МСП;
- создание условий для развития инновационного предпринимательства;
- содействие в продвижении товаров (работ, услуг), производимых субъектами МСП, на рынок РФ и рынки иностранных государств.

Во всех программах отмечается, что предоставление мер государственной поддержки распространяется на субъекты МСП, реализующие приоритетные виды

деятельности. В состав приоритетных видов экономической деятельности включаются, как правило, обрабатывающие производства (кроме производства подакцизных товаров), строительство зданий и сооружений, сельское хозяйство, здравоохранение, образование и предоставление социальных услуг, жилищно-коммунальные услуги, предоставляемые населению, услуги по организации внутреннего туризма, физической культуры и спорта, бытовые услуги.

Эффективность деятельности органов власти по реализации поставленных задач должна оцениваться по степени достижения определенных в программах ожидаемых результатов. Результаты реализации программ могут включать:

- количественные и качественные параметры функционирования МСП (количество МСП всего, в том числе вновь зарегистрированных за период действия программы; доля среднесписочной численности работников МСП в среднесписочной численности работников всех предприятий и организаций; отраслевая структура МСП);
- социальный эффект от деятельности малого и среднего бизнеса (количество вновь созданных рабочих мест в сфере МСП; средняя заработная плата работников МСП);
- экономический эффект от деятельности малого и среднего бизнеса оценивается с точки зрения вклада в валовой региональный продукт и увеличения уплаченных субъектами малого и среднего предпринимательства налогов в бюджеты любых уровней (увеличение доли малых и средних предприятий в общем обороте организаций; увеличение доли продукции, произведенной субъектами МСП, в общем объеме ВРП; темпы роста налоговых до-

¹ Государственная программа Челябинской области «Развитие малого и среднего предпринимательства в Челябинской области на 2014 год». Утверждена постановлением правительства Челябинской области от 22.10.2013 г. № 332-П (в редакции от 03.07.2014 г. № 309-П) [Электронный ресурс] URL:<http://chelbiznes.ru/programsupport/r&article=1305> &print=1 (дата обращения 10.10.2014 г.); Государственная программа Тюменской области «Основные направления развития малого и среднего предпринимательства» на 2014–2016 годы. Утверждена распоряжением Правительства Тюменской области от 01.10.2013 г. №1890-рп [Электронный ресурс] URL:http://smb.gov.ru/measuresupport/programs/srf/?program_id=71,1181702(дата обращения 10.10.2014 г.); Государственная программа «О развитии и поддержке малого и среднего предпринимательства в Курганской области» на 2014–2020 гг. Постановление правительства Курганской области от 14.10.2013 г. № 505 URL:http://smb.gov.ru/measuresupport/programs/srf/?program_id=37,1185622(дата обращения 10.10.2014 г.); Областная целевая программа Свердловской области «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в Свердловской области на 2011–2015 гг». Утверждена постановлением правительства Свердловской области от 11.10.2010 г. № 1483-ПП (в редакции от 04.10.2013 г.) [Электронный ресурс] URL:<http://smb.gov66.ru/registry/program/srf/65,179212/> (дата обращения 10.10.2014 г.).

ходов по упрощенной системе налогообложения);

– экономическая эффективность программ поддержки предпринимательства (увеличение выпуска товаров (выполнения работ, оказания услуг) субъектами МСП-получателями поддержки на один рубль вложенных бюджетных средств).

Но в программах разных областей приведены разные показатели. Общими являются лишь показатели оценки ожидаемых результатов от реализации программ поддержки МСП областей УрФО по доле среднесписочной численности работников СМСП в среднесписочной численности работников всех предприятий и организаций и увеличению количества субъектов МСП (за исключением Тюменской области). Но и эти показатели позволяют сравнить уровень развития МСП по областям. В Челябинской области госпрограммой ставится задача довести долю среднесписочной численности работников СМСП в среднесписочной численности работников всех предприятий и организаций до 24,3% к концу 2014 года, в Курганской области – до 25,0%, в Свердловской области – до 33% (к 2015 году). Количество субъектов МСП в Челябинской области к концу 2014 года намечено довести до 36,4 тысячи единиц (ежегодный прирост примерно на 350 единиц). В Курганской области число вновь зарегистрированных МСП запланировано на уровне 400 единиц за 2014 год. В Свердловской области к 2016 году число субъектов МСП должно составить 200 тыс. единиц (это предполагает, что ежегодно в области должно регистрироваться не менее 2500 новых субъектов МСП).

Увеличение доли оборота малых и средних предприятий в общем обороте организаций в Челябинской области планируется довести до 23,2% в 2014 году, в Свердловской области – до 34% (в 2015 году).

Доля продукции, произведенной субъектами МСП, в общем объеме ВРП в Курганской области должна составить в 2014 году – 24,3%, в 2015 году – 26,6%. Этот показатель в Свердловской области в 2015 году – 15,8%.

Сравнение показателей ожидаемых результатов реализации программ поддержки МСП требует, конечно, оценки их напряженности – сравнения фактического

уровня показателей развития МСП с намеченными по программам. Но и проанализированные данные позволяют сделать вывод, что характеристики развития МСП Свердловской области существенно выше, чем в других регионах УрФО.

Объемы и источники финансирования региональных программ поддержки МСП

Финансирование региональных программ поддержки МСП осуществляется в основном за счет бюджетных средств разного уровня, но предусматривается и привлечение внебюджетных источников финансирования. В качестве внебюджетных источников финансирования предполагается использование средств некоммерческих организаций, осуществляющих услуги субъектам МСП. В Тюменской области создан Фонд «Инвестиционное агентство Тюменской области», который рассматривает возможность привлечения внебюджетных средств для предоставления целевых займов субъектам МСП, реализующим инвестиционные проекты в приоритетных для региона направлениях, в производственном секторе, сфере придорожного сервиса. Аналогичные фонды созданы во всех субъектах УрФО: «Фонд содействия кредитованию малого предпринимательства Челябинской области», Свердловский областной фонд поддержки предпринимательства, некоммерческая организация «Гарантийный фонд малого предпринимательства Курганской области», некоммерческая организация «Фонд микрофинансирования Курганской области» (табл. 1).

Объемы и структура финансирования региональных программ поддержки МСП приведены в табл. 1. В программах представленных регионов по-разному отражены источники финансирования программ. В Челябинской области рассматриваются в качестве источников финансирования только федеральный и областной бюджеты. Но определенная доля софинансирования расходов областной программы предполагается и из местных бюджетов. В частности, без выделения средств из местных бюджетов на финансирование муниципальных программ поддержки МСП муниципалитеты не могут получить субсидии из областно-

Таблица 1

Объемы и структура финансирования программ поддержки малого и среднего предпринимательства регионов Уральского федерального округа

Период, годы	Всего, млн руб.	В том числе по источникам			
		федеральный бюджет	областной бюджет	местные бюджеты	внебюджетные источники
Челябинская область					
2014 год	210,5	161,3	49,2	н.д.	н.д.
Свердловская область					
2011–2015	5831,7	2093,5	1680,9	117,2	1940,1
в т.ч. 2014	1025,9	240,0	353,9	32,0	400,0
Тюменская область					
2012–2016	1579,0	нет данных			
в т.ч. 2014	308,6				
Курганская область					
2014–2020	1410,7	1112,7	285,9	8,1	4,0
в т.ч. 2014	190,4	148,7	37,1	0,6	4,0

го бюджета на реализацию этих программ. Также в области функционируют некоммерческие организации, предоставляющие услуги СМСП на платной основе (ГБУ Челябинской области «Инновационный бизнес-инкубатор», бизнес-инкубаторы в городских округах области, некоммерческая организация «Фонд содействия кредитованию малого предпринимательства Челябинской области» (Гарантийный фонд), Евро Инфо Корреспондентский Центр, Региональный Центр субконтрактации), которым выделяются субсидии на реализацию мероприятий программы. Но они формируют свои доходы и за счет предоставления платных услуг. Поэтому, вероятно, в программе Челябинской области отражены не все источники ее финансирования, которые выделены в структуре финансирования Свердловской и Курганской областей. Хотя, возможно, доля местных бюджетов и внебюджетных источников финансирования программы в Челябинской области очень мала. По представленным данным 2014 года доля финансирования программы за счет областного бюджета составляет 23,4% от общих расходов на ее реализацию, федерального бюджета – 76,6%.

В Свердловской области, по сравнению с другими субъектами УрФО, достаточно высокую долю составляют внебюджетные источники финансирования программы – 33,4% в целом за весь период ее функцио-

нирования (2011–2015гг). 35,9% составляет финансирование из федерального бюджета и 29,0% – областного. Если исключить из общего объема финансирования внебюджетные источники, то структура финансирования следующая: 53,8% – за счет субвенций из федерального бюджета, 43,2% – из областного бюджета, 3,0% – за счет местных бюджетов.

В программе Тюменской области представлены только общие суммы финансирования (без выделения источников финансирования).

В Курганской области, хотя в структуре источников и представлены местные бюджеты и внебюджетные источники финансирования, но их доля в общем объеме меньше 1% и фактически не влияет на общие результаты. 79% финансирования областной программы обеспечивается за счет субвенций из федерального бюджета, 20,3% – за счет собственных доходов бюджета Курганской области.

В целом наблюдается высокая зависимость финансирования программ поддержки МСП от субвенций из федерального бюджета.

Значимость программ поддержки МСП в экономике региона и в деятельности региональных органов власти в определенной степени можно оценивать по доле расходов на финансирование программ в валовом региональном продукте и в об-

щих расходах областных бюджетов (см. табл. 2). Эти показатели не свидетельствуют о приоритетности данного направления деятельности органов власти. Доли расходов на программы поддержки МСП составляют тысячные доли процента от ВРП, и только в Курганской области – 0,12%. Доли расходов на эти программы в общих расходах областных бюджетов находятся в пределах от 0,18% (Челябинская область) до 0,56% (Курганская область) (табл. 2).

Направления программных мероприятий поддержки МСП

В областных программах рассматриваемых регионов программные мероприятия сгруппированы по разным направлениям. Но при определенной специфике каждого региона можно выделить общие основные направления деятельности органов государственной власти по поддержке субъектов МСП:

- устранение административных барьеров в сфере развития предпринимательства;
- расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам;
- обеспечение имущественной поддержки СМСП;
- развитие объектов инфраструктуры поддержки МСП;
- обеспечение консультационной, организационно-методической и информационной поддержки субъектов МСП;

- повышение квалификации индивидуальных предпринимателей, руководителей и специалистов субъектов МСП;

- содействие развитию МСП на муниципальном уровне.

Наиболее востребованной формой поддержки предпринимательства является финансовая поддержка. Это направление мероприятий программ поддержки МСП занимает, как правило, наибольшую долю финансирования программ (по данным 2014 года): В Челябинской области – 40,8%, Свердловской области – 27,1%, Тюменской области – 91,3%, Курганской области – 53,3%. Финансовая поддержка включает предоставление субсидий на частичное возмещение затрат, кредитование и поручительство по кредитам, гранты начинающим предпринимателям.

В последние годы активно развивается создание объектов инфраструктуры поддержки МСП (бизнес-инкубаторов, областных и муниципальных фондов поддержки СМСП, информационно-консультационных центров). Финансирование данного направления программ составляет: в Челябинской области – 6,4%, в Свердловской области – 28,3%, в Тюменской области – 7,5%, в Курганской области – 34,3%.

Целевая имущественная поддержка СМСП осуществляется в форме предоставления офисов в бизнес-инкубаторах. Предоставление в аренду субъектам малого предпринимательства нежилых помещений бизнес-инкубатора с оборудованными

Таблица 2

Расходы на финансирование государственных программ поддержки МСП относительно ВРП и расходов областных бюджетов УрФО в 2014 году

Сумма финансирования государственной программы, млн руб.	ВРП области за 2013 год (факт), млрд руб.	Доля расходов на госпрограмму относительно ВРП, %	Расходы областного бюджета за 2014 год (по Закону о бюджете), млн руб.	Доля расходов на госпрограмму в общих расходах областного бюджета, %
Челябинская область				
210,5	885,0	0,024	115 781,1	0,18
Свердловская область				
1025,9	1600,0	0,064	190 382,5	0,54
Тюменская область (без АО)				
308,6	800,6	0,038	125 155,5	0,25
Курганская область				
190,4	163,0	0,12	34 100,0	0,56

рабочими местами осуществляется на конкурсной основе и прежде всего вновь создаваемым предприятиям в приоритетных сферах деятельности.

Информационно-консультационная, организационная поддержка предполагает проведение консультации по реализуемым инструментам поддержки; актуализацию реестра СМСП – получателей поддержки, развитие специализированного сайта по вопросам поддержки и развития предпринимательства; организацию освещения в средствах массовой информации вопросов развития МСП; организацию и проведение областных конкурсов, конференций по вопросам предпринимательской деятельности.

Достаточно актуальной услугой в этом направлении деятельности органов власти является сопровождение инвестиционных проектов. Оно предполагает информационное, организационное и консультационное сопровождение.

Расходы на информационную поддержку субъектов МСП составляют: в Челябинской области – 0,14%, в Свердловской области – 3,7%, в Тюменской области – 0,76%, в Курганской области (вместе с поддержкой СМСП, производящих и (или) реализующих товары (работы, услуги), предназначенные для экспорта) – 22,3%.

Реализация обучающих программ предполагает проведение курсов для начинающих и действующих предпринимателей по развитию предпринимательской грамотности. Расходы на данное направление составляют: в Свердловской области – 9,6%, в Тюменской области – 0,35%, в Курганской области – 6,2%. В Челябинской области данные расходы не выделены в отдельное направление и включены в направление «поддержка и развитие начинающих предпринимателей, молодежного, женского и семейного предпринимательства».

В настоящее время в большинстве субъектов РФ разрабатываются также и муниципальные программы поддержки МСП. В УрФО только в Тюменской области нет таких программ. Муниципальные программы должны включать те же элементы, что и областные программы. Во всех регионах, где принимаются муниципальные программы, предусмотрено их софинансирование из областного бюджета. Они

составляют одну из наиболее значимых статей расходов областных программ: в Челябинской области – почти 50%, в Свердловской области (по данным 2014 года и только за счет средств областного бюджета) – 13,6%. В Курганской области данные субсидии не выделены в составе направлений деятельности и учтены по функциональному направлению в других статьях.

Условия предоставления таких субсидий и порядок определения размера финансирования из областного бюджета существенно различаются по областям УрФО. В Челябинской области объемы субсидий на финансирование муниципальных программ рассчитываются с коэффициентом 4–6 от объемов финансирования муниципальных программ. Субсидии предоставляются только на софинансирование финансовой помощи субъектам МСП.

Субсидии Свердловской области на софинансирование муниципальных программ не предполагают ограничений для муниципальных органов власти направлений их использования и составляют 150% от размера средств, предусмотренных муниципальной программой.

В Курганской области уровень финансирования за счет субсидии на финансирование муниципальных программ не может быть установлен выше 95% и ниже 50% объема расходов, предусмотренных муниципальной программой. Субсидии на софинансирование муниципальных программ предоставляются на конкурсной основе.

Уровень развития малого и среднего предпринимательства существенно различается по территориям Уральского федерального округа. В основном наблюдается прямая зависимость между показателями развития МСП и уровнем валового регионального продукта, численностью населения территории. Но к факторам формирования и развития субъектов МСП, несомненно, относятся и условия государственной поддержки предпринимательства. Для оценки влияния этого фактора необходимо проведение анализа результатов реализации программ. До настоящего времени не проводился комплексный анализ эффективности государственных программ поддержки МСП с точки зрения реализации программных задач и показателей.

Это, в основном, связано со следующими обстоятельствами. Во-первых, формирование программ с обязательным определением промежуточных и конечных результатов их реализации стало осуществляться относительно недавно, и по большинству программ, сформированных по новым требованиям, еще не окончены сроки их реализации. Во-вторых, нестабильность экономического развития страны, высокая степень несовпадения фактических макроэкономических показателей с теми, что прогнозировались при формировании программ, приводят к частым и весьма существенным пересмотрам программных показателей вплоть до отмены действия ранее принятых программ и принятия новых.

1. Алексеев, А.В. Государственные программы как инструмент регионального развития [Текст] / А.В. Алексеев // Регион: Экономика и социология. 2014. № 4 (84). С. 73–84.

2. Алексеев, А.В. Государственные программы: номинальный или реальный инструмент управления экономикой [Текст] / А.В. Алексеев // Экономист. 2014. № 6. С. 20–27.

3. Алещенко, А.А. Малый бизнес: пространственное развитие и приоритеты государственной политики [Текст] / А.А. Алещенко // ЭКО. 2014. № 11 (485). С. 132–141.

4. Тушов, А.А. Целевые программы в системе государственного регулирования экономики [Текст] / А.А. Тушов // Экономические науки. 2012. № 97. С. 40–43.

References

1. Alekseev A.V. (2014) *Region: Jekonomika i sociologija*, no. 4 (84), pp. 73–84 [in Rus].

2. Alekseev A.V. (2014) *Jekonomist*, no. 6, pp. 20–27 [in Rus].

3. Aleshhenko A.A. (2014) *JeKO*, no. 11 (485), pp. 132–141 [in Rus].

4. Tushov A.A. (2012) *Jekonomicheskie nauki*, no. 97, pp. 40–43 [in Rus].

UDC 332.14

PROGRAMMED AND TARGET MANAGEMENT OF THE DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS ON THE REGIONAL LEVEL

Nesterenko Irina Yuryevna,

Ural Social and Economic Institute (branch) of the Academy of Labour and Social Relations,
Deputy Director,
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: nesterenko-chel@mail.ru

Annotation

The article presents the comparative analysis of national programs for developing small and medium business of regions of Ural federal district (Chelyabinsk, Sverdlovsk, Tyumen and Kurgan regions). The author gives characteristics to trends and tools for realizing regional policy, amount of financing to support business, interim and final results of realizing regional programs. The author makes a conclusion about the necessity to evaluate the effectiveness of realizing national programs for supporting business with the aim of improving the activity of authorities towards ensuring a favorable environment for business.

Key concepts:

national programs,
small and medium business,
measures of state support,
Ural federal district,
regional policy.

УДК 140.8, 177.9

ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД В ОПРЕДЕЛЕНИИ СУБЪЕКТА ПРАВА И ЕГО СТАТУСА

Пырина Мария Владимировна,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина,

Институт социальных
и политических наук,

департамент философии,

кафедра онтологии и теории познания,
аспирант,

г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: 2_maria@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется проблема определения субъекта права и его статуса. В юриспруденции субъектом права является носитель прав и обязанностей, т.е. участник правовых отношений.

Юристы рассматривают любую проблематику права строго в ключе правовых отношений. Тема анализа роли и места субъекта права «оставлена» для осмысления философии права. Именно для философско-правового исследования свойственно выявление сущностной природы и специфики данного понятия. На наш взгляд, субъект права должен сочетать в себе как юридические характеристики, так и философско-правовые.

Ключевые понятия:

субъект права,

определение субъекта права

в юриспруденции,

субъект права в философии права,

онтологический статус субъекта права.

Обращаясь к проблеме определения статуса субъекта права, мы не можем не коснуться вопроса о содержательном и терминологическом определении самого понятия субъекта права. Словосочетание «субъект права» используется во всех отраслях права: гражданском, уголовном, трудовом, административном, международном, предпринимательском, семейном и т.д., что свидетельствует о необходимости данного понятия в системе правоотношений. В рамках философии права данный термин тоже не остается без внимания, но используется уже не только для выражения юридического статуса, а для содержательного анализа сущности субъекта права, его онтологического (бытийственного) статуса. На наш взгляд, определение субъекта права должно нести в себе онто-гносеологические характеристики в связи с тем, что «любое правопонимание опирается на концепцию природы или сущности человека» [9, с. 191]. Для этого необходимо исследовать феномен субъекта права в рамках онто-гносеологического подхода, что позволит выявить характерные черты субъекта права, т.к., по мнению С.И. Максимова, феномен права теснейшим образом связан с человеком, с его сущностью, смыслом человеческого бытия [9, с. 191]. Субъект права действует в обществе, и правоотношения субъектов возникают в рамках совместной деятельности, что приводит к социальной интерпретации действий субъекта права. Вся социальная реальность (в том числе и правовая) является непосредственным результатом действия субъектов [16, с. 390]. На формирование права оказывают влияние социальные, политические и экономические изменения, а в своей совокупности они составляют бытийные начала человеческого существования [8, с. 4].

Возникает вопрос о том, какими характеристиками наделить субъекта права, как более точно определить данное понятие? Стоит ли остановиться на определении строго в нормативном ключе, как это делается в юридических науках, или же необходимо добавить при анализе субъекта права и его статуса философско-правовую характеристику? Ведь именно для философско-правового исследования свойственно выявление сущностной природы и специфики понятия субъекта права. На наш взгляд, при определении

понятия «субъект права» необходимо ориентироваться на право человека, играющее исключительную роль для формирования правового государства в Российской Федерации. Проблематика права и анализ роли и места субъекта права становятся предметом философского осмысления в постсоветский период. Возрастание роли права и изменяющегося отношения к субъекту права в современной России ведет к необходимости в исследовании формирования субъекта права и его природы в контексте философии права. Новизна исследования в рамках философско-правового подхода заключается в обращении к онтологическим характеристикам субъекта права, благодаря которым возможно выявление сущностной природы и специфики понятия субъекта права и его статуса, а также осуществляется попытка обнаружить в определении субъекта права взаимосвязь юридических характеристик с онтологическими характеристиками.

Проблемы в определении понятия субъекта права связаны с несколькими обстоятельствами: выделением только нормативных характеристик и рассмотрением субъекта права в контексте права силы, а не права человека. Поэтому наиболее оптимальным вариантом решения данных проблем будет выделение нескольких ракурсов рассмотрения понятия субъекта права и его статуса.

Во-первых, необходимо показать, как в юридических науках определяется субъект права, какими чертами он наделяется, в чем заключается его правовой статус.

Во-вторых, выявить особенности определения субъекта права в философско-правовых исследованиях.

В-третьих, показать значимость переориентации в понимании права силы на право человека и выявить данный переход на примере понятия субъекта права.

Существует несколько подходов в определении понятия «субъект права». В зависимости от них по-разному задаются характеристики «субъекта права» и выделяются разные функции. Многообразие трактовок как юридических, так и философских приводит к неоднозначности в том, как мы характеризуем субъекта права. Обратимся к рассмотрению понятия субъекта права с позиции юридической науки.

Для этого приведем определение понятия «субъект права» из Большого юриди-

ческого словаря, в котором предлагается соединить определение этого феномена из нескольких отраслей права: субъект права – в национальном праве лицо (физическое и юридическое), государство, государственное или муниципальное образование, обладающие по закону способностью иметь и осуществлять непосредственно, или через представителя, права и юридические обязанности (т.е. правосубъектностью). Субъект права – необходимый элемент правоотношений во всех отраслях права, хотя в каждой из них положения его субъектов имеют определенную специфику [4, с. 532].

Юристы рассматривают любую проблематику права строго в ключе правовых отношений. В юриспруденции субъект права является носителем прав и обязанностей, участником правовых отношений. В правовых отношениях могут принимать участие совершенно разные субъекты: отдельный индивид, государство, органы государства, предприятия, учреждения, общественные и религиозные организации и т.д. Для того чтобы принимать участие в правоотношениях, люди и созданные ими организации должны иметь определенные характеристики, установленные законом. Совокупность таких характеристик составляет понятие *субъекта права*. Следовательно, признавая какое-либо лицо или образование субъектом права, закон определяет его правовой статус (положение по отношению к государству, его органам, другим лицам) [4, с. 532].

Итак, субъектом права может быть только то лицо, которое обладает определенным статусом – является правоспособным, дееспособным и деликтоспособным. В юриспруденции субъект права наделяется только нормативными характеристиками: способностью быть носителем субъективных прав и юридических обязанностей; возможностью лица своими действиями приобретать и осуществлять права и обязанности; способностью лица самостоятельно нести ответственность за вред, причиненный его противоправным деянием.

В качестве философско-правового определения понятия субъект права приведем определение Н.Н. Алексеева (1879–1964 гг.), одного из выдающихся философов и правоведов России. По его утверждению, в общей юридической

теории слабо проявляется идея лица как юридического деятеля, *осмысливающего* деятельность в области правовых установлений, а не просто пассивно воспроизводящего смысл юридических норм [1, с. 83]. Это обстоятельство можно объяснить тем, что юридические науки исследуют общие закономерности возникновения, развития и функционирования государства и права. Специальные закономерности, касающиеся отдельного государственного института или правового явления, исследуются отраслевыми юридическими науками (например, закономерности реализации и защиты прав собственности – гражданское право; структурные закономерности государственных органов – конституционное и административное право) [3, с. 11–12]. Н.Н. Алексеев указывает на недостаток юридических теорий, заключающийся в том, что они не обнаруживают существо и природу субъекта права. Это приводит к тому, что из виду упускается аксиологическая и онтологическая характеристики субъекта права, т.е. задается такое определение, которое описывает лишь нормативный характер субъекта правоотношений, но не рассматривает его как сущность. По сути дела, тема анализа роли и места субъекта права «оставлена» для осмысления философии права.

Н.Н. Алексеев выделяет два подхода в описании субъекта права: через нормативные характеристики и через ценностные ориентиры.

В положительном праве мы обнаруживаем следующую точку зрения на то, кто является субъектом права. Так, Отто Гирке, сформулировавший сущность теории юридических конструкций, определяет личность как правовое понятие. Схожая позиция в определении субъекта права встречается у Ганса Кельсена (Hans Kelsen), который утверждает, что лицо мыслится юристами как нормативное понятие. По его словам, всякое лицо, как субъект права, есть нечто искусственное, созданное особой юридической конструкцией [1, с. 78]. Получается, что мыслители отказываются от воззрения о субъекте права как о живом человеке. Человек становится лицом, когда при помощи юридической конструкции он превращается в особый центр вменения, лежащий по ту сторону фактических отношений. Кроме того, к данному подходу, на наш взгляд, можно отнести воззрения о субъекте пра-

ва И. Бентама, Дж. Остина, К. Бергбома, а также Г. Харта, для которого юридические действия аскриптивны, то есть физические движения становятся юридическим «действием», если субъект принимает или может принять за них ответственность [6, с. 152]. Подобное определение субъекта права приводит к целой традиции рассмотрения субъекта права в контексте права силы. Например, у И. Бентама природа права интерпретируется как «повеление суверена», данный тезис явился отправной точкой в становлении аналитической философии права. Вслед за ним Дж. Остин определяет позитивное право как приказ, исходящий от лица или группы лиц, располагающих властью, и направленный члену или членам самостоятельного политического общества, к которому принадлежит лицо или группа лиц, обремененных суверенитетом и величием [15, с. 364]. Для Остина исходное положение Бентама приобретает более широкий смысл, поскольку сувереном (в зависимости от обстоятельств) может быть не только лицо, но и учреждение. Следовательно, источником права будет являться суверенная власть. С точки зрения юридических позитивистов, норма права получает юридический характер, когда некто, обладающий властными полномочиями, в состоянии придать ей обязывающую силу принуждения. При этом санкции, установленные позитивным законом, имеют как юридический, так и политический характер. Такое понимание права и правовой нормы является специфической особенностью именно юридического позитивизма, где по своей природе право рассматривалось как явление эмпирическое и как слепок со сложившихся экономических и политических отношений.

Попытка преодолеть описание правовых феноменов через экономические, политические, социологические, исторические и нравственные характеристики была осуществлена Г. Кельзеном. В отличие от идеи классического позитивизма в праве, определяющего право как приказ, исходящий от лица или группы лиц, располагающих властью [15, с. 364], чистая теория права Г. Кельзена – это попытка объединить «чистую» систему правовых норм, которые будут независимыми от общественного бытия и все сильнее нарастающего влияния государства на правовую жизнь.

Обратим внимание на то, что для К. Маркса также характерна данная традиция, где право трактуется как воля правящего класса, возведенная в закон и принуждаемая к выполнению. Образ суда-карателя, по словам И.Л. Петрухина, суда-палача, возник в эпоху инквизиции, а затем был возрожден у нас в период массовых репрессий [12, с. 122].

Критику понимания права как силы мы обнаруживаем в работе «Понятия права и силы» И.А. Ильина. Основываясь на методологическом плюрализме, он стремится показать, что при определении права с точки зрения юридической методологии право не имеет никакого отношения к силе. По его утверждению, юридическое определение права в объективном смысле есть совокупность норм. Задачей юридической науки является логический анализ и систематизирующая переработка правовых норм как норм и как суждений. В этом смысле право ни в коем случае не есть отношение силы по отношению к субъекту права. Понимание права как силы может возникнуть при исследовании правосознания в психологическом, социологическом и политическом историческом ключе. Ильин приводит в пример некорректность определения Р. Йерингом права как нормы, ставшей силой, в том смысле, что норма стала принудительным фактором поступка. И.А. Ильин справедливо замечает, что правовое предписание является социальным фактором, а именно сознанием нормы, в таком понимании оно становится «силой». Являясь социальным фактором, право изучается социологией права; в рамках данной дисциплины социолог-правовед анализирует переживание права в его влиянии на отношение индивида к окружающим и отношение окружающих к нему. Право – переживание нормы и фактически реализующейся схемы отношений субъектов, и выведенный из нормы строй полномочий и обязанностей в применении к конкретному случаю. В этом методологическом ряду праву придается значение «силы». «Право как сознание (или переживание) правовой нормы является здесь способным быть причинно-определяющим моментом в сфере психической: оно есть сила» [7, с. 26]. Ильин полагает, что принуждение в юридическое определение права ввести, если трактовать как неизменную наличность санкционирующей нормы.

Иной подход в определении субъекта права мы обнаруживаем у Германа Когена, для которого субъект права совпадает с человеком, но человек понимается не как отдельный индивидуум. Человек есть нечто множественное, он причастен некой совокупности. Например, такой совокупностью может выступать государство. Г. Коген обращается к идеям Платона, который исходит из того, что душа человека отражается в государстве и там получает свою жизнь. В свою очередь душа государства является частью мировой души. В этой совокупности человек становится единством этической личности с государством и мировой душой. Уничтожается лишь чувственная единичность индивидуума. В индивидууме начинает отображаться идея, совпадающая с понятием воли, действующей по предписаниям и законам этики. Субъект права, таким образом, становится деятелем. В юридическом лице приобретает единство воли. По-новому звучит мысль Платона о том, что государство – это юридическое лицо [1, с. 82]. Именно в государстве и через него появляется возможность достижения человеческого самосознания. Каждое существо, способное быть субъектом права, должно быть призвано к участию в жизни государства и через это участие достигать истинного самосознания.

Юридические теории понимают под деятельностью субъекта права лишь пассивное толкование юридических норм, неосознанное установление правомочия и правообязанности, реализацию переживания и, наконец, осуществление деятельности. Несовершенство таких теорий заключается в недостаточном различии идеи лица как правового деятеля и лица как ценности.

Согласимся с точкой зрения Н.Н. Алексеева, которая отличается тем, что он понимает под субъектом права не только установленные положительно-правовые нормы, но и живую личность как носительницу правосознания. Н.Н. Алексеев определяет субъект права как *деятеля, как носителя актов, обнаруживающий ценности в праве, признающий их*. Быть носителем права означает не только быть деятелем, но и признавать охраняемую правопорядком ценность. При анализе субъекта права мы приходим к выделению следующих характеристик: это деятель, обладающий

дееспособностью; носитель актов, обнаруживающих ценности в праве, обнаруживающий небезразличие к миру (выполнение, переживание, созерцание, выказывание отношения к правовым ценностям). Субъект права должен быть признанной правом ценностью.

Подведем промежуточный итог наших рассуждений. Субъектом права можно стать, когда *обладаешь определенным статусом*: имеешь права и обязательства, несешь ответственность за свои действия, а также бездействие. На наш взгляд, субъект права должен *сочетать* в себе как юридические характеристики, так и философско-правовые. Следовательно, под субъектом права мы понимаем необходимый элемент правоотношений во всех отраслях права, обладающий правосубъектностью; являющийся *сознательным и разумным* носителем актов, *обнаруживающих ценности в праве*, являющийся признанным правом *ценностью*, а самое главное – *осознающим в себе свою правовую ценность*. «Правосознание становится самоцелью, приобретает нравственно оправданную способность самоопределения – способность, освященную той ценностью, которая в нем приобрела своего носителя» [1, с. 102]. Только такое понимание может составлять глубочайшую основу идеи права.

Статус субъекта права на протяжении всей истории приобретали разные субъекты. К примеру, В.С. Нерсисянц пишет, что «круг свободных и равных лиц... исторически изменялся (от древности до современности)» [11, с. 71]. Нужно отметить, что на формирование субъекта права всегда оказывали влияние такие факторы, как экономический, политический и, собственно, правовой. Сегодня становится очевидным тот факт, что существование правовой сферы становится неотъемлемой частью экономики и политики. В то же время субъект права, в свою очередь, сам становится неотъемлемой частью как политической, так и экономической деятельности. В период формирования правового государства в современной России особую значимость имеет проблема переориентации в понимании права силы на право человека.

Судебная реформа 2001 г. ставила своей целью закрепить права человека, непосредственно выражающие сами основы бытия человека. Но выполнить эту

миссию она сможет лишь при абсолютно другой трактовке права, понимаемого и ориентированного не на власть, а на человека, когда право обретет иное качество, которое позволит ему возвыситься над властью и тем самым решить проблему «обуздания» произвола власти [5, с. 25]. Как пишет академик С.С. Алексеев, «...новая трактовка права находится в диссонансе со сложившимися и весьма устойчивыми стереотипами о праве, законе, законности, сориентированными на власть. И поэтому переход от понимания права как исключительно и всецело «силового» института, прочно укоренившегося за долгие века взаимоотношений человека с властью, к пониманию его как гуманистического явления, феномена свободы происходит с трудом» [2, с. 612]. Но, с другой стороны, эта ситуация вполне объяснима, т. к. реально личность занимала подчиненное и второстепенное положение в российской и советской действительности, субъект права «всплывал на поверхность» лишь при изучении некоторых элементов механизма правового регулирования, в частности при анализе правового отношения [3, с. 407]. По оценке отечественного ученого и юриста В.С. Нерсисянца, «исторический процесс генезиса права, его бытия и существования протекает в контексте общекультурного формирования и развития человека и человеческого рода [11, с. 43]. Он справедливо отмечает, что человечество развивается по пути к свободе, равенству и справедливости. Историки права отмечают прогресс в освобождении людей от различных форм личной зависимости, что говорит о правовом прогрессе, выражающемся в государственно-правовых формах: конституции и внутренних – государственных правовых актах. Согласимся с В.С. Нерсисянцем, что с правовой точки зрения этот процесс означает, что все большее число людей признаются формально равными субъектами права.

Современное российское общество переживает значительные преобразования в правовой сфере. Все дело в том, что изменяется понимание роли и статуса субъекта права как в международной практике, так и на государственном уровне. Данная проблема связана с возвышением прав личности, общей гуманизацией общественных отношений,

которая определяет правила отношений между субъектами. В философско-правовом учении Г.В.Ф. Гегеля гуманистический аспект права выражался в том, что «законы служат освобождению человека через подчинение обязанности» [10, с. 190]. Закон дает человеку свободно и разумно распорядиться последствиями и результатами своих действий. В условиях правового государства возрастает роль субъекта права, происходит усиление правовых начал в поведении людей, в жизни общества и государства. А также формирование правовой системы на основе признания субъекта права как ценности, изменение установки с «права силы» на право человека. Установление понимания права как права человека подразумевает выдвижение субъекта права, а именно его персонификацию в правовых отношениях.

Право в строго юридическом значении (выступающее в виде законов, правосудия, различных институтов), то есть позитивное право, есть жесткий нормативно-ценностный регулятор поведения людей, тесно связанный с силой, властью. С.С. Алексеев, комментируя идеи немецкого юриста Рудольфа Йеринга, пишет, что в воззрениях этого ученого обнаруживается идея о праве – как «учение о непрестанной борьбе за право, без которой немислим никакой прогресс» [2, с. 698]. По словам В.Н. Руденко, властное волеизъявление граждан возможно при нормативном характере их решения. Т.е. формой закрепления того или иного решения должен выступать нормативно-правовой акт. Только в этом случае можно увидеть в действии субъекта права – гражданина, который может конкурировать наряду с остальными субъектами власти [14]. Реальная деятельность институтов гражданского общества должна иметь первостепенное значение в формировании права. Так, одной из черт субъекта права становится его волеизъявление, которое отражает его сознательный и разумный выбор, основанный на признании права как ценности.

Мировоззренческое изменение о статусе субъекта права должно проявиться в его трактовке с точки зрения философско-правового подхода, выражающего как юридические характеристики, так и существенные (онтологические) характеристики данного понятия.

1. Алексеев, Н.Н. Основы философии права [Текст] / Н.Н. Алексеев / Оформление обложки С.Л. Шапиро, А.А. Олексенко. СПб.: Издательство «Лань», 1999. 256 с.

2. Алексеев, С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования [Текст] / С.С. Алексеев. М.: «Статут», 1999. 712 с.

3. Алексеев, С.С., Архипов, С.И. Теория государства и права. [Текст] / С.С. Алексеев, С.И. Архипов и др. М.: Норма, 1998. 456 с.

4. Большой юридический словарь [Текст] / В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова. М.: «Инфра-М», 2001. 790 с.

5. Демидова, Л.А., Сергеев, В.И. Адвокатура в России [Текст] / Л.А. Демидова, В.И. Сергеев. М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2006. 569 с.

6. Дидикин, А.Б. Формирование аналитической традиции в современной философии права [Текст] / А.Б. Дидикин // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2010. № 1. С. 149–165.

7. Ильин, И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4: Понятия права и силы (опыт методологического анализа) [Текст] / И.А. Ильин. М.: Русская книга, 1994. 624 с.

8. Карташева, А.А. Онто-гносеологические основания авторского права: автореф. дис. канд. филос. наук [Текст] / А.А. Карташева. Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2013. 25 с.

9. Максимов, С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления: Монография [Текст] / С.И. Максимов. Харьков: Право, 2002. 328 с.

10. Малинова, И.П. Философия права и юридическая герменевтика: Монография. 2-е изд., доп. [Текст] / И.П. Малинова. Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2015 г. 200 с.

11. Нерсесянц, В.С. Философия права [Текст] / В.С. Нерсесянц. М.: ИНФРА-М: НОРМА, 1998. 652 с.

12. Петрухин, И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью) [Текст] / И.Л. Петрухин. М.: «Юристъ», 1999. 392 с.

13. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права [Текст] / И.А. Покровский. М.: «Статут», 1998. 352 с.

14. Руденко, В.Н. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты [Текст] / В.Н. Руденко. РАН, УрО, Институт философии и права; отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. Екатеринбург: УрО РАН, 2003. 476 с.

15. Тихонравов, Ю.В. Основы философии права. Учебное пособие [Текст] / Ю.В. Тихонравов. М.: Вестник, 1997. 608 с.

16. Честнов, И.Л. Постклассическая теория права. Монография. [Текст] / И.Л. Честнов. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. 650 с.

References

1. Alekseev N.N. (1999) Osnovy filosofii prava. St.Petersburg, Izdatel'stvo «Lan'», 256 p. [in Rus].
2. Alekseev S.S. (1999) Pravo: azbuka – teorija – filosofija: opyt kompleksnogo issledovanija. Moscow, «Statut», 712 p. [in Rus].
3. Alekseev S.S., Arhipov S.I. (1998) Teorija gosudarstva i prava. Moscow, Norma, 456 p. [in Rus].
4. Bol'shoj juridicheskij slovar' (2001). Moscow, «Infra-M», 790 p. [in Rus].
5. Demidova L.A., Sergeev V.I. (2006) Advokatura v Rossii. Moscow, Juridicheskij Dom «Justicinform», 569 p. [in Rus].
6. Didikin A.B. (2010) *Scholae. Filosofskoe antikovedenie I klassicheskaya tradiciya*, no. 1, pp. 149-165 [in Rus].
7. Ilin I.A. (1994) Ponyatiya prava i sily (opyt metodologicheskogo analiza). Tom IV. Moscow, Russkaya kniga, 624 p. [in Rus].
8. Kartasheva A.A. (2013) Onto-gnoseologicheskie osnovaniya avtorskogo prava. Ekaterinburg, Ural. Feder. un-t. im. pervogo Prezidenta Rossii B. N. Elcina, 25 p. [in Rus].
9. Maksimov S.I. (2002) Pravovayarealnost: opyt filosofskogo osmysleniya. Harkov, Pravo, 328 p. [in Rus].
10. Malinova I.P. (2015) Filosofiya prava i yuridicheskaya germeneytika. Ekaterinburg: Izdatelskij dom Uralskogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta, 200 p. [in Rus].
11. Nersesyanc V.S. (1998) Filosofiya prava. Moscow, INFRA-M:NORMA, 652 p. [in Rus].
12. Petruhin I.L. (1999) Chelovek i vlast' (v sfere bor'by s prestupnost'ju). Moscow, «Jurist», 392 p. [in Rus].
13. Pokrovskij I.A. (1998) Osnovnye problem grazhdanskogo prava. Moscow, «Statut», 352 p. [in Rus].
14. Rudenko V.N. (2003) Prjamaja demokratija: modeli pravlenija, konstitucionno-pravovye instituty. Ekaterinburg, RAN, UrO, In-t filosofii i prava, 476 p. [in Rus].
15. Tihonravov U.V. (1997) Osnovy filosofii prava uchebnoe posobie. Moscow, Vestnik, 608 p. [in Rus].
16. Chestnov I.L. (2012) Postklassicheskaya teoriya prava. St.Petersburg, Izdatelskij Dom «Alef-Press», 650 p. [in Rus].

UDC 140.8, 177.9

PHILOSOPHIC APPROACH WHEN DEFINING THE SUBJECT OF LAW AND HIS STATUS

Pyrina Mariya Vladimirovna,

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Eltsin,
Institute of Social and Political Sciences,
Department of Philosophy, Department
Chair of Ontology and Theory
of Cognition,
Post-graduate Student,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: 2_maria@mail.ru

Annotation

The article analyzes the problem of defining the subject of law and his status. In jurisprudence the subject of law is a holder of rights and duties, i.e. participant of legal relations. Lawyers consider any legal problematics in the sense of legal relations. The problem of analyzing the role and place of the subject of law is left for the legal philosophy to understand. It is characteristic of philosophic and legal study to draw out the nature and peculiarities of this notion. In our viewpoint the subject of law should combine both juridical and philosophic and legal characteristics.

Key concepts:

subject of law,
defining the subject of law in jurisprudence,
subject of law in legal philosophy,
ontological status of the subject of law.

УДК 008.2+394.014

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЁРСТВА

Черногорцева Галина Владимировна,

Московский государственный
технический университет
имени Н.Э. Баумана,
факультет социально-гуманитарных наук,
кафедра философии,
кандидат философских наук, доцент,
г. Москва, Россия.
E-mail: irbiscotta@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу правовых оснований, необходимых для достижения сохранения социального партнерства.

Рассматриваются вопросы правового обеспечения социальной сплоченности, доверия людей друг к другу и государству.

Ключевые понятия:

правовая ответственность человека,
социальное партнерство,
право,
закон,
государство.

Непреходящая ценность социального партнерства становится все более очевидной насущной необходимостью в современных условиях. Оно выступает качестве социально эффективного инструмента, способного обеспечить не только самосохранение и выживание человека, но и продвижение социума в самых различных направлениях деятельности. Это особенно важно в условиях усложнения современного мира. Многоликие, часто непредсказуемые отношения общества и природы, человека и социума, межличностные общения и разнообразные варианты коммуникативных связей требуют объединения людей, их трудовых и интеллектуальных усилий. Именно поэтому исследование оснований социального партнерства становится все более актуальной задачей.

По своей сути человек есть мера всех вещей (Протагор). В силу того что человек не только приспособливается к миру природы и к миру людей, он является не просто центром Универсума, но и центром конституирования Универсума (Пьер Тейяр де Шарден). Мир не удовлетворяет человека, и человек изменяет все, с чем соприкасается. Движущей силой перемен являются потребности, интересы и цели человека. Творческая сущность человека позволяет не только самосохраниться, но и найти новые формы процветания человека и общества. Все, что человек делает, способствует раскрытию его сущностных сил и способностей. Справедливо замечено, что «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду, в своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [7, с. 3].

Объединяя усилия множества индивидуальностей, социальных групп и слоев, социальное партнерство выступает желаемым результатом и состоянием для любого общества, являясь своего рода фундаментом социума, дающим возможность каждому человеку найти свое место в существующих порядках признания (Г. Марсель).

Человек всегда понимал ценность и значимость социального партнерства, стремясь в качестве субъекта общественных отношений к поиску и нахождению прочных оснований для его возникновения, стабильного существования и долгосрочных перспектив развития. Упорядоченность жизни ценилась во все времена: в работе «Государство» Платон пишет, что люди призваны «устремить ввысь свой духовный взор и взглянуть на то самое, что всему дает

свет, а увидев благо само по себе, взять его за образец и упорядочить и государство, и частных лиц, а также самих себя... на весь остаток своей жизни» [8, с. 353].

Индивидуальный и коллективный разум неустанно заботится об укреплении социального партнёрства. Люди создают все новые и новые верования, идеологии, ценности, приоритеты, определяющие их повседневную жизнь и жизнь общества в целом. Человек выступает субъектом социального партнёрства, в экономической и духовной деятельности.

Важнейшими условиями в достижении и упрочении социального партнёрства выступают правовые законы, справедливые по своей сути, равные для всех граждан. По отношению к отдельным людям и социальным группам право существует объективно, независимо от сознания и воли тех, чьи отношения оно регулирует. Право осуществляет регулирование многообразных отношений между людьми, обеспечивает эффективное функционирование всех общественных институтов, позволяет обществу самосохраняться, а человеку защититься от неправомерных посягательств. В переводе с латинского само слово «регулировать» означает подчинять определённому порядку, правилу, упорядочивать, т.е. устанавливать правильные взаимодействия частей социальной общности людей, что выступает непреложной основой социального партнёрства.

Социальное партнёрство выступает целью и результатом управленческой деятельности, поэтому с древнейших времен до наших дней философия стремиться постичь истину о праве, соблюдение которого способно обеспечить гармонию личных и общественных интересов. С течением времен формируется мысль о единой для всех справедливости и единой законодательной власти, при этом ценность справедливости усматривается в воздаянии другому равным. Соответственно утвердился сформулированный Фалесом тезис «Не делай сам того, что ты порицаешь в других». При этом практика поставила вопрос о сочетании права и силы, способной обеспечить всеобщее признание прав и обязанностей каждого свободного члена общества. Закон как общезначимый способ регулирования всей совокупности существующих отношений защищает всех граждан, равных перед законом. Социальное партнёрство предполагает господство справедливости и права для достижения упорядоченной жизни в государстве, полагал Пифагор.

Согласно Демокриту, достижение социального партнёрства требует различать естественное право как справедливость и установленные людьми законы в качестве искусственного, при этом критерий справедливости полисных законов состоит в их соответствии природе: то, что противно природе, нельзя считать справедливым, поскольку справедливость как нельзя лучше соответствует общему благу людей. Согласно Протагору, законы создаются мудрейшими представителями человеческого рода, причем представления людей о справедливости изменяются, соответственно этому изменению корректируются законы, но во все времена остается неизменной приверженность человека к справедливости. Жажда справедливости присуща самой природе человека. Человек не может жить без справедливости. Именно тяга к справедливости является неизменной основой изменения представлений людей о справедливом, поэтому Горгий именовал писанные законы «стражами справедливости», ибо справедливость людей в их отношениях друг к другу предполагает наличие присущего им чувства равенства.

Господствующее позитивное право свидетельствует о том, что люди в границах конкретного социума сумели достичь юридически закрепленного согласия о порядке общественной и личной жизни, о взаимном союзе в осуществлении правопорядка, в достижении гарантии соблюдения вещных и личных прав. Правовые гарантии призваны обеспечить стабильность общества и защитить равенство личных прав людей. При этом, как заметил софист Ликофрон, позитивное право не в силах сделать граждан добрыми и справедливыми.

Развитие философской мысли отмечено неустанным поиском правовых оснований социального партнёрства в обществе. Проблемы соотношения права и закона, истоков и смысла полисных установлений, справедливости и законности Сократ связывал с определяющим значением знания, божественного по своей природе и происхождению, однако доступного людям. Чем обширнее и глубже знания людей, тем больше причастны они к божественному, и, соответственно, тем большим уровнем справедливости характеризуются законы и состояние законности во всех проявлениях общественной жизни, тем крепче социальное партнёрство людей. Справедливость, как и всякая другая добродетель, состоит в знании, значит, справедливое всегда совершается посредством добродетели.

Поскольку неписанные божественные законы и писанные людьми законы в основе своей имеют справедливость, то справедливость, по сути дела, тождественна законности: что законно, то и справедливо. Утвердилась мысль, что господство справедливых законов создает возможность свободы как прекрасного и величественного достояния как для человека, так и для государства.

Согласно Платону, законы как «определения разума» пронизывают как личные, так и общественные взаимоотношения людей. Справедливость вовсе не исключает иерархии, напротив, она требует иерархической соподчиненности частей во имя целого, «чтобы каждый имел свое и исполнял тоже свое», «чтобы никто не захватывал чужого и не лишался своего». Справедливость, таким образом, предполагает надлежащую меру, определенное равенство. Исходя из мысли Сократа о том, что справедливое и законное – это одно и то же, Платон высказал мысль, что только действия справедливых законов в сочетании с правлением философов способны обеспечить разумное устройство общества, его стабильность, укрепить взаимосвязь и единство граждан, полиса и законов. Социальное партнерство укрепляется связанностью самого государства принятыми в нем законами. Златое и священное руководство разума, называемое общим законом государства, более, нежели что-либо другое, совершенствует как самого человека, так и все многообразие отношений между людьми.

Исходя из того что справедливое и есть законное, Стагирит обратил внимание на взаимосвязь этики, политики и права. В соотношении с мужеством, великодушием, щедростью и т.п. превосходными качествами справедливость является величайшей добродетелью и величайшим благом, по сути дела доступным каждому человеку в качестве приобретенного качества души и характера. Справедливость как добродетель проявляется в отношении к другим людям. Справедливость всегда означает законное и равномерное прежде всего в отношении к людям. Справедливость, как и социальное партнерство, возможны только между свободными и равными людьми. Права имеют только те люди, для которых существует закон, определяющий их отношения.

Большое значение имеет политическое право как способ организации отношений в государстве. Политическое право включает

в себя право естественное и право условное. Естественное право везде и для всех имеет равное значение, оно существует независимо от признания или непризнания его существования и значения. Правовые отношения, установленные людьми в результате взаимного соглашения, условное право, не только изменчивы, но и особенно в различных государствах, подобно тому, как меры для вина и хлеба повсюду различны. Важно, чтобы условное право соответствовало праву естественному. По сути дела, условным правом Аристотель называет позитивное право, т.е. законы и всеобщие соглашения как основу социального партнерства. Величайшее благо для государства – дружелюбные отношения, поэтому искусство законодателя как политика состоит в разработке таких законов, справедливость которых позволяет достигать устойчивости общества, стабилизации существующей системы отношений.

По мнению Эпикура, справедливость и право в своем происхождении и существовании имеют договорную основу. Люди нуждаются во взаимной пользе, безопасности, уважении своих прав и свобод, и, желая публичных гарантий соблюдения своих интересов, они создают законы в соответствии со своим пониманием справедливости. Договорная трактовка права исходит из равенства, свободы и независимости членов социума. Свобода человека включает в себя ответственность за разумный выбор своего образа жизни и поведения. Необходимость трактуется Эпикуром как бедствие, однако, как уточняет философ, для человека нет никакой необходимости жить с необходимостью. Человек свободен, если довольствуется своим, т.е. тем, что имеет, понимает, что именно в жизни зависит только от него самого, способен обуздать свои страсти и желания, умеет обходиться немногим. Главная задача государства состоит в обеспечении взаимной безопасности людей, а сама справедливость есть договор о достижении полезного, которое возможно, если не вредить друг другу и не терпеть вреда. Знания и жизненный опыт помогают людям определить условия своего общения, усмотреть возможности согласованной деятельности, найти общность интересов в разнообразных взаимодействиях. Конечно, конкретное содержание справедливости свое для времен и народов, но в изменчивом мире неизменным остается принцип справедливости, определяющий общее согласие людей относительно пользы всех и каждого.

Закон, противоречащий пользе взаимного общения, нельзя считать справедливым. Справедливость и есть естественное право. Содержание справедливости меняется, поскольку меняется представление людей о том, что именно составляет пользу взаимного общения. А это ведет к изменению законов.

Со времен Зенона очевидно, что социальное партнёрство связано с понятием долга, как «того, что подобает». Дело в том, что отношения людей выстраиваются в соответствии с естественными законами мироздания. Такого рода соответствие является основой справедливости в общении людей. Всеобщая, универсальная справедливость воплощена в естественном законе. Она является нормативно значимым принципом и критерием справедливости созданных людьми законов. И государство, и законы подчинены естественному праву как неизбежному порядку мироздания, порядку, определяющему причинную цепь событий, соответствующему императиву разума, который, в свою очередь, помогает человеку понять само естественное право. Человеческий закон должен соответствовать естественному праву. В целом древнегреческая мысль понимала свободу человека как возможность участия в коллективном осуществлении властных полномочий государства. Такая свобода предполагала почти полное подчинение человека публичной власти, господствующим в обществе нормам и правилам, религиозным воззрениям и т.д.

Право как «искусство добра и эквивалента» по своему понятию и смыслу всегда справедливо, полагала древнеримская мысль. Эквивалент всегда означает равную справедливость, или справедливое равенство. Справедливость есть неизменная и постоянная воля предоставлять каждому его право, т.е. воздавать каждому то, что ему принадлежит, что способствует укреплению социального партнерства. Право предписывает жить честно, не причинять вреда другим людям. Оно также требует понимания того, что закон есть общий порядок государства, и в этом смысле свят для самого государства. Закон общеимперативен, разумен, социален, т.е. антикриминален. Справедливость, как основа социального партнерства, распространяется на всех членов общества, защищая, обеспечивая исполнение долга, предостерегая от преступления закона. Со времен Римской империи прочное место среди необходимых условий социального партнерства

занимает понимание неприкосновенности частной и государственной собственности: общей собственностью пользуются все, а частной – только те, кому она принадлежит.

Социальное партнёрство в эпоху Средневековья базировалось в значительной степени на признании религиозных ценностей в качестве всеобщих, исходило, прежде всего и главным образом, из признания божественной, разумной природы человека. Человек должен знать правила поведения, мерил дозволённого и недозволённого. Человек способен различать добро и зло. Разумная природа человека побуждает следовать добру. Волеустановленный закон должен соответствовать естественному праву – только в этом случае закон способен достичь цели, в качестве которой выступает общее благо людей. Закон формирует привычку действовать разумно, по свободной, доброй воле, регламентирует поведение людей в его соответствии с общим благом. Сохранение социального партнёрства требует, чтобы закон воплощал равенство в виде применения равной меры и одинаково масштаба требований ко всем членам общества.

Поиск оснований социального партнёрства в Новое время связан с именами выдающихся философов – Гуго Гроция, Френсиса Бэкона, Томаса Гоббса, Джона Локка и др. Справедливые законы, утверждал Ф. Бэкон, это якоря государства. Только справедливый закон может противостоять насилию. Справедливый закон включает в себя принцип правового равенства и выражает требование всеобщей справедливости. Естественный свет разума и естественное право помогают людям различать добродетель и порок, справедливость и несправедливость и т.д. Законы необходимы для счастья граждан, процветания общества, прочности власти, обеспеченной социальным партнёрством.

Стабильность общества требует, чтобы смысл закона был точен, требования справедливы и достаточно легко исполнимы, согласованы с существующей формой государства, порождали и укрепляли добродетель в гражданах. Важное значение для общества имеет распространение правовой информации. Краткое и доступное изложение правового материала имеет большое значение для просвещения членов общества, ознакомления их с действующим правом в направлении формирования стремления к сплоченности и консолидации усилий.

Согласно Г. Гроцию, правовая справедливость должна господствовать в отношениях между людьми, народами и государствами. Государство существует для соблюдения норм права и общей пользы. Важнейшим инструментом укрепления социального партнерства является общественное мнение, осуждающее несправедливое и неправомерное. Согласно Томасу Гоббсу, человек обязан делать все для сохранения собственной жизни, осуществлять свободный поиск наилучших средств для достижения этой цели. Право состоит в свободе делать или не делать, а закон обязывает, т.е. закон воплощает в себе обязательство, а право предполагает свободу, что представляет собой надежную основу сплоченности людей, понимающих практическую пользу социального партнерства для самосохранения, выживания и развития. Человек должен довольствоваться такой степенью свободы, какую он допустил бы у других людей по отношению к себе.

Справедливость требует, чтобы люди исполняли заключенные ими соглашения. Принудительная власть государства предусматривает за неисполнение договорных отношений такие санкции, которые делают крайне невыгодным нарушение принятых на себя обязательств. Такая позиция государства защищает справедливость. Справедливость предполагает собственность, а она возможна там, где есть государство и принудительная власть, которая направляет их действия к общему благу, к миру внутри общества и взаимной помощи против внешнего врага.

Укреплению социального партнерства способствовало утверждение Т. Гоббса о наличии неотчуждаемых естественных прав человека, в частности, права на жизнь, безопасность и здоровье.

Джон Локк отмечает разумность человека в его стремлении сохранить свою жизнь и свободу, не вредить другим людям, что в полной мере поддерживается государством, способным обеспечить спокойную и безопасную жизнь, защиту собственности и свобод граждан. Свобода людей, говорит Дж.Локк, находящихся под властью правительства, заключается в том, чтобы иметь постоянное правило для жизни, общее для каждого в данном обществе и установленное законодательной властью, созданной в нем; это – свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от неизвест-

ной, неопределенной, самовластной воли другого человека.

Для достижения эффективного управления необходимо разделение властей. Договорные отношения народа и государства представляют собой постоянно обновляющийся процесс развития социального партнерства, поскольку люди учреждают государство для защиты естественных прав, равенства, свободы, собственности посредством установленного общего закона.

Шарль Монтескье связывал прочность социального партнерства прежде всего с духом народа, определяющем дух закона. Только справедливые законы и развитая государственность способны обеспечить гражданские и политические свободы. Закон означает присутствие разумного в общественных и личных отношениях. Закон устанавливает меру свободы как государства, так и гражданина. Для обеспечения социального партнерства важно согласованное действие законодательной, исполнительной и судебной власти. В государстве, пишет Ш. Монтескье, поясняя: т.е. в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, «чего должно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не должно хотеть». Свобода есть право делать все, что дозволено законами. Если бы гражданин мог делать то, что запрещается соответствующими законами, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие граждане. Социальное партнерство требует безопасности членов общества. Социальное партнерство возможно потому, что, как утверждал И. Кант, каждый человек с присущим ему достоинством является абсолютной ценностью. Практический разум требует соблюдения категорического императива: «Поступай так, чтобы максима твоей воли всегда могла быть вместе с тем и принципом всеобщего законодательства» [6, с. 147]. Право ограничивает произвол одного человека по отношению к другому. Оно регулирует поведение людей, обеспечивает моральную автономию человека в силу своей всеобщности, предполагающей механизм принуждения. Обеспечить действие права способно только государство, и чем успешнее оно защищает свободы и законные интересы граждан, тем больше уважения и доверия обретает, укрепляя социальное партнерство: жизнь в гражданском обществе предполагает защиту

естественных прав. Государство возникает в результате общественного договора, заключенного людьми разумными, способными осуществить правильный выбор, определить цель и смысл своей жизни. Общественный договор заключается в целях взаимной выгоды, ибо в государстве, в правовом состоянии, человек обретает подлинную свободу. Важнейшей составляющей социального партнерства является свобода критики относительно справедливости или несправедливости всего того, что происходит в обществе, касается ли это человека или государства. Социальное партнерство опирается на общеобязательные законы и обеспечивает свободу, равенство, независимость всех граждан, связанных едиными правовыми законами. Каждый человек обязан следовать закону и предписаниям государственной власти. Таким образом, государство есть объединение множества людей, подчиненных правовым законам. Благо государства состоит в высшей степени согласованности государственного устройства с правовыми принципами. Стремиться к такой согласованности обязывает разум. Согласно И.Г. Фихте, право появляется на определенном этапе развития социального взаимодействия, требующего укрепления социального партнерства, когда люди признают друг за другом наличие личной свободы. Социальная общность людей гарантирует свободу всех и каждого благодаря наличию совокупности законов. Государство заинтересованно в развитии социального партнерства.

По мысли Гегеля, свобода человека как необходимое условие социального партнерства становится наличным бытием в системе государственно-правовых отношений. Как субъект социального партнерства, человек реализует свободу в контексте и границах наличных государственно-правовых отношений, включающих актуальные и потенциальные возможности реализации свободной воли человека.

В отечественной философской мысли представление о социальном партнерстве тесно и неразрывно связано с идеей соборности. Идея соборности выступает в качестве основополагающей, сквозной в трудах многих русских философов. Это обстоятельство теснейшим образом связано с социальными реалиями. Ясно и отчетливо проявляется соборность в самом строе русской жизни, в самом складе русской души, в самой атмосфере повседневной жизни всех слоев и социальных групп. Не случайно самый

молодой из героев романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» Алеша начинает свою деятельность в мире с установления между окружающими его людьми такого соединения, какое можно назвать только – соборностью. Это соединение, отмечает Вячеслав Иванов, «заключается не ради преследования какой-либо одной цели и не ради служения какой-либо одной идее: соединение это – конкретное и целостное ... соединение людей во имя близкого всем и всех с собой и друг с другом жизненно сроднившего...» [3, с. 578]. Соборность предполагает деятельность и общественную, и индивидуальную, но всегда деятельность творческую, созидательную, в том числе и по формированию, поддержанию и упорядочению самого духа соборности. Сама соборность есть активное деятельностное начало в жизни социума и человека, она помогает найти реальные формы и способы воплощения сущностных сил человека, в том числе и в качестве неповторимой индивидуальности, неотделимой от общечеловеческого.

Таким образом, соборность – это дух и общее дело, важнейшее условие, необходимая и достаточная сила для самосохранения самобытности человеческого общества в его перспективном развитии. Соборность создает условия для выявления самых ярких индивидуальных способностей. Она требует от человека соблюдения фундамирующего условия – усвоения, приятия, искреннего прочувствования соборного духа, ибо соборность – это «такое соединение, где соединяющиеся личности достигают совершенного раскрытия и определения своей единственной, неповторимой и самобытной сущности, своей целокупной творческой свободы» [3, с. 572]. В работе «Духовные основы общества» С.Л. Франк обращает внимание, в частности, на такие сущностные особенности соборности, как: 1) органически неразрывное единство человека и сообщества, 2) статус соборного единства как жизненного содержания самой личности, 3) соборное целое столь же конкретно и индивидуально, как сама личность [9, с. 60–61].

Соборность не имеет ничего общего с объединением обезличенных людей в единство для достижения практических целей; соборность есть единение не сливаемых с целым индивидуальностей, что, собственно, и выступает в качестве источника жизненности, жизнеспособности, жизненной успешности дела, «спасающего саму жизнь» (С.Л. Франк).

Социальное партнерство исходит из признания свободы каждого человека и частной собственности в качестве наивысших социальных ценностей. Их реализация способствует процветанию человека, общества и государства. Правовое государство предполагает защиту и поощрение активности человека, наличие гарантий неприкосновенности сферы частной жизнедеятельности людей. Стремление человека к извлечению максимальной личной пользы, предполагающее умение разумно сочетать свои интересы с интересами других людей и общества в целом, как нельзя лучше соответствует достижению общего блага. Свобода человека, возможности его самоутверждения обеспечиваются частной собственностью и политико-юридическими отношениями. Надежная защита интересов и безопасности позволяет каждому человеку создавать свое жизненное благополучие, не рассчитывая на чью-либо помощь, в соответствии с собственным пониманием счастья и свободного избрания путей его достижения по собственному разумению. Государство обязано предотвращать всякие посягательства на свободу и автономию человека, в том числе и со стороны господствующего общественного мнения, воплощающего взгляды большинства. Свобода человека первична по отношению к государственным и общественным структурам, поэтому эффективность государства в определенной степени зависит от желания и умения граждан налаживать деловые связи и взаимоотношения, соблюдать нормы и правила общежития.

Государство всегда бывает не лучше и не хуже, чем индивиды, его составляющие, утверждал Джон Стюарт Милль. Стремление людей к самосовершенствованию, их высокие деловые и нравственные качества помогают государству установить справедливый правовой порядок, обеспечить законные права и интересы всех членов общества, охрану существующих благ всякого рода. Свободный человек – это всегда человек законопослушный. Свобода есть главное условие всех возможных улучшений в жизни общества и государства, поскольку каждый свободный человек выступает в качестве своего рода центра, источника всевозможных усовершенствований, объединяя свои усилия с усилиями других свободных людей. Свобода создает возможность непосредственной причастности к деятельности государства, а значит, и ответственности народа за состоя-

ние государственного управления. Незаконное нарушение государством свободы частной жизни ведет к распространению социальной пассивности, иждивенческих настроений, к удовлетворению интересов чиновников и бюрократии в ущерб интересам народа. Испаряется дух свободы, забывается о личной достоинстве, растворяется чувство ответственности, наблюдается стремление к самоизоляции, желание замкнуться в рамках личной жизни, равнодушные к общественным делам.

История человеческого общества свидетельствует о том, что постепенно материальная и духовная автономия человека, личная независимость, самостоятельность прочно входит в идею социального партнерства, помогая принятию разумных решений на всех этапах жизненного пути, обеспечивая тем самым достойное существование. Гарантом индивидуальной свободы выступает право. Соблюдение права – главная задача политической власти. Реализация права связана с равенством и свободой. Равенство привлекательно для всех людей. Оно доставляет массу мелких и иных радостей, не требуя каких-либо усилий. Свобода же, как тяжелое бремя, возлагает на человека обязанность быть самостоятельным и ответственным. Человек учится жить свободным, чтобы уметь включаться в разнообразные и тесные связи между людьми, чтобы реализовать свои способности и жизненные возможности, что и определяет величайшую социальную ценность свободы. Постепенно формируется мысль о том, что общество значимее государства, поэтому естественное право выступает в качестве основания для права позитивного, действующего, а истинное призвание государства состоит в служении обществу, в укреплении социального партнерства.

Таким образом, историко-философская и правовая мысль человечества убедительно свидетельствует о том, что социальное партнерство, как величественное и прекрасное достояние человечества, возможно потому, что человек является свободным индивидом, разделяющим ценности правового государства и гражданского общества.

1. Асмус, В.Ф. Античная философия [Текст] / В.Ф. Асмус. М.: Высшая школа, 1976. 542 с.

2. Бердяев, Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) [Текст] / Н.А. Бердяев. М.: Книга, 1991. 446 с.

3. Иванов, Вяч. Собрание сочинений в 4 томах [Текст] / Вяч. Иванов. Том IV. Брюссель, 1987. 676 с.
4. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. СПб.: Наука, 1994. 443 с.
5. Гоббс, Т. О свободе и необходимости. Избранные произведения [Текст] / Т. Гоббс. М.: Мысль, 1964. 736 с.
6. Кант, И. Критика практического разума [Текст] / И. Кант. СПб.: Наука, 1995. 528 с.
7. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд-е второе [Текст] / К. Маркс. Т. III. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 659 с.
8. Платон. Государство. Собрание сочинений в 3 томах [Текст] / Платон. Том III. М.: Мысль, 1968. 654 с.
9. Франк, С.Л. Духовные основы общества [Текст] / С.Л. Франк. М.: Республика, 1992. 511 с.
10. Черногорцева, Г.В. Сущность человека в философии экзистенциализма: Монография [Текст] / Г.В. Черногорцева. М.: МАКС Пресс, 2002. 211 с.

References

1. Asmus V.F. (1976) Antichnaja filosofija. Moscow, Vysshaja shkola, 542 p. [in Rus].
2. Berdjaev N.A. (1991) Samopoznanie (Opyt filosofskoj avtobiografii). Moscow, Kniga, 446 p. [in Rus].
3. Vjach. Ivanov. (1987) Sbranie sochinenij v 4 tomah. Tom 4. Brjussel', 676 p. [in Rus].
4. Gegel' G.V.F. (1994) Fenomenologija duha. St. Petersburg, Nauka, 443 p. [in Rus].
5. Gobbs T. (1964) O svobode i neobhodimosti. Izbrannye proizvedenija. Moscow, Mysl, 736 p. [in Rus].
6. Kant I. (1987) Kritika prakticheskogo razuma, St. Petersburg, Nauka, 528 p. [in Rus].
7. Marks K. (1955) Tezisy o Fejerbahe. Marks K. i Jengel's F. Soch. Izd-e vtroe. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, t. 3, 659 p. [in Rus].
8. Platon. (1968) Gosudarstvo. Sbranie sochinenij v 3 tomah. Tom 3. Moscow, Mysl, 654 p. [in Rus].
9. Frank S.L. (1992) Duhovnye osnovy obshhestva. Moscow, Respublika, 511 p. [in Rus].
10. Chernogorceva G.V. (2002) Sushhnost' cheloveka v filosofii jekzistencializma. Moscow, MAK Press, 211p. [in Rus].

UDC 008.2+394.014

LEGAL GROUNDWORK FOR SOCIAL PARTNERSHIP

Chernogortseva Galina Vladimirovna,
Bauman Moscow State Technical University,
Department of Social Sciences and
Humanities,
Department Chair of Philosophy,
Candd. Sc. (Philosophy), Associate
Professor,
Moscow, Russia.
E-mail: irbiscotta@mail.ru

Annotation

The article deals with the analysis of legal foundations necessary for preserving social partnership. The author considers aspects of legal groundwork for social unity, trust of people to one another and the state.

Key concepts:

legal responsibility,
social partnership,
statutory power,
law,
state.

УДК 343:328

О ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В УКРАИНЕ

Дараган Валерий Валерьевич,
Днепропетровский государственный
университет внутренних дел,
старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники,
кандидат юридических наук,
г. Днепропетровск, Украина.
E-mail: velcom2007@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы формирования типичной программы, направленной на предупреждение коррупции в сфере государственных закупок в Украине на региональном уровне. Особое внимание уделено мероприятиям, которые целесообразно включить в такую программу.

Ключевые понятия:

коррупция,
предупреждение,
государственные закупки,
мероприятия,
региональная профилактика.

Государственные закупки как средство государственного регулирования экономики обеспечивают развитие и функционирование всех сфер экономики страны. С помощью государственных закупок государство удовлетворяет свои нужды в тех или иных товарах, роботах или услугах, обеспечивает и финансирует бюджетные и внебюджетные государственные учреждения.

В последнее время сфера государственных закупок в Украине переживает сложные времена, что имеет очень негативные последствия для развития экономики страны в целом. Уровень коррупции в сфере государственных закупок в Украине негативно влияет на оценку коррупционной составляющей в указанной сфере не только у представителей правоохранительных органов, бизнеса и украинской общественности, а и у представителей международных организаций и фондов, при этом свое беспокойство такие организации высказывают через довольно ощутимые для экономики Украины финансовые санкции.

На сегодняшний день в Украине происходят процессы реформирования, направленные на развитие экономики страны. Одной из основных задач, которые ставятся международными кредиторами и руководством страны, направленных на развитие экономики, является осуществление деятельности по снижению коррупционной составляющей в сфере государственных закупок.

Правительством страны не раз акцентировалось внимание на значительном уровне коррупционной составляющей в сфере государственных закупок и о её влиянии на экономику страны¹.

Предупреждение коррупции в сфере государственных закупок активно изучается учеными как в Украине, так и в других странах Содружества Независимых Государств [5; 7–9].

Несмотря на довольно большой интерес ученых к проблеме противодействия коррупции в сфере государственных закупок, вопросы осуществления указанной деятельности на региональном уровне в Украине не изучались.

Целью статьи является разработка предложений относительно мероприятий, которые целесообразно предусмотреть при формировании типичной программы, направленной на предупреждение корруп-

¹ У четвер, 10 квітня 2014 року, відбулися пленарні засідання Верховної Ради України сьомого скликання [Электронный ресурс]. URL: http://portal.rada.gov.ua/news/Novyny/Plenarni_zasidannya/91335.html (дата обращения: 23.01.2015).

ции в сфере государственных закупок, для осуществления указанной деятельности на уровне регионов Украины.

Для достижения цели были поставлены такие задачи:

- осуществить анализ региональных программ предупреждения и противодействия коррупции для выделения мероприятий, которые направлены на предупреждение коррупции в сфере государственных закупок в отдельных регионах Украины;

- исходя из результатов анализа региональных программ, результатов опроса работников правоохранительных органов, а также анализа научных исследований в данной сфере, выделить мероприятия, которые целесообразно включить в типичную программу, направленную на предупреждение коррупции в сфере государственных закупок на региональном уровне.

Коррупция в сфере государственных закупок является проблемой мирового масштаба, и большинство стран с целью своевременного предотвращения указанного негативного явления разрабатывают и внедряют на государственном уровне соответствующие программы, а некоторые из них объединяются с целью противодействия указанному негативному явлению на общемировом уровне. Так, например, Конвенцией ООН «Против коррупции» вопросу предупреждения коррупции в сфере государственных закупок посвящена отдельная статья (ст. 9). Исходя из положений указанной статьи, каждое государство-участник конвенции обязано осуществлять, согласно основополагающим принципам своей правовой системы, необходимые меры для создания надлежащей системы закупок, которые основываются на прозрачности, конкуренции и объективных критериях принятия решений и являются эффективными с точки зрения предупреждения коррупции.

Несмотря на наличие в нормативно-правовых актах Украины норм, направленных на противодействие коррупции в сфере государственных закупок, уровень коррупции в указанной сфере остается значительным.

14 октября 2014 года Верховным Советом Украины был принят Закон Украины «Об основах государственной антикоррупционной политики в Украине (Антикоррупционная стратегия) на 2014–2017 годы»². Указанный закон направлен на определение

первоочередных мер по предупреждению и противодействию коррупции, которые должны создать основу для дальнейшего проведения реформ в этой сфере.

Отдельной сферой предотвращения коррупции в указанном законе выделена сфера государственных закупок. В положениях о мероприятиях, направленных на предотвращение коррупции в сфере государственных закупок, рассмотрены положительные моменты принятого 10 апреля 2014 года Закона Украины «Об осуществлении государственных закупок», при этом указано, что необходимо осуществлять мониторинг реализации новых положений закона, проанализировать их эффективность в контексте наличия коррупционной составляющей и провести соответствующую корректировку в случае выявления таких рисков.

Исходя из этого, Антикоррупционной стратегией на государственном уровне выделена цель – предотвращение коррупции в сфере государственных закупок. Одним из основных путей достижения указанной цели является осуществление реформирования нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы проведения государственных закупок, для максимального снижения уровня коррупционной составляющей и внедрения прозрачной системы проведения государственных закупок.

Для решения указанной цели предложены следующие мероприятия:

- обеспечить проведение (с привлечением общественности и бизнеса) мониторинга применения Закона Украины «Об осуществлении государственных закупок» с целью выявления недостатков в правоприменении, причин и условий, приводящих к возникновению коррупционных рисков в государственных закупках;

- пересмотреть Закон Украины «Об осуществлении государственных закупок» с учетом практики его применения, необходимости дальнейшего совершенствования его положений, в частности по предотвращению конфликта интересов, усилению санкций за нарушение его положений и тому подобное;

- принять иные меры по предотвращению коррупции в государственных закупках, в частности: обеспечить функционирование системы наложения запрета на участие в процедурах закупок (в частности, в отношении физических и юридических

² Про засади державної антикорупційної політики в Україні (Антикорупційна стратегія) на 2014–2017 роки: Закон України від 14.10.2014 № 1699-VII // Відомості Верховної Ради України 2014. № 46. Ст. 2047.

лиц, которые были привлечены к ответственности за коррупционные или связанные с процедурой закупок правонарушения) и создать реестр недобросовестных участников государственных закупок; ввести систему электронных закупок;

– расширить доступ к информации о закупках, в частности путем обнародования договоров о закупках.

Безусловно, внедрение таких мероприятий в какой-то мере снизит уровень коррупции в рассматриваемой сфере, однако их реализация практически невозможна без соответствующей поддержки на местном уровне.

На сегодняшний день мероприятия, направленные на противодействие коррупции в сфере государственных закупок на уровне регионов Украины, предусмотрены лишь в региональных программах предупреждения и противодействия коррупции. Такие меры присутствуют всего в 9 из 25 регионов Украины [1, с. 241]. При этом мероприятия, направленные на профилактику коррупционных рисков в указанной сфере, как правило, каждый из регионов выделяет разные.

По нашему мнению, для качественного осуществления мероприятий, направленных на предупреждение коррупционных рисков в сфере государственных закупок, необходима разработка региональных программ, направленных на предупреждение коррупции в сфере государственных закупок. Для унификации положений указанной программы, по нашему мнению, такая программа должна быть разработана централизованно и включать в себя основные мероприятия, направленные на предупреждение коррупции в указанной сфере. При этом в указанной типичной программе следует предусмотреть норму, которая бы предоставляла право на дополнение предусмотренных в программе мероприятий исходя из имеющейся необходимости в каждом регионе.

При разработке такой программы, по нашему мнению, целесообразно использовать мероприятия, которые уже использовались отдельными регионами с целью предупреждения и профилактики коррупционных рисков в сфере государственных закупок.

Анализ региональных программ предупреждения и противодействия коррупции позволил нам выделить следующие мероприятия, которые направлены на предупреждение коррупции в сфере государственных закупок в отдельных регионах Украины [1, с. 239–241]:

– снижение уровня коррупции в сферах повышенного коррупционного риска, в частности правоохранительной, судебной, медицинской, земельной, образовательной, налоговой, таможенной сферах, в сферах государственных закупок и публичной службы;

– обеспечение прозрачности процедур и процессов закупок товаров, работ и услуг за государственные средства;

– привлечение общественности к осуществлению контроля за использованием государственного имущества, государственными закупками, арендой и предоставлением в пользование (в собственность) земельных участков, прозрачностью генеральных планов развития населенных пунктов;

– введение действенной системы профессионального отбора кадров для работы в сферах повышенного коррупционного риска, в частности медицинской, земельной, образовательной, сфере государственных закупок и на государственной службе и службе в органах местного самоуправления;

– предотвращение возможных проявлений коррупции, финансовых правонарушений и других злоупотреблений при осуществлении процедуры закупок товаров, услуг за счет государственных средств путем своевременного и открытого информирования по закупкам на сайте территориального управления;

– обеспечение действенного контроля за безусловным соблюдением требований действующего законодательства по составлению договоров на выполнение работ, оказание услуг, приобретение товарно-материальных ценностей и действенный контроль за их выполнением с учетом требований по проведению закупок; при осуществлении последних предпочитать по процедурам открытых торгов;

– обеспечение реализации мероприятий, направленных на недопущение возникновения дебиторской и кредиторской задолженности и действенный контроль за соблюдением расчетной дисциплины. С целью предотвращения отвлечения бюджетных средств неуклонно соблюдать требования Постановления Кабинета Министров Украины от 9 октября 2006 года № 1404 «Вопросы предварительной оплаты товаров, работ и услуг, закупаемых за бюджетные средства»;

– повышение эффективности использования бюджетных ресурсов в сфере закупок;

– обеспечить контроль за: государственными закупками; арендой и предоставлением в пользование (в собственность) земельных участков; прозрачностью генеральных планов застройки населенных пунктов области;

– производить выборочные проверки порядка закупки товаров, работ и услуг за государственные средства в структурных подразделениях облгосадминистрации и райгосадминистрациях;

– проводить внутренний контроль за целевым использованием бюджетных средств, соблюдением процедуры государственных закупок, законодательства по финансовым вопросам в подведомственных структурах;

– совершенствование системы использования государственного имущества и бюджетных средств;

– анализировать систему профессионального отбора кадров для работы в сферах повышенного коррупционного риска, в частности правоохранительной, налоговой, таможенной, земельной, медицинской, образовательной, сфере государственных закупок и на государственной службе;

– профилактика правонарушений и преступности в сфере земельных правоотношений и сфере бюджетного законодательства, в том числе при проведении государственных закупок;

– недопущение хищения бюджетных средств в сфере государственных закупок;

– проводить проверки законности проведения закупок товаров, работ и услуг за государственные средства.

Анализ вышеуказанных мероприятий показал, что значительное их число имеет общий характер, не несущий за собой каких-либо действий со стороны лиц причастных к осуществлению государственных закупок, а некоторые из них уже закреплены на законодательном уровне и должны исполняться и без их закрепления в программе профилактики правонарушений и преступлений. По нашему мнению, из указанных выше мероприятий в типичную программу предупреждения коррупции в сфере государственных закупок на региональном уровне целесообразно включить следующие мероприятия:

– привлечение общественности к осуществлению контроля за осуществлением государственных закупок;

– введение действенной системы профессионального отбора кадров для работы в сфере государственных закупок;

– осуществление своевременного и открытого информирования по закупкам на сайте территориального управления;

– производить выборочные проверки порядка закупки товаров, работ и услуг за государственные средства в структурных подразделениях облгосадминистрации и райгосадминистрациях;

– проводить внутренний контроль за целевым использованием бюджетных средств, соблюдением процедуры государственных закупок.

Выделенные нами мероприятия носят конкретный характер, а их внедрение, по нашему мнению, благоприятно повлияет на снижения уровня коррупции в рассматриваемой сфере.

Также следует отметить, что результаты опроса работников правоохранительных органов, а также анализ зарубежного опыта в данной сфере показал, что в указанный план также целесообразно включить следующие мероприятия³:

– разработать и внедрить методические рекомендации по противодействию коррупции в сфере государственных закупок товаров, работ и услуг;

– проводить семинары и конференции по вопросам совершенствования противодействия коррупции в сфере государственных закупок товаров, работ и услуг. Разработать соответствующие графики их проведения [2];

Кроме указанного, в научном сообществе также существует мнение о необходимости совершенствования механизма контроля за осуществлением государственных закупок.

Так, Е.А. Попова указывает на то, что современная модель контроля в контрактной системе требует дальнейшего совершенствования в части расширения возможностей применения процедур общественного контроля [3, с. 11].

В контексте сказанного нельзя забывать и о контролирующих органах, обязанностью которых является противодействие коррупции в сфере государственных закупок. Как правильно отмечает В.М. Баришников, важным фактором предотвращения проявлений коррупции является совершенствование деятельности соответствующих органов. При этом он отмечает, что

³ О национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы: Указ Президента Российской Федерации № 226 от 11 апреля 2014 года [Электронный ресурс]. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d4d1f765bbb7dc70cb.pdf> (дата обращения: 23.01.2015).

одним из важных факторов, от которого во многом зависит успех в борьбе с коррупцией. Это – кадры. Для подразделений, которые занимаются борьбой с организованной преступностью и коррупцией, необходимо подбирать наиболее честных и преданных делу сотрудников. Ведь не секрет, что коррупция проникла и в правоохранительные органы. Поэтому необходимо разработать и ввести в практику новые квалификационные требования к работникам органов борьбы с коррупцией, методики профессионального отбора сотрудников подразделений, специализирующихся на борьбе с коррупцией [6, с. 40].

В свою очередь О.О. Сидоренко выделяет следующие направления реализации антикоррупционных программ на муниципальном уровне: совершенствование инструментов и механизмов противодействия коррупции, в том числе правовых и организационных; обеспечение объективной оценки процессов и проведения мониторинговых исследований, поиск и внедрение инновационных технологий такого противодействия; активизация антикоррупционного обучения и антикоррупционной пропаганды, вовлечение кадровых, материальных, информационных и других ресурсов гражданского общества в противодействие коррупции; повышение эффективности использования муниципального имущества; последовательное снижение административного давления на жителей муниципальных образований [4, с. 242].

Таким образом, отдельным элементом типичной программы предупреждения коррупции в сфере государственных закупок на региональном уровне, по нашему мнению, целесообразно выделить разработку и внедрение программы по повышению квалификации работников правоохранительных органов и представителей общественных организаций по вопросам противодействия коррупции в сфере государственных закупок товаров, работ и услуг.

Учитывая вышесказанное, можно прийти к выводу, что принятая Верховным Советом Украины Антикоррупционная стратегия является отправной точкой в реформировании национального законодательства относительно предотвращения и противодействия коррупции в сфере государственных закупок, однако реализация ее задач практически невозможна без соответствующей поддержки на местном уровне.

Предложенные нами мероприятия, направленные на предупреждение коррупции

в сфере государственных закупок на региональном уровне, не претендуют на совершенство, но они могут быть использованы в качестве основы для разработки типичной программы предупреждения коррупции в сфере государственных закупок, а также для дальнейшего изучения рассматриваемого вопроса.

1. Дараган, В.В. К вопросу о профилактических мерах предупреждения коррупции в сфере государственных закупок на региональном уровне в Украине [Текст] / В.В. Дараган // Актуальные проблемы криминологического исследования региональной преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Баку: *Полицейская Академия МВД Азербайджанской Республики*, 2014. С. 338-342.

2. Меморандум международной конференции «Практика противодействия коррупции. Основные направления антикоррупционной работы в сфере государственных закупок» [Электронный ресурс]. Департамент города Москвы по конкурентной политике. URL: <http://tender.mos.ru/presscenter/news/detail/909989.html> (дата обращения: 23.01.2015)

3. Попова, Е.А. Контроль в системе государственных и муниципальных закупок: современная модель [Текст] / Е.А. Попова // *Контрактная система: итоги работы и направления совершенствования*. Материалы IV международной научно-практической конференции: Сборник статей. Ростов н/Д: Южно-Российский институт-филиал РАНХиГС, 2014. С. 8–12.

4. Сидоренко, О.О. Эффективность реализации антикоррупционных программ на муниципальном уровне в РФ [Текст] / О.О. Сидоренко // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 4 (108). С. 238–246.

5. Уварова, А.А. Федеральная контрактная система: коррупция в сфере государственных закупок [Текст] / А.А. Уварова // *Наука и современность*. 2014. № 29. С. 260–264.

6. Баришников, В.М. [Baryshnikov V.M.] Запобігання та протидія проявам корупції на державній службі та службі в органах місцевого самоврядування [Текст] / В.М. Баришніков: навч.-метод. посібник / В.М. Баришніков. К., 2013. 172 с.

7. Василичук, В.І. Удосконалення кримінальної відповідальності за злочини у сфері державних закупівель [Текст] / В.І. Василичук // *Науковий вісник Національної академії внутрішніх справ*, 2014. № 1. С. 112–119.

8. Івашук, Ю.П. Чинники виникнення та шляхи мінімізації корупції в секторі державних закупівель (на прикладі України) [Текст] / Ю.П. Івашук // *Теоретичні і практичні аспекти економіки та інтелектуальної власності*. 2014. Вип. 1(10), т. 1. С. 285–291.

9. Шинкевич, А.М. Предотвращение ущерба в сфере государственных закупок подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел [Текст] / А.М. Шинкевич //

Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. Сборник научных трудов. 2015. № 2 (38). С. 68–72.

References

1. Daragan V.V. (2014) *Aktual'nye problemy kriminologicheskogo issledovaniya regional'noj prestupnosti: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Baku, Policejskaja Akademiya MVD Azerbajdzhanskoj Respubliki*, pp. 338–342 [in Rus].
2. Memorandum mezhdunarodnoj konferencii «Praktika protivodejstvija korruptcii. Osnovnye napravlenija antikorrupcionnoj raboty v sfere gosudarstvennyh zakupok» [Jelektronnyj resurs]. Departament goroda Moskvy po konkurentnoj politike, available at: <http://tender.mos.ru/presscenter/news/detail/909989.html> (accessed 23.01.2015) [in Rus].
3. Popova, E.A. (2014) *Kontraktnaja sistema: itogi raboty i napravlenija sovershenstvovanija*. Materialy IV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: Sbornik statej. Rostov n/D, Juzhno-Rossijskij institut-filial RANHiGS, pp. 8–12 [in Rus].
4. Sidorenko, O.O. (2012) *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudence, politologija, kul'turologija*. № 4 (108). pp. 238–246 [in Rus].
5. Uvarova, A.A. (2014) *Federal'naja kontraktnaja sistema: korruptsiya v sfere hosudarstvennykh zakupok*. Nauka y sovremennost', pp. 260–264 [in Rus].
6. Baryshnikov V.M. [Baryshnikov V.M.] (2013) *Zapobihannya ta protydiya proyavam koruptsiyi na derzhavniy sluzhbi ta sluzhbi v orhanakh mistsevoho samovryaduvannya : navch.-metod. posibnyk*. K., 172 p. [in Ukr].
7. Vasylynchuk, V.I. (2014) *Udoskonalennya kryminal'noyi vidpovidal'nosti za zlochyny u sferi derzhavnykh zakupivel'*. Naukovyy visnyk Natsional'noyi akademiyi vnutrishnikh sprav, pp. 112–119 [in Ukr].
8. Ivashchuk, Y.P. (2014) *Chynnyky vynyknennya ta shlyakhy minimizatsiyi koruptsiyi v sektori derzhavnykh zakupivel' (na prykladi Ukrayiny)*. Teoretychni i praktychni aspekty ekonomiky ta intelektual'noyi vlasnosti, pp. 285–291 [in Ukr].
9. Shynkevych, A.M. (2015) *Predotvrashchenye ushcherba v sfere hosudarstvennykh zakupok podrazdelenyyamy po bor'be s ekonomycheskymu prestuplenyyamy orhanov vnutrennykh del. Voprosy krymynolohyy, krymynalystyky y sudebnoy ekspertyzy*. Sbornyk nauchnykh trudov, pp. 68–72 [in Rus].

UDC 343:328

ON THE FORMATION OF REGIONAL PROGRAMS AIMED AT ANTICIPATING CORRUPTION IN THE SPHERE OF PUBLIC PURCHASES IN UKRAINE

Daragan Valeriy Valeryevich,
Dnepropetrovsk State University
of Internal Affairs,
Senior Teacher of the Department Chair
of Operational Investigations and Special
Equipment,
Cand. Sc. (Law),
Dnepropetrovsk, Ukraine.
E-mail: velcom2007@mail.ru

Annotation

The article deals with the aspects of forming a typical program aimed at anticipating corruption in the sphere of public purchases in Ukraine on the regional level. Special attention is given to measures which are worth including in this program.

Key concepts:

corruption,
anticipating,
public purchases,
measures,
regional preventive measures.

УДК 128

ЛИЧНОСТНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИВНЫХ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ: СМЫСЛОЖИЗНЕННАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Шичанина Юлия Владимировна,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Южно-Российский институт управления
(филиал),
профессор кафедры философии
и методологии науки,
доктор философских наук, профессор,
г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: shichanina.yul@ya.ru

Аннотация

Тема познания иных цивилизаций и развития личности рассматривается в связи с проблемой актуализации смысложизненной рефлексии в условиях интенсивных межцивилизационных коммуникаций, путешествия, осознаваемого как жизненный путь и духовно-нравственные искания. Автор анализирует позитивные и негативные аспекты данного опыта.

Ключевые понятия:

межцивилизационные коммуникации,
смысложизненная рефлексия,
герой,
путешествие,
духовно-нравственные искания.

Понятие «смысложизненная рефлексия», подобно таким понятиям, как, например, «интеллектуальная интуиция», в гуманитарных науках имеет неоднозначный и противоречивый характер. Основная сложность при его использовании состоит в том, что рефлексия в рационалистической традиции подразумевает интеллектуальную процедуру самопознания и самоанализа, прежде всего анализа предпосылок собственного мышления и мировосприятия. В этом смысле рефлексия дистанцирует человека от непосредственного переживания жизненного опыта и тем самым создает автономного философского субъекта и его исключительную методологическую позицию. А понятие «смысложизненная рефлексия» неминуемо включает в рассмотрение не только такую логико-семантическую категорию, как «смысл», но еще и такую категорию, как «жизнь», подразумеваемая тем самым в качестве основания жизненный опыт рефлексиирующего, а не только интеллектуальное самодвижение понятия.

Генезис категории рефлексии в рамках социальных и психологических наук (например, в социальной психологии) привел к расширению представления о рефлексии: акт самоанализа субъекта, который включает результаты intersubъективного взаимодействия. Рефлексия в данном смысле фундирована суждениями и оценками со стороны значимых других. Такая рефлексия – это самоанализ на основе взаимодействия и отражения, который есть не только обращение вовнутрь, но и проекция вовне. Соответственно, можно сделать вывод, что смысложизненная рефлексия возникает на пересечении интеллектуального и жизненного опыта, intersubъективного и intersubъективного взаимодействия, является результатом применения императива «познай самого себя» – познания себя в мире и мира в себе.

Смысложизненная рефлексия – процесс поиска человеком ответа на вопрос «Кто Я». В результате поиска вовне человек синтезирует представления о своих социальных ролях и определения себя «кто Я для Других», поэтому так называемая Я-концепция неминуемо включает intersubъективную компоненту внешних оценок и определений. Внутренний поиск ответа на вопрос, «Кто Я» включает поиск ответов на такие философские вопросы, как: кто Я за пределами социума и эмпирического существования; есть ли у меня судьба и предназначение; есть ли у Бога, духа, абсолюта, вселенной и т.д. планы на меня, и имеют ли вселенское значение результаты моего самопознания; как результаты самопознания повлияют на меня в мире и мир во мне? Процесс смысложизненной рефлексии тем самым приобретает характер

духовного становления и развития, которое не просто осуществляется в смысловом логико-семантическом континууме, а имеет социокультурный цивилизационный контекст.

Духовное становление личности прошлых эпох и ее социализация происходили, как правило, в рамках одного-единственного цивилизационного контекста – Западного или Восточного (реже Евразийского), который во многом и формировал стереотипы восприятия человеком себя и мира и логику осмысления жизненных проблем. Исключения составляли личности, которые, в силу особого социального статуса и профессии, имели возможность путешествовать, пересекая географические и цивилизационные рубежи. Эпоха великих географических открытий подарила человечеству возможность более массового контакта с принципиально иными способами организации жизни и миропонимания, способствовала возникновению ряда новых культурно-философских, социально-политических задач и теоретических концептов.

Современный глобальный мир, благодаря развитию транспортных коммуникаций, миграции и туризма, предоставляет почти каждому человеку возможность в той или иной степени сменить цивилизационный контекст и соприкоснуться с иными формами опыта. Практика погружения в иную цивилизационную среду широко используется современными социальными институтами для повышения уровня образования, например, изучения иностранных языков, а также в целях социального управления, культурной, психологической адаптации, борьбы с депрессиями и т.д. Примечательно, что популярными направлениями для представителей современной западной цивилизации выступают страны Азии, особенно Индия, Китай, Непал, в которых существует развитая сеть монастырей, ашрамов, духовных школ, предоставляющих возможность непосредственно изучать и практиковать методы самопознания.

Симптоматично, что тема переосмысления жизни посредством путешествия в иные миры, цивилизации, ухода от цивилизации и социума к природе активно проникает в массовое сознание и культуру посредством литературы и кинематографа. Яркий недавний пример – популярный американский фильм «Дикая» (англ. *Wild*), 2014 года, режиссёра Жан-Марка Валле, экранизация мемуаров Шерил Стрэйд, которая в поисках смысла жизни отправляется в одинокое опасное путешествие, с рюкзаком за плечами, по Тихоокеанской туристической тропе Pacific Crest Trail длиной в 1.100 миль (1.800 километров). Премьера фильма состоялась на кинофестивале в Теллуриде.

Pacific Crest Trail – маршрут вдали от западной цивилизации по наиболее высокому участку хребта Сьерра-Невада и Каскадных гор. На тропу героиню выводят невыносимые душевные муки после внезапной смерти матери и развода с мужем, наркотического и алкогольного забытья, незапланированной беременности и т.д. Внутри цивилизации все способы преодолеть смысложизненный кризис, включая беседы с братом, подругами и психоаналитиком, не дают положительного эффекта. Жизненная ситуация только усугубляется. Поэтому героиня принимает решение о радикальной смене цивилизационного контекста. На экране визуализированная смысложизненная рефлексия героини – женщина в походе ведет дневник о событиях похода и необходимости трансформирующего опыта безусловной радости жизни. В начале пути героиня очень привязана к благам цивилизации и обременяет себя массой ненужных в походе вещей из каталогов для путешественников. Огромный рюкзак за плечами становится наглядным выражением и метафорой невыносимого для хрупкой женщины груза среди людей и вещей. Но постепенно она убеждается в бесполезности многих вещей и приходит к безусловной материальной благополучию радости и простоте жизни. Примечательно, что результатом одинокого опасного путешествия становится опыт приятия героиней не только себя, но и вывод о целостности пути, о том, что ее неблагоприятные поступки, в том числе, привели ее сюда, на эту тропу, к свету и новой себе, через боль и отказ возродили в ней силы к новой жизни.

Смена цивилизационного контекста во многом является предпосылкой ломки стереотипов мышления и выступает катализатором смысложизненной рефлексии. Результатом оказывается не просто перемещение человека в пространстве, смена образа жизни, но и духовно-нравственные искания, осознаваемые им как жизненный путь и духовное путешествие.

«Духовно-нравственные искания с философской точки зрения предполагают прежде всего некий поиск, процесс, живую стихию, в отличие от классических философских систем и квалификационных научных работ, которые по структуре и содержанию являются прежде всего изложением результатов завершеного исследования. В этом смысле духовно-нравственные искания это всегда промежуточные результаты напряженного духовного делания, открытые выводы, которые существуют всегда в контексте личной судьбы и биографии искателя и даже после его смерти остаются открытым полем для диалога с потомками и «идущими по следу».

Можно сказать, что духовно-нравственные искания и есть жизненный путь мыслителя, который в отличие от хроники жизненных фактов насыщен философской рефлексией, обладает внутренней психологической правдой, отражает событийность идей изнутри личной биографии человека-философа.

Жизненный опыт не универсален и психологически неповторим, поэтому философия, рассмотренная не как система категорий, а как духовно-нравственные искания человека-философа, обладает актуальным потенциалом творческого соучастия, переосмысления в актуальном запросе современности универсальных философских идей и вечных ценностей» [9, с. 1344.].

Следует отметить, что смысложизненная рефлексия не эгалитарна и не гарантирована человеку природой. Т.е. она не возникает с той же непреложностью и гарантией, с какой происходит рост физического тела и развитие функций и органов в первой половине жизни человека, когда он в норме приобретает способность отличать себя от окружающего пространства и других, способность социокультурного взаимодействия. Несмотря на то, что рефлексия чаще всего активизируется во второй половине жизни, можно сказать, что рефлексия, как и мудрость, не всегда приходит с возрастом, иногда возраст приходит один. Рефлексия, как правило, возникает в контексте исключительных жизненных обстоятельств и кризисов, пограничных экзистенциальных ситуаций, пробуждения высшей потребности в самоактуализации (Маслоу), развития архетипа самости (Юнг), интенсивного погружения в изучение духовных учений, наук и искусств, овладения философским наследием человечества.

Смена цивилизационного контекста, погружение человека в иную среду, в поле иной субъективности и интерсубъективности в определенном смысле инициирует изменение целей и ценностей. Такое переосмысление можно сравнить с инициацией и процессом самоосуществления, когда обычный человек вступает на необычный для себя путь, выдвигается от обыденности к горизонтам человеческого, в перспективу сверхчеловеческого. Здесь уместно также упомянуть отрефлексированный в рамках психоаналитического направления архетип героя. Как отмечает Джозеф Кэмпбелл [1], древние сказания (мифы и сказки) о героях отражают два фундаментальных для человечества процесса: сотворение мира и становление личности. Причем они оказываются тесно взаимосвязанными: принимая свою избранность и судьбу, тысячелик герой воспроизводит действия демидурга-творца, повторяет космогонический акт, заново воспроизводит то, что возникло в акте

творения, обновляя тем самым мироздание. Его подвиги, свершения, смерть и возрождение соответствуют космогонической символике созидания Космоса из Хаоса, а индивидуальная история (рождение и странствия) воспроизводит символику инициации и обрядов перехода. Так, герой сначала выделяется из общей массы населения, личность открепляется от группы, в которую она первоначально входит. Это начало пути и осознания своей избранности. Герой получает весть и грозное предупреждение об опасности, но тем не менее откликается на зов трансцендентного и принимает вызов судьбы. Это так называемая сепаративная стадия индивидуальной истории героя. Интересно отметить, что, пересекая границы обыденной жизни, герой продвигается вперед до тех пор, пока не столкнется со «стражем порога». Такие хранители оберегают мир с четырех сторон и определяют границы настоящего и горизонт жизни героя. Обычный человек более чем удовлетворен тем, что остается в пределах указанных границ. Путь в неизведанное, предполагающий опасное противоборство со стражем порога, – привилегия героя. На следующем этапе (лиминальная стадия) герою предстоит пересечение порога и жизнь в промежуточном состоянии, «на грани». Это весьма необычное с точки зрения обыденности состояние смерти при жизни, символизируемое нахождением в потустороннем мире (в чреве чудовища, подземелье, на дне моря), за которым открывается возможность трансфигурации, спасения, волшебного бегства – новое рождение и преобразование – реинтеграция. Преображенный герой становится Сверхчеловеком – властелином двух миров, парадоксальным образом обеспечивающим связь посюстороннего с потусторонним, света и тьмы, нуминозности архетипа и обыденности реальности. «Индивид теряет себя в законе и возрождается в тождестве со вселенной. Для Него и через Него создан мир» [1, с. 374].

Достоин внимания, что с точки зрения обыденного человеческого божественный и человеческий миры разнятся, как жизнь и смерть. Переход предполагает преодоление порога Иного мира. «Тем не менее – и в этом заключается важнейший ключ к пониманию мифа и символа – два мира в действительности есть одно. Царство богов является забытым измерением знакомого нам мира. И в открытии этого измерения, вольном или невольном, заключается вся суть свершения героя. Ценности и особенности, которые в обычной жизни кажутся важными, исчезают со вселяющим ужас слиянием самости и того, что представляло собой инаковость как таковую» [1, с. 216].

Большинство так называемых духовных школ в странах Азии воспроизводят особую

фольклорную социокультурную среду: предоставляют путешественникам и духовным искателям возможность полного погружения в иной цивилизационный контекст, проживания смыслов, обучения по принципу приобщения и мистического соучастия, а не традиционного для Запада рационального получения информации. Западный человек, как правило, лишается привычных для себя атрибутов быта (например, ест непривычную ему пищу руками, носит универсальную азиатскую одежду, спит под открытым небом, на полу и т.д.) и социальных маркеров, существует в обстановке дефицита языка и необходимости переориентироваться со слов на эмоции, практикует безмолвие. Это вызывает перезагрузку цивилизационного контекста, перестройку на уровне сознания и тела, способствует инициации и пробуждению архетипа героя. Способствует, но не гарантирует. Даже в случае приятия иного цивилизационного контекста человек нередко регрессирует к привычному образу жизни, как только возвращается домой. Реинтеграции не происходит. Иногда опыт проживания иного оказывается слишком травматичным. Более того, подобный опыт нередко вызывает в человеке отторжение и сопротивление, активное неприятие. Процессы переосознания жизненных смыслов и ценностей приостанавливаются или прекращаются и в тех случаях, когда человек не критически принимает новый контекст, становится фанатиком новой веры, зависает на уровне проживания индивидуального и коллективного мифа. Реинтеграции, преодоления пределов, выхода на новые рубежи осознания и развития, возвращения героя в этих случаях не происходит.

При этом и перед возвратившимся героем, перед возвратившимся из дальних странствий путешественником встает смысло-жизненный вопрос, который знаменует новый этап смысло-жизненной рефлексии, рефлексии как таковой. По преданию, подобный вопрос задала супруга Будды Шакьямуни, когда он возвратился домой, но можно предположить, что такой вопрос должен был неминуемо прозвучать и изнутри героя: Что из того, что ты открыл и понял там путем лишений, усилий и дальних странствий, ты не мог бы понять и обрести здесь?

Изучение дневников, автобиографий многих путешественников в иные миры и цивилизации позволяет сказать, что ответ не всегда «Да». По преданию, Будда в ответ на вопрос опустил глаза и промолчал, как будто ему нечего было возразить жене, сыну, подданным королевства, которых он оставил ради своего путешествия. Нередко люди признают, что так и не нашли того, что искали, или нашли совсем не то, что, как им представлялось,

они ищут в иных цивилизациях и мирах. А то, что им было жизненно необходимо, составляло их подлинное благополучие и счастье, все это время находилось в начальной точке путешествия, рядом, дома. Смена цивилизационного контекста явилась только катализатором смысло-жизненной рефлексии, а не гарантиями и ключами от счастья. Вместе с тем очевидно и то, что единожды начавшись, путешествие и переосмысление продолжается пока жив рефлекслирующий человек. Кто-то из путешественников затем меняет цивилизационный контекст уже не выходя из дома, приобщаясь к иной цивилизации и культуре, например, посредством изучения иной философии или просто иного языка, а кто-то снова надевает на плечи рюкзак и отправляется по новой цивилизационной тропе.

В целом можно сделать вывод, что, с одной стороны, глобализация активно нивелирует культурные различия. Путешественники почти в любой более-менее развитой стране в настоящее время могут найти известные товарные сети и бренды, при необходимости поддержать привычный для себя образ жизни, будучи за тысячи километров от родного дома. С другой стороны, на каждой локальной территории формы универсальной цивилизации неминуемо наполняются специфическим этнокультурным содержанием, создавая новый уникальный контекст. Данные выводы подтверждаются результатами авторского полевого исследования, осуществляемого в течении последних лет (2011–2016 гг.) в Индии. Поэтому верно, что из путешествия никто не возвращается прежним. В целом можно утверждать, что смена цивилизационного контекста не только служит конкретным целям индустрии развлечений, туризма, образования и т.д., но и решает задачи более широкого культурно-философского мировоззренческого характера, выступая мощным катализатором смысло-жизненной рефлексии и личностных трансформаций.

1. Кэмпбелл, Дж. Тысячеликий герой. [Текст] : Пер. с англ. М., 1997. 336 с.

2. Мамардашвили, М., Пятигорский А. Символ и сознание. [Текст] М.: «Азбука», «Азбука-Аттикус», 2011. 320 с.

3. Нарахно, К. Революция, которую мы ждали [Текст]. М.: Независимая фирма «Класс», 2013. 184 с.

4. Пятигорский, А. Введение в изучение буддийской философии [Текст]. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 288 с.

5. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст]. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. 776 с.

6. Тоффлер, Э. Шок будущего [Текст]: Пер. с англ. М.: «Издательство АСТ», 2002. 557 с.

7. Тэрнер, В. Символ и ритуал. [Текст]. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1983. 277 с.

8. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимее-

ва. Ю. Новикова. М: ООО «Издательство АСТ», 2003. 573.

9. Шичанина, Ю.В. Духовно-нравственные искания как жизненный путь: Петр Демьянович Успенский. Поиски иных измерений и тайного знания. Очерк первый [Текст] // *Философия и культура*. 2014. № 9. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.9.12728.

10. Шичанина, Ю.В. Духовно-нравственные искания как жизненный путь: Петр Демьянович Успенский. Многомерная вселенная и «система» Г. Гурджиева. Очерк второй [Текст] // *Философия и культура*. 2014. № 11. С. 1652–1663. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.11.12729.

11. Шичанина, Ю.В. П. Д. Успенский [Текст]. Ростов н/Дону: Изд-во Март, Серия «Философы XX века» – «Отечественная философия». 2006. 112 с.

12. Шичанина, Ю.В. Феномен иномерности в современной культуре (философско-культурологический анализ) [Текст]. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. Ун-та, 2004; 428 с.

13. Шичанина, Ю.В. Человек «иномерный»: парадоксы антропологической меры. [Текст] Ростов н/Д.: Изд-во Рост. пед. Ун-та, 2006. 444 с.

14. Элиаде, М. Йога: бессмертие и свобода [Текст] /Пер. с англ. С.В. Пахомова. СПб., Изд-во «Лань», 1999. 427 с.

15. Элиаде, М. Священное и мирское [Текст] /Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 143 с.

References

1. Kjemppbell Dzh. Tysjachelikij geroj: Per. s angl. M., 1997. 336 p. [in Rus].

2. Mamardashvili M., Pjatigorskij A. Simvol i soznanie. M.: «Azбука», «Azбука-Attikus», 2011. 320 p. [in Rus].

3. Narahno K. Revoljucija, kotoruju my zhdali. M.: Nezavisimaja firma «Klass», 2013. 184 p. [in Rus].

4. Pjatigorskij A. Vvedenie v izučenie buddijskoj filosofii M.: Novoe literaturnoe obozrenie», 2001. 288 p. [in Rus].

5. Toffler Je. Tret'ja volna. M.: ООО «Firma «Izdatel'stvo АСТ», 2004. 776 p. [in Rus].

6. Toffler Je. Shok budushhego: Per. s angl. – M.: «Izdatel'stvo АСТ», 2002. 557 p. [in Rus].

7. Tjerner V. Simvol i ritual. M.: Nauka; Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1983. 277 p. [in Rus].

8. Hantington S. Stolknovenie civilizacij / S. Hantington; Per. s angl. T. Velimeeva. Ju. Novikova. – M.: ООО «Izdatel'stvo АСТ», 2003. 573 p. [in Rus].

9. Shichanina Ju.V. Duhovno-nravstvennyye iskanija kak zhiznennyj put': Petr Dem'janovich Uspenskij. Poiski inyh izmerenij i tajnogo znanija. Oчерk pervyj // *Filosofija i kul'tura*. – 2014. – № 9. – S.1344. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.9.12728. [in Rus].

10. Shichanina Ju.V. Duhovno-nravstvennyye iskanija kak zhiznennyj put': Petr Dem'janovich Uspenskij. Mnogomernaja vselennaja i «sistema» G. Gurdzhieva. Oчерk vtoroj // *Filosofija i kul'tura*. – 2014. – № 11. – S. 1652–1663. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.11.12729. [in Rus].

11. Shichanina Ju.V. P. D. Uspenskij. Rostov n/Donu: Izd-vo Mart, Serija «Filosofy HH veka» – «Otechestvennaja filosofija». 2006. 112 p. [in Rus].

12. Shichanina Ju.V. Fenomen inomernosti v sovremennoj kul'ture (filosofsko-kul'turologičeskij analiz). Rostov n/D.: Izd-vo Rost. Un-ta, 2004; 427 p. [in Rus].

13. Shichanina Ju.V. Chelovek «inomernyj»: paradoksy antropologičeskoj меры. Rostov n/D.: Izd-vo Rost. ped. Un-ta, 2006. 444 p. [in Rus].

14. Jeliade M. Joga: bessmertie i svoboda /Per. s angl. S.V. Pahomova – SPb., Izd-vo «Lan», 1999. 427 p. [in Rus].

15. Jeliade M. Svjashhennoe i mirskoe /Per. s fr., predisl. i komment. N.К. Garbovskogo – M.: Izd-vo МГУ, 1994. 143 p. [in Rus].

UDC 128

PERSONAL TRANSFORMATIONS IN THE CONTEXT OF INTENSIVE CIVILIZATIONAL COMMUNICATIONS: LIFE-PURPOSE REFLEXION

Shichanina Yuliya Vladimirovna,

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation,

South-Russian Institute of Management (branch),

Professor of the Department Chair of Philosophy and Science Methodology, Doctor of Philosophy, Professor, Rostov-on-Don, Russia.

E-mail: shichanina.yul@ya.ru

Annotation

The aspect of learning other civilizations and personal development is considered in connection with the problem of actualizing life-purpose reflexion in the context of intensive civilizational communications, a journey which is interpreted as a life journey and mental and moral strivings.

The author analyzes positive and negative aspects of the given experience.

Key concepts:

civilizational communications, life-purpose reflexion, hero, journey, mental and moral strivings.

УДК 130

DE RE AD ABSURDUM: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ФЕНОМЕНЕ КОСПЛЕЯ (ОНТО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Пеннер Регина Владимировна,
Южно-Уральский государственный
университет (НИУ),
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Аннотация

Объектом данной статьи является феномен косплея, а предметом – проблема идентичности косплеера.

В статье проблема идентичности рассмотрена с ракурса антропологического кризиса. Обозначены причины возникновения и популярности косплея в границах современной медиакультуры. Сделан вывод о том, что «облекаясь» в «карнавальную» маску, косплеер может и «растерять» себя, раздробившись на несобираемое множество, и одновременно с тем обрести целостного себя, увидев себя в Другом.

Ключевые понятия:

медиа,
косплей,
виртуальная реальность,
Другой,
виртуальный Другой.

В 1957 году в свет вышла работа Р. Барта «Мифологии». В этой работе было проанализировано актуальное на тот момент состояние массовой культуры. Но это не было ново. Еще до пятидесятих феномен массовой культуры если и не являлся центральной темой гуманитарных исследований, то как минимум нашел свое место в гуманитаристике – достаточно вспомнить работы Й. Хейзинги, Х. Ортеги-и-Гассета, В. Бенямина, Т. Адорно и др. Вместе с тем в своих многочисленных эссе Р. Барт обращался к массовой культуре не как единому феномену, подступая к нему онтологически, антропологически, а то и просто культурологически. Р. Барта интересовала массовая культура как феномен, породивший ряд примечательных явлений: рекламный плакат, фотографию военного в иллюстрированном издании, спектакль или телевизионную программу, а то и вовсе фото актера в фойе театра. Достоин ли подобный «мусор» того, чтобы именоваться материалом для размышлений? Многие мыслители того времени воспротивились тому, что «витающая» в «облаках» философия опускается на «грешную» землю. Однако своим исследованием Р. Барт четко продемонстрировал актуальную позицию мыслителя XX столетия: стоит ли философии продолжать задавать общетеоретические вопросы, приоткрывающие «завесу тайны» мира, человека, будущего – стоит; сможет ли она обнаружить ответы на поставленные вопросы без обращения к актуальному состоянию человека, культуры и техники – нет, не сможет.

Подобный «мусорный» материал для философской рефлексии есть и сегодня. Кстати, куда ни глянь, этого префилософского «мусора» достаточно в любой сфере человеческой деятельности. Тем не менее сузим область своего исследования до медиа, а объектом исследования в данной статье назовем феномен косплея.

Косплей – феномен, на первый взгляд далеко стоящий от философствования. Косплей есть не более чем воплощение популярного образа и фиксация этого воплощения на фотографии. Даже при этом поверхностном взгляде возникает далеко не поверхностный вопрос: зачем современным фанатам воплощать образ полюбившегося персонажа? Этот воп-

рос выбрасывает нас не в бытие и не на пыльную дорогу (излюбленные образы одного экзистенциалиста), а к проблеме идентичности. Этот вопрос можно конкретизировать: с какой целью реальный человек примеряет на себя маску виртуального персонажа, при этом косплеер не преследует конкретный практический интерес. Ответ, также как и вопрос легок и, на первый взгляд, непротиворечив – косплеер изображает другого по той простой причине, что самому ему нечего показать миру. Он даже не отказывается от Dasien, воплощая das Man, он просто надевает маску, скрывающую ничто. Этот «красивый» ответ четко позиционирует критический подход к современности. Но проблема коренится в том, что реальные косплееры есть люди, которые своей деятельностью не скрывают за маской ничто, а самореализуются, воплощая творческую потенцию. Так мы выходим на проблему, касающуюся не отдельных «жалких» людей, но на проблему бытия современного человека – использование актуальных средств визуализации ради закрепления в «истории» множества «своих» масок.

Отвечая на пассаж постмодернистов, открывших в XX в. истину о том, что язык говорит человеком, В.В. Савчук писал, что не человек смотрит образы, а образы смотрят им [11]. Своим утверждением В.В. Савчук констатировал мысль о том, что визуализация в наше время достигла апогея. И феномен косплея выступает ярким тому доказательством. Проблема кроется в том, что, создав визуальные образы, человек оказался не в силах управлять своим творением. Д. Кампер лаконично выразил живую проблему: «Люди никогда не были властителями образов. Как никогда не станут властителями знаков. Средства власти могущественнее того, кто их использует» [8, с. 55]. Эта цитата демонстрирует диалектику деятеля и продукта деятельности. В XX веке противостояние между творцом и творением осложнилось проникновением техники в существование человека. Из создателя человек превратился в раба техники (М. Бердяев), утратив осмысляющее раздумье и оставшись с калькулирующим мышлением (М. Хайдеггер). Но желание обладать творением если не через овладение предметом, то через его образ в эпоху техни-

ческой воспроизводимости только растет (В. Беньямин).

Любопытно же то, что в обыденном сознании косплей закрепился как движение гиков относительно небольшой группы людей с явно странными предпочтениями. Любопытен этот факт и в том аспекте, что порицается косплей теми, кто и сам не прочь выложить антологию своего дня – от завтрака до ужина – в Instagram. Современный человек конституирует свой образ (не самого себя!) на экране, коммуницируя с внешним миром посредством электронного image. Сказанное отсылает нас к фигуре в дискурсе Ж. Бодрийера – человеку телематическому – с тем отличием, что сегодня человек не только потребляет электронные образы, но и посредством компьютера проецирует одного или несколько электронных Я. И вновь возвращаемся к проблеме идентичности. В начале XXI столетия социальные сети обозначили свою миссию – дать каждому возможность продемонстрировать свое Я. Но Я не идеально: мы слишком молоды либо слишком стары, несколько полноваты или худы. Главное, мы не то Я, которым можно гордиться. Решение проблемы – подкорректировать это Я; в крайнем случае – «надеть» иную оболочку.

Сами косплееры признают тот факт, что косплей коренится в карнавале. Признанным экспертом празднеств карнавного типа, как примера народно-площадной культуры и народного смеха, является М. М. Бахтин. В своем исследовании он утверждал, что карнавал не есть обыденная постановочная форма, но «реальная форма жизни» [3]. Карнавал в отличие от официального праздника был «вольной формой» существования средневекового человека, возрождение и обновление его духа. В конечном счете карнавал выступал идеальной формой для воплощения человеком свободы. Подобное мы обнаруживаем в особой форме косплей-движения – в фестивалях косплея, где, по словам самих участников, происходит духовное единение абсолютно незнакомых людей [15]. И вновь возвращаемся к проблеме идентичности: фрагментированные люди обретают искомую целостность, достигают счастья в кругу им подобных там, где они не гики, а их личины не предмет осуждения. Но не все так гладко. Наобо-

рот, с утверждением духовного потенциала карнавала на первый план выступает кажущаяся уже решенной, но пока не преодоленная проблема: для обретения своей целостности косплеер обращается к образам. Проблему эскалации воображаемого в жизни современного человека решал в своем исследовании медиа Д. Кампер.

Опираясь на работы В. Флюссера, Д. Кампер вышел на «негативную антропологию», суть которой можно свести к положению о том, что человек, освободив свои руки, стал творить культуру, письмо, техно. Представленные творения, как полагалось, должны были вывести человека «наверх», «в свет» [8, с. 68]. Однако творческая деятельность оказалась «контрдвижением», «деэскалацией» от тела к абстракции, «в нулевое измерение» [8, с. 68–69]. Так Д. Кампер вышел на концепт «антропологического четырехугольника»: «тело, образ, письмо / язык, время» [8, с. 71]. Кажется, что этот четырехугольник не проблематичен по своей сути: испокон веков человек созидал культурную составляющую, все больше отдаляясь от первоначального природного материала. Но Д. Кампер писал, что удаление человека от своего тела должно иметь разумные пределы. Выход человека в нулевое измерение, растворение в абстракции (будь то, по логике трансгуманистов, выход человеческого сознания в Интернет или перенос его на иной органический / неорганический носитель) полагает небытие человека как *homo sapiens sapiens*. Нигилист предыдущих эпох обнаруживает в XXI в. абсолютное одиночество, которое ему не под силу. Он сознательно меняет бывшую некогда комфортной конфронтацию на растворение во множестве иных тел-абстракций (вот она, аллюзия на предельную популярность сети Интернет в современном мире). Это растворение во множественности, «становление человека от субъекта к проекту» [8, с. 76] предопределило утрату им идентичности.

Для иллюстрации своих тезисов Д. Кампер привел следующую схему:

Три, два, один, нуль.

Пространство, поверхность, линия, точка.

Тело, образ, письмо, время.

Чувство, видение, чтение, вычисление [8, с. 78]. В схеме явно прочитывается «ки-

вок» критике философов вычислительной активности *homo sapiens* XXI в., критике, успевшей стать в пределах философского исследования классической. Нуль, точка, время и вычисление как заключительные элементы схемы Д. Кампера выступают указателем движения человека к смерти. Достигая нулевого измерения, человек превращается в того, кто просчитывает все и вся, но уже не способен быть, оказавшись лицом к лицу с «эмпирическим и экзистенциальным одиночеством» [8, с. 84–85] (как герои мультфильма 2015 г. «Маленький принц» М. Осборна). Но это не есть конец ни философии, ни человека. Вслед за В. Флюссером Д. Кампер видел разрешение проблемы в поиске бессмертия в Другом, в преодолении кодифицированного мира (кодов культуры, например) посредством «прыжка в уничтожающую пропасть», посредством «смелости на ужас» [8, с. 85–86]. Иными словами, из абстракции человеку необходимо начать обратный путь – «деэскалацию» – в телесное измерение. Но можно ли назвать карнавальные маски косплея примером этого обратного движения – пока остается вопросом.

Неудивительно то, что большинство теоретических материалов о косплее, «гуляющих» сегодня по Интернету, подготовлено самими косплеерами и во многих случаях для косплееров. В небольших заметках и статьях косплееры раскрывают историю феномена, специфику его становления в России и, конечно, пытаются проникнуть в онтологическую форму бытия. Удивительно здесь другое: даже в относительно однородной среде незначительного числа материалов присутствует конфликт по вопросу о том, чем является косплей. Согласно позиции одного из полюсов, косплей предстает как «явление чисто эстетическое, провозглашающее диктат внешнего над внутренним, формы над содержанием, костюма над человеком, границы над свободой» [1]. И. Антоновский, автор приведенной цитаты, уверен, что косплей – результат антропологического кризиса, единичного / массово распространяющийся вирус этого кризиса в быту человека. Если И. Антоновский утверждает раздробление и истребление человека посредством косплея (на место человека встает личина, так же

как некогда тень заняла место ученого в одной известной сказке Г.-Х. Андерсена), то Е. Самойлова именно в косплее видит механизм для сборки раздробленного человека: «Феномен косплея становится как никогда важным в современной культуре, ведь он выступает элементом фиксации идентичности человека, его «Я», которое на настоящий момент характеризуется раздробленностью и фрагментарностью. Косплей помогает через закрепление «Я» персонажа и человека, зафиксировать разные пласты раздробленного бытия» [12, с. 681]. Обе контрарные позиции, как кажется, не лишены идеалистического налета. Безусловно, винить косплей во всех бедах человека *in reале* бессмысленно. Это не причина, а результат кризиса современности, погрязшей в «путях» медиа. Но косплей не может выработать универсального лекарства от существующих проблем. Вместе с тем сами косплееры уверены в том, что их деятельность помогает им в формировании их идентичности. Поэтому вернемся к проблеме идентичности, красной нитью проходящей сквозь нашу статью.

Далеко не новым станет тезис о том, что в своем историческом развитии человек попеременно переживал периоды гармонии и кризиса. И если в условиях гармоничного состояния человека можно определять через микрокосм, как иллюстрацию самой космической гармонии; то кризис, в свою очередь, иллюстрирует дисгармонию человека с самим собой и с миром в целом – это хаос, в котором человек выступает одновременно всем и ничем. Вспомним, что ранее цитированный нами Д. Кампер полагал возвращение человека в «лоно» гармонии посредством налаживания диалога друзей [8, с. 86]. Поэтому проблему идентичности рассмотрим в ракурсе отношения Я – Другой. В качестве иллюстраций изберем дискурсы философии экзистенциализма и философии постмодернизма, а точнее – отдельные тексты представителей обоих дискурсов: Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто», (часть третья «Для-другого») и Ж. Делеза «Мишель Турнье и мир без Другого».

Ж.-П. Сартр, обозначив ключевой вопрос своего исследования: что есть бытие-для-себя, – вышел на иной вопрос: а что есть бытие-для-другого. Кажется, зачем

задаваться вопросом о другом, если следовало бы разобраться с вопросом о себе. Вместе с тем понимание человеком самого себя, по Ж.-П. Сартру, невозможно в отрыве от понимания им того, кем он предстает в глазах Другого. В раскрытии этого тезиса Ж.-П. Сартр опирался на материал осмысления некоторых чувств, в том числе осмыслив чувство стыда: человек не может стыдиться просто так, необходим кто-то другой как «мерило» его действий, судья, в глазах которого он может устыдиться своих поступков. То есть для Ж.-П. Сартра Другой выступает объектом моего наблюдения, в то время как Я являюсь объектом для него.

Ж. Делез, в свою очередь, полагал Другого за систему, актуализирующую целое поле «виртуальностей и потенциалностей» [6]. Другой есть тот, кто «обеспечивает в мире кромки и переносы», кто выступает «нежностью смежности и сходства», кто «регулирует преобразования формы и фона, изменения глубины», кто «препятствует нападению сзади», кто «населяет мир доброжелательным гулом» [6]. Зачем нужен этот Другой? По той простой причине, отвечал Ж. Делез, что человек заброшен в мир чуждых ему объектов, угрожающих гармонии его бытия. Без Другого человек с необходимостью натывается на эти объекты, рана самого себя, потому что не видит их границы. Другой выступает той дружественной кромкой, которая демонстрирует человеку его пределы. Только в соединении с Другим возможно «оцелоупливание», благодаря которому Я видит глубину и ширину объективированного мира. Иными словами, Другой – это, с одной стороны, «структура поля восприятия, без которой поле это в целом не функционировало бы так, как оно это делает»; а с другой стороны, это «выражение возможного мира, это выражаемое, постигнутое как еще не существующее вне того, кто его выражает» [6]. Раскрыв концепт Другого на материале трагедии Робинзона, Ж. Делез заключил, что Другой – это маяк, освещающий мой мир. С утратой Другого Робинзон утратил свет, его окружали только тени.

Попытавшись выразить позиции мыслителей XX в., вернемся к проблеме идентичности, а точнее к вопросу о том, почему Другой столь актуален в разрезе иденти-

фикации человеком самого себя. Все же не зря Аристотель именовал человека животным и политическим, и социальным. Человек невозможен вне социума. Иными словами, нет человека без Другого. И здесь не принципиальным становится вопрос, о каком Другом идет речь: друге, враге, конкретном человеке, группе, социуме, институте и т. д. Принципиальным становится то, что в XXI в. «точки кипения» достигает проблема человеческого одиночества, переродившаяся в отчаяние и угасание функционирующей структуры. Утрата Другого влечет за собой утрату человека. А в этом контексте актуальность обретает косплей-движение, которое собирает в единую структуру разбросанных по планете гиков.

Возможно, для осмысления косплея нужно быть косплеером. Но эта статья не преследовала цель ответить на вопрос, хорошо или плохо быть косплеером. Восприняв идею антропологического кризиса, до сих пор витающую в философском поле, автор статьи попытался ответить на вопрос о причинах возникновения и популярности косплея именно в границах медиакультуры, находящейся под обстрелом резкой критики интеллектуальных кругов. Поразителен тот факт, что некоторые косплееры не видят будущее этого феномена; для них нет косплея завтра. Но это уже иная проблема, которая может стать темой другой статьи. Тем не менее следует отметить, что проблема коммуникации с виртуальным Другим не ограничена практикой «переодевания» в этого Другого. Коммуникация возможна и при установлении с Другим мыслительной рефлексивной связи, например, в практике видеограундинга, что уже было отмечено в иных публикациях [7; 9; 10].

1. Антоновский, И. Жизнь по законам косплея [Электронный ресурс] / И. Антоновский. URL: <http://mtrpl.ru/cosplay/> (дата обращения: 29.01.2016).

2. Барт, Р. Мифологии [Текст] / Р. Барт. М.: Академический Проект, 2010. 352 с.

3. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса [Электронный ресурс] / М.М. Бахтин. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Baht/index.php (дата обращения: 29.01.2016).

4. Беньямин, В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости : Избранные эссе [Текст] / В. Беньямин. М.: Медиум, 1996. 240 с.

5. Бердяев, Н.А. Человек и машина [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1933_384.html (дата обращения: 29.01.2016).

6. Делез, Ж. Мишель Турнье и мир без Другого [Электронный ресурс] / Ж. Делез. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/delyoz-zh/mishel-turne-i-mir-bez-drugogo> (дата обращения: 29.01.2016).

7. Дыдров, А.А. Свобода человека и человекоподобных существ (на материале фантастических литературных и аудиовизуальных произведений) [Текст] / А.А. Дыдров, Р.В. Пеннер // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 1 (33). С. 87–91.

8. Кампер, Д. Тело. Насилие. Боль: Сборник статей [Текст] / Д. Кампер. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. 174 с.

9. Пеннер, Р.В. Свобода «по-калифорнийски», или Восприятие «онтологического понимания» свободы видеограундером [Текст] / Р.В. Пеннер // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2014. № 1 (13). С. 94–100.

10. Пеннер, Р.В. Видеограундинг как практика осмысленного бытия человека в пространстве медиакультуры [Текст] / Р.В. Пеннер. «Культура. Власть. Общество: пути реализации государственной культурной политики: материалы межрегиональной научно-практической конференции». Екатеринбург, 2015. С. 120–123.

11. Савчук, В.В. Неизбежность медиафилософии [Электронный ресурс] / В.В. Савчук. URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_inevitability/ (дата обращения: 29.01.2016).

12. Самойлова, Е.О. Онтологические компоненты феномена косплея [Текст] / Е.О. Самойлова // Философские науки. 2014. № 9. С. 678–679.

13. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто [Текст] / Ж. П. Сартр. М.: АСТ, 2009. 928 с.

14. Хайдеггер, М. Отрешенность [Электронный ресурс] / М. Хайдеггер. URL: <http://www.lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt> (дата обращения: 29.01.2016).

15. Ханова, П. Есть ли у косплея смысл? [Электронный ресурс] / П. Ханова. URL: http://expert.ru/russian_reporter/2014/33/est-li-u-kospleya-smysl/ (дата обращения: 29.01.2016).

References

1. Antonovskij I. Zhizn' po zakonam kospleja, available at: <http://mtrpl.ru/cosplay/> (accessed 29.01.2016) [in Rus].

2. Bart R. (2010) Mifologii. Moscow, «Akademicheskij Proekt», 352 p. [in Rus].

3. Bahtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura Srednevekov'ja i Renessansa*, available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Baht/index.php (accessed 29.01.2016) [in Rus].

4. Ben'jamin V. (1996) *Proizvedenie iskusstva v jepohu ego tehničeskoj voproizvodimosti: Izbrannye jesse*. Moscow, «Medium», 240 p. [in Rus].

5. Berdjaev N.A. *Chelovek i mashina*, available at: http://krotov.info/library/02_b/berdjaev/1933_384.html (accessed 29.01.2016) [in Rus].

6. Delez Zh. *Mishel' Turn'e i mir bez Drugogo*, available at: <http://anthropology.ru/ru/text/deleoz-zh/mishel-turne-i-mir-bez-drugogo> (accessed 29.01.2016) [in Rus].

7. Dydrov A.A., Penner, R.V. (2013) *Vestnik Cheljabinskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv*, no. 1 (33), pp. 87–91 [in Rus].

8. Kamper, D. (2010) *Telo. Nasilie. Bol': Sbornik statej*. St. Petersburg, Izd-vo Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii, 174 p. [in Rus].

9. Penner R.V. (2014) *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, no. 1 (13), pp. 94–100 [in Rus].

10. Penner R.V. (2015) *Videograunding kak praktika osmyslennogo bytija cheloveka v prostranstve mediakul'tury. «Kul'tura. Vlast'. Obshhestvo: puti realizacii gosudarstvennoj kul'turnoj politiki: materialy mezhhregional'noj nauchno-praktičeskoj konferencii»*. Ekaterinburg, pp. 120–123 [in Rus].

11. Savchuk V.V. *Neizbežnost' mediafilosofii*, available at: http://mediaphilosophy.ru/biblioteka/articles/savchuk_inevitability/ (accessed 29.01.2016) [in Rus].

12. Samojlova E.O. (2014) *Filosofskie nauki*, no. 9, pp. 678–679 [in Rus].

13. Sartr Zh.-P. (2009) *Bytie i nichto*. Moscow, «AST», 928 p. [in Rus].

14. Hajdegger M. *Otreshennost'*, available at: <http://www.lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt> (accessed 29.01.2016) [in Rus].

15. Hanova P. *Est' li u kospleja smysl?* Available at: http://expert.ru/russian_reporter/2014/33/est-li-u-kospleya-smysl/ (accessed 29.01.2016) [in Rus].

UDC 130

DE RE AD ABSURDUM: THE PROBLEM OF HUMAN IDENTITY IN THE PHENOMENON OF COSPLAY (ONTO- ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS)

Penner Regina Vladimirovna,
South Ural State University (NRU),
Associate Professor of the Department
Chair of Philosophy,
Cand.Sc. (Philosophy),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Annotation

The object of the article is a phenomenon of cosplay and the subject is the problem of a cosplayer's identity. The problem of identity is considered from the viewpoint of anthropological crisis. The author points out the causes of occurrence and popularity of cosplay within up-to-date media culture. The author makes a conclusion that putting on a "carnival" mask a cosplayer may lose his selfhood splitting into uncountable multitude and at the same time find himself seeing himself in the Other.

Key concepts:

media,
cosplay,
virtual reality,
the Other,
virtual Other.

УДК 130

СЦЕНАРИИ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ НОМО SAPIENS И POSTHUMAN В ДИСКУРСАХ ТРАНГУМАНИЗМА

Дыдров Артур Александрович,
Южно-Уральский государственный
университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Аннотация

Объектом данной статьи являются дискурсы трансгуманизма, а предметом – сосуществование человека и постчеловека. Рассмотрены основные сценарии со-бытия homo sapiens и posthuman. Трансгуманисты почти не акцентируют внимания ни на дегуманизирующей силе науки, ни на возможных негативных последствиях взаимодействий человека и постчеловека. Тем не менее вопрос о возможном деструктивном отношении постчеловека к человеку требует пристального внимания.

Ключевые понятия:
трансгуманизм,
власть,
постчеловек,
будущее,
НБИК-технологии.

Трансгуманизм – движение, направленное на радикальное изменение природы человека посредством применения НБИК-технологий. Трансгуманизм зародился на Западе во второй половине XX в. Идеи трансгуманистов постепенно распространились и в России. Возникли общественные организации – «Российское трансгуманистическое движение» и «Россия 2045». Представители этих организаций никогда не скрывали приверженности идеологии трансгуманизма. В XXI в. трансгуманизм вышел за пределы кабинетов. Он распространился по миру, влияя на мировоззрение многих людей, поколебав традиционные ценности и идеалы. Исследователи трансгуманизма особое внимание уделяли этическим проблемам, прочно связанным с агрессивным вмешательством в природу человека. Например, вопросы этики были поставлены Н.Д. Субботиной. В статье «Гуманизм и трансгуманизм» автор указал, что трансгуманисты нарушают меру в своем стремлении удовлетворить человеческие потребности [14, с. 8]. В своем обстоятельном исследовании «От общества гуманизма к обществу трансгуманизма?» Н.С. Шиловская называла трансгуманизм симуляцией гуманизма. Кроме того, человек в трансгуманистическом дискурсе и сам становится симуляцией [18, с. 141–142]. Обозначенные авторы противопоставили трансгуманистическим идеалам правовые и этические доктрины, фундированные абсолютной ценностью жизни, свободы, прав человека и т. д.

В данной статье представлены некоторые результаты анализа идей трансгуманизма. Предмет исследования – сценарии сосуществования человека и posthuman в дискурсе трансгуманизма. Ограничение области исследования обусловлено, во-первых, принципиальной важностью темы со-бытия человека и постчеловека, во-вторых, недостаточной изученностью темы, в-третьих, претенциозностью трансгуманистов, не акцентирующих внимания на данном вопросе.

Размышляя о предстоящих модификациях природы человека, трансгуманисты, быть может того не подозревая, перекидывают мосты к вопросам о власти и об управлении, к проблемам регуляции жизни человечества в мире будущего. Дискурс трансгуманизма «разговорчив», когда дело касается описания различных технологий (нанотехнологий, инфотехнологий, когнитивных и т. д.). Но чем дальше мысль движется вдоль ленты времени в будущее, тем

молчаливее становятся трансгуманисты. Существует определенный набор типовых фраз, выражающих бессилие трансгуманистов перед неопределенностью будущего: «постчеловеческая цивилизация может принять различные формы» [4]; «разумеется, почти невозможно предсказать, как будет развиваться подобная цивилизация» [Там же]; «мы, люди, не способны представить себе, что значит быть постчеловеком» [5]; «постчеловек может мыслиться по-разному» [13] и др. Тем не менее представляется возможным обозначить несколько сценариев будущего в дискурсе трансгуманизма. Все эти сценарии связаны с вопросами управления и власти.

1. Сценарий «Матрицы». Данный сценарий получил свое название благодаря небольшой статье Н. Бострома «Доказательство симуляции» («Are you living in a computer simulation?»). Американский профессор утверждал, что перманентно возрастающая мощность вычислительных машин может использоваться постлюдьми для создания компьютерных симуляций, в том числе симуляций эволюции постчеловечества. Для Н. Бострома «очевидно», что сознание человека не имеет неразрывных связей с мозгом. Сознание можно отделить от нейронов и глиалий (достаточно вспомнить идею трансгуманистов о «загрузке»). Столь же «очевидно», что сознание можно копировать и записывать на иные носители [4]. Развитая постчеловеческая цивилизация, имея безграничные вычислительные мощности, может создать множество симуляций собственного прошлого. Следовательно, каждый из живущих ныне людей является продуктом программирования, модулем, живущим в мире, созданном анонимными богами будущего. В рамках такого сценария понятия детерминизма, провиденциализма и креационизма не являются плодами мысли адептов монотеистических религий. Если все существующие экономические, политические, социальные и культурные отношения людей суть продукты постчеловеческого гения, то само существование человека как существа, имеющего свободу воли, ставится под вопрос. Мысль о том, что жизнью человека управляют постчеловеческие боги, может породить квиетизм, безразличие к жизни.

Современный словенский философ С. Жижек, рассуждая о фильме «Матрица», писал, что Спаситель Нео, демонстрирующий различные «чудеса» (например, перемещение предметов силой мысли), является Спасителем только в виртуаль-

ном мире [10]. В разрушенном мире, за пределами виртуальной реальности, Нео Андерсон бессилен. Бессилен и человек, чьей жизнью управляет искусственный интеллект, созданный постчеловеческой формацией.

Сценарий «Матрицы» вынуждает признать ничтожество человека перед всемогущим Другим. В небольшом рассказе Ф. Брауна люди спрашивали у Машины, есть ли бог. Машина раз за разом выдавала ответ о недостаточности имеющихся у нее данных. Соединив компьютеры и создав межпланетную сеть, люди вновь спросили, существует ли бог, и получили ответ: «Теперь есть» [6].

Разработка и внедрение НБИК-технологий, исходя из содержания сценария «Матрицы», не является следствием волюнтаризма трансгуманистов. Трансгуманисты – это модули, запрограммированные вести человечество в будущее, к постчеловеческой формации. Мысль Г. Гегеля об абсолютном духе («в себе и для себя сущее и вечно себя порождающее» [7]) отныне имеет вполне определенное значение: постчеловечество, запустившее множество компьютерных симуляций собственного прошлого, создает симуляции трансгуманистов – модулей, проповедующих возникновение постчеловеческой расы. Сценарий «Матрицы» вызывает множество вопросов у человека, критически оценивающего радикальные идеи трансгуманизма. Если все, существующее вокруг нас, и мы сами суть продукты симуляции, то каким образом тогда возникла постчеловеческая формация? Если и она продукт симуляции, то кто, в свою очередь, породил ее? Углубление в эти и другие вопросы представляется излишним, так как существо проблемы граничит со спекуляцией и метафизикой. В дискурсе трансгуманизма сценарий «Матрицы» никогда не рассматривался всерьез. Тому есть простое объяснение: трансгуманисты, по-видимому, не хотят признать свою деятельность частью некоего сценария, написанного «богами» будущего. В уже упомянутой статье Н. Бостром сделал важную оговорку: «Может быть, научное значение симуляций-предков для постчеловеческих цивилизаций является пренебрежимо малым» [4].

2. Допущение альтернативы. Альтернатива, обозначенная Н. Бостромом, фундаментальна несколькими предположениями: а) постчеловек интеллектуально превосходит человека; б) компьютерные симуляции прошлого имеют малую научную ценность

или не имеют вообще никакой ценности; в) разработка компьютерных симуляций прошлого не доставляет удовольствия постчеловеку и не вызывает у него никакого интереса. Иными словами, постчеловек – существо, разительно отличающееся от человека. Возможно, постчеловеку вообще не будет интересна история человечества. Вероятно, существо будущего откроет многочисленные неизвестные человеку способы получения удовольствия, отказавшись от создания различных симуляций. Персонаж американского фантастического фильма 1998 года создал целый мир для обычного мальчика, с самого рождения являвшегося героем reality-show. Миллионы зрителей в режиме on-line наблюдали за жизнью Трумана, окруженного актерами и декорациями. Согласно содержанию альтернативного сценария, постлюди не будут вести себя как создатели «The Truman Show», позволив человечеству покоиться в прошлом.

Таким образом, согласно содержанию первого сценария, жизнь человека управляется неизвестными силами, условно обозначенными как «posthuman». Живущий в сконструированном мире человек (точнее, программный модуль) является элементом программы социальных отношений. Согласно содержанию второго сценария, напротив, человек не является функционально законченной программой с исходным кодом. На этом допущении основываются фактически все современные трансгуманисты.

3. Сценарий «Добрые боги». Данный сценарий назван так благодаря тропу из «Заповедей жизни неочеловека» Д. Ицкова, основателя трансгуманистического движения «Россия 2045»: «Я публикую заповеди жизни неолюдей, которые в далеком будущем могут стать «добрыми богами», учителями и защитниками всего человечества» [11]. Неочеловечество – сообщество бессмертных существ – заселит другие планеты. Моральный кодекс еще не родившегося неочеловека будет предписывать «добрым богам» отказ от «земных радостей» [Там же]. В своем развитии неочеловек пройдет несколько стадий. Первая из них заключается в обретении бессмертия с помощью высоких технологий. Впоследствии неочеловечество распространит свое влияние в космосе, став богочеловечеством. Неочеловечество, полагает Д. Ицков, не будет кастой правителей-мудрецов, руководящих человеческим стадом. В тексте «Заповедей» это неоднократно подчеркивается: «тех, кто боится идти за ним, неочеловек

не осуждает»; «полная свобода для себя, полная свобода для других»; «у каждого свой путь и свобода выбора». Обозначенные суждения перекликаются, например, с идеями анархистов, увлеченных бунтом, мечтающих сломать все социальные барьеры старого строя. По выражению Н.А. Бердяева, «анархическая свобода есть жажда разомкнуть цепь не только природной, но и социальной необходимости» [2, с. 189].

Выраженное М.А. Бакуниным в «Революционном катехизисе» кредо «безусловное исключение всякого принципа авторитета и государственной необходимости» будет соотноситься с кредо неочеловека [1].

Безусловно, связь идей о неочеловечестве с анархистскими учениями может показаться необоснованной. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что пафос «Заповедей» созвучен пафосу анархистских и либералистских идей о свободе как высшей ценности. Невмешательство в земные дела неразрывно связано с параллельным развитием двух мирно сосуществующих цивилизаций – человеческой и неочеловеческой. Именно такое сосуществование, основанное на паритете, взаимном уважении, выражено формулой «у каждого свой путь и свобода выбора». Но какова в таком случае роль обозначенного тропа – «добрые боги»? И в чем выражается ответственность неочеловека за развитие земной цивилизации, согласно тезису 24? Эти вопросы, как и многие другие, остаются без ответа.

4. Сценарий «Бифуркация». По нашему мнению, последний из рассматриваемых в этой статье сценариев можно назвать сценарием «Бифуркация». Реки делятся на две ветви, прорезая ландшафт и образуя территории, отделенные друг от друга. Постчеловек, по мнению В. Прайд (Удаловой), может стать «идеальным» или «монстрообразным». Первый вариант развития событий представлен, например, в дискурсе Д. Ицкова. Второй вариант, по мнению В. Прайд, связан с возникновением враждебного человеку искусственного интеллекта и с выходом нанотехнологий из-под контроля [9].

Без сомнения, обозначенные угрозы действительно возможны. В. Прайд не акцентировала внимание на еще одной потенциальной угрозе – угрозе истребления человечества. Н. Бостром в «Часто задаваемых вопросах по трансгуманизму» писал: «Их дела и стремления могут оказаться так же недоступны нашему пониманию, как обезьяне не понять сложности чело-

веческой жизни» [5]. Постчеловечество, выполняющее ницшеанское предписание («что падает, то нужно еще толкнуть»), может противостоять разумной обезьяне и выйти победителем в этой борьбе. Постчеловек бросит человека, груз прошлого, в отвесную глубину. Не научившись летать, человек должен будет упасть. Сам человек на протяжении истории истреблял себе подобных (завоевание Америки, фронтир, нацизм и т. д.). Вполне возможно, что нынешние цивилизованные люди покажутся варварами существу будущего, имеющему иную систему ценностей, недоступную пониманию человека.

Все обозначенные сценарии будущего фундированы осмыслением перспектив сосуществования человека и постчеловека. Согласно одному из них, человеческая и постчеловеческая цивилизации будут развиваться параллельно. Вероятность автономного сосуществования двух цивилизаций, вероятно, низка. В дискурсе Д. Ицкова нарисован парадный портрет существа будущего, свято чтущего законы и заповеди. В 1888 году Ф. Ницше написал в своем скандально известном «Антихристе»: «Христианство погубило жатву античной культуры, позднее оно погубило жатву культуры ислама» [12]. Эта мысль непосредственно связана с отказом христиан от идеалов Христа, с превратным толкованием учения Отцов. Что же помешает нечеловеку отказаться от заповедей, предписанных человеком?

Трансгуманисты, акцентирующие внимание на технических средствах и технологиях, на достижении практического бессмертия, геной инженерии, нанотехнологиях, когнитивных технологиях, не могут или не хотят осмыслить возможные последствия преклонения человека перед прогрессом. Между тем следует всерьез задуматься над мыслью Б.Г. Юдина: «Процесс умирания человека во все большей мере выступает не только как естественное развитие событий, но и результат решений, которые принимают люди, вооруженные этими технологиями» [19, с. 7]. Не ясны и последствия применения других технологий. Ф. Фукуяма видит в геной инженерии скрытую угрозу. Американский футуролог считает, что природа человека имеет границы и не может беспредельно изменяться. Вооруженные новыми технологиями родители смогут определить судьбу своих детей. Ф. Фукуяма назвал это «путем к младенцам на заказ» [17, с. 113–114]. В этом контексте понятны размышления ученого-футуроло-

га о романе О. Хаксли «О дивный новый мир». В частности Ф. Фукуяма утверждал, что технологическое предвидение О. Хаксли оказалось «изумительно точным» [16, с. 14]. Программируемость человека уже не является темой научной фантастики. В мире О. Хаксли люди имеют глубоко различные физические и интеллектуальные способности. Эти способности программируются посредством воздействия на зародыш. Медицина обслуживает кастовый строй общества будущего. Все фундаментальные и прикладные исследования «дивного мира» ориентированы на поддержание общности, одинаковости (в пределах касты) и социальной стабильности.

Высокие технологии в конечном итоге могут оказаться губительными. Научные фантасты осмыслили угрозы мира Hi-Tech, рисуя мрачные картины будущего. Некоторые философы (например, М. Хайдеггер, Ж. Бодрийяр и др.) тоже писали об угрозах техники и технологий. Обозначенные мыслители глубже проникли в существо проблемы. Как известно, М. Хайдеггер писал, что сущность техники есть «по-став», то есть выведение из потаенности и следующее за этим «состояние-в-наличии» [17]. Техника «ставит» природу и самого человека на путь производства. Человек, включенный в производственные процессы, не является хозяином техники. Высокие технологии (в частности, НБИК) позволяют «вывернуть» человека. Цель применения обозначенных технологий заключается в изучении каждого «атома» человеческого тела и каждой «струны» души. В человеке не должно быть ничего загадочного.

Г.Л. Тульчинский в статье «Слово и тело постмодернизма: от феноменологии невменяемости к метафизике свободы» оперировал понятием телоцентризма [15]. Тело стало внутренним планом содержания. Ментальность, напротив, объявлена внешним, считываемым и деконструируемым планом. Телоцентризм трансгуманизма выражается не только в высокой оценке биотехнологий, но и в пути исследования человеческой природы. Идея «загрузки» основана на вере в то, что сознание можно отделить от биологического субстрата, иными словами, – от глиалий, нейронов и синапсов. Трансгуманисты считают, что природа человека не имеет обозримых пределов пластичности. Более того, в представлении обозначенных трансгуманистов, человек состоит из заменяемых модулей. Модули нужно менять местами, удалять и заменять по мере необходимости.

В дискурсе Ж. Бодрийяра о симулякрах и симуляции влияние высоких технологий на природу человека рассматривалось в контексте символического обмена и функционирования симулякров. Французский мыслитель видел в клонировании «человеческое черенкование до бесконечности» [3, с. 129] и «безумный апофеоз производительной технологии» [3, с. 132]. Человек делится на клетки, каждая из которых может быть источником новой жизни. Понятия субъекта и индивидуума в данном контексте – контексте клонирования и генной инженерии – становятся излишними и «пустыми». Человек включен в производственные процессы не только как средство, но и как продукт. В определенном смысле homo sapiens является объектом манипуляций и может стать типичным изделием высокотехнологического конвейера. Трансгуманисты (даже в рамках последнего сценария), как правило, игнорируют опасность манипуляций с природой человека. В рамках социально-философской и философско-антропологической традиций философы убедительно доказали, что новые технологии требуют глубокого осмысления.

Безразличие ученого к судьбам людей является одной из наиболее острых проблем современного общества. Примером тому послужила беседа американского журналиста и культуролога М. Дери с робототехником Меллонского университета Г. Моравеком. Американский культуролог выразил опасение, что в будущем людям, находящимся на нижних ступенях социально-экономической лестницы, может не остаться места. В ответ на выраженное опасение Г. Моравек отмахнулся, назвав социально-экономические факторы несущественными. Ученого успокаивала мысль о том, что история всегда калечила человеческие жизни и распоряжалась судьбами. Г. Моравек в подтверждение своих слов воспользовался аналогией с вымершими динозаврами: ни одного современного человека не волнует печальная участь тираннозавров. Увлеченный конструированием будущего, робототехник не думает о жизнях миллионов людей. М. Дери обвинил Г. Моравека в том, что отстраненность ученого от людских судеб подобна безразличию олимпийских богов. В ответ робототехник счел сравнение с олимпийским богом за комплимент [8, с. 415].

Воспевая грядущую эру Сингулярности, наука рискует стать антигуманным инструментом в руках технократов. В этом случае

реализуется пессимистический сценарий развития событий. Если даже сами трансгуманисты признают потенциальную угрозу, исходящую от техники и технологий, то опасения биоконсерваторов тем более понятны и предсказуемы. Родившийся на обломках старого мира постчеловек, подобно «странникам» из фантастических миров братьев Стругацких, может руководствоваться «сверхморалью», то есть не понятными и не доступными человеку нормами и принципами.

1. Бакунин, М.А. Революционный катехизис [Электронный ресурс]. URL: <http://ak-protest.narod.ru/revolytkatexiz.htm> (дата обращения: 15.10.2015).

2. Бердяев, Н.А. Новое религиозное сознание и общественность [Текст] / Н. А. Бердяев. М.: Канон+, 1999. 464 с.

3. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция [Текст] / Ж. Бодрийяр. Тула, 2013. 204 с.

4. Бостром, Н. А не живем ли мы в «Матрице»? [Электронный ресурс]. URL: <http://alt-future.narod.ru/Future/bostrom3.htm> (дата обращения: 15.10.2015).

5. Бостром, Н. FAQ по трансгуманизму [Электронный ресурс]. URL: <http://transhumanism.org/languages/russian/faq.html> (дата обращения: 15.10.2015).

6. Браун, Ф. Ответ [Электронный ресурс]. URL: <http://tarranova.lib.ru/translat/b/brown/answer.htm> (дата обращения: 15.10.2015).

7. Гегель, Г.Ф.В. Феноменология духа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/FILOSOF/GEGEL/fenomen.txt> (дата обращения: 15.10.2015).

8. Дери, М. Скорость убогания: киберкультура на рубеже веков [Текст]. М.: АСТ Москва, 2008. 480 с.

9. Емельяненко, В. Постчеловеки идут [Текст] / В. Емельяненко // Профиль. 2007. №31 (539).

10. Жижек, С. Матрица: истина преувеличений [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/zhizhek-s/matrica-istina-preuvelicheniy> (дата обращения: 15.10.2015).

11. Ицков, Д. Заповеди жизни нечеловека [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/opinions/2013/4/3/627133.html> (дата обращения: 15.10.2015).

12. Ницше, Ф. Антихрист. Проклятие христианству [Электронный ресурс]. URL: <http://nietzsche.ru/works/main-works/antihrist/> (дата обращения: 15.10.2015).

13. Прайд, В. Концепция ноосферного (планетарного) постчеловека и технологические предпосылки ее осуществления [Электронный ресурс]. URL: [http://ops.jetstyle.ru/you/kontseptsiia-noosfernogoplanetarnogo-postcheloveka-i-tehnologicheskie-predposylki-ee-osushchestvleniya/original/](http://ops.jetstyle.ru/you/kontseptsiia-noosfernogoplanetarnogo-postcheloveka-i-tehnologicheskie-predposylki-ee-osushchestvleniya/) (дата обращения: 15.10.2015).

14. Субботина, Н.Д. Гуманизм и трансгуманизм [Текст] / Н.Д. Субботина // Гуманитарный вектор. 2012. №3(31). С. 7–8.

15. Тульчинский, Г.Л. Слово и тело постмодернизма: от феноменологии невменяемости к метафизике свободы [Текст] / Г.Л. Тульчинский // Вопросы философии. 1999. №10. С. 35–53.

16. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции [Текст] / Ф. Фукуяма. М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС». 2004. 349 с.

17. Хайдеггер, М. Вопрос о технике [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.mitht.ru/heidegger.htm> (дата обращения: 13.05.2016).

18. Шиловская, Н.С. От общества гуманизма к обществу трансгуманизма? [Текст] / Н.С. Шиловская // *Философия и общество*. 2013. №3. С. 141–150.

19. Юдин, Б.Г. Смерть и умирание в контексте высоких технологий [Текст] / Б.Г. Юдин // *Рабочие тетради по биоэтике Биотехнологическое улучшение человека: гуманитарная экспертиза*. Институт философии Российской академии наук, Сектор гуманитарных экспертиз и биоэтики, Московский гуманитарный университет, Институт фундаментальных и прикладных исследований, Центр биоэтики. Москва. 2014. С. 7–17.

References

1. Bakunin M.A. Revoljucionnyj katehizis, available at: <http://ak-protest.narod.ru/revolytkatexiz.htm> (accessed 15.10.2015) [in Rus].

2. Berdjaev N.A. (1999) *Novoe religioznoe soznanie i obshhestvennost'*. Moscow, Kanon+, 464 p. [in Rus].

3. Bodrijjar Zh. (2013) *Simuljakry i simuljacija*. Tula, 204 p. [in Rus].

4. Bostrom N. A ne zhivem li my v «Matrice»? Available at: <http://alt-future.narod.ru/Future/bostrom3.htm> (accessed 15.10.2015) [in Rus].

5. Bostrom N. FAQ po transgumanizmu, available at: <http://tranhumanism.org/languages/russian/faq.html> (accessed 15.10.2015) [in Rus].

6. Braun F. Otvet, available at: <http://tarranova.lib.ru/translat/b/brown/answer.htm> (accessed: 15.10.2015) [in Rus].

7. Gegel' G.F.V. Fenomenologija duha, available at: <http://www.lib.ru/FILOSOOF/GEDEL/phenomen.txt> (accessed 15.10.2015) [in Rus].

8. Der, M. (2008) *Skorost' ubeganiya: kiberkul'tura na rubezhe vekov*. Moscow, AST Moskva, 480 p. [in Rus].

9. Emel'janenko V. (2007) *Profil'*, no. 31 (539) [in Rus].

10. Zhizhek S. Matrica: istina preuvelichenij, available at: <http://anthropology.ru/ru/text/zhizhek-s/matrica-istina-preuvelicheniy> (accessed 15.10.2015) [in Rus].

11. Ickov D. Zapovedi zhizni neocheloveka, available at: <http://vz.ru/opinions/2013/4/3/627133.html> (accessed 15.10.2015) [in Rus].

12. Nicshe F. Antihrist. Prokljatie hristianstvu, available at: <http://nietzsche.ru/works/main-works/antihrist/> (accessed 15.10.2015) [in Rus].

13. Prajd V. Konceptcija noosfernogo (planetarnogo) postcheloveka i tehnologicheskie predposylki ee osushhestvlenija, available at: <http://ops.jetstyle.ru/you/kontseptsiia-noosfernogo-planetarnogo-postcheloveka-i-tehnologicheskie-predposylki-ee-osushchestvle/original/> (accessed 15.10.2015) [in Rus].

14. Subbotina N.D. (2012) *Gumanitarnyj vector*, no. 3 (31), pp. 7–8 [in Rus].

15. Tul'chinskij G.L. (1999) *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 35–53 [in Rus].

16. Fukujama F. (2004) *Nashe postchelovecheskoe budushhee: posledstvija biotehnologicheskoy revoljucii*. Moscow, AST: Lucks. 349 p. [in Rus].

17. Hajdegger M. Vopros o tehnikе, available at: <http://philosophy.mitht.ru/heidegger.htm> (accessed 13.05.2016) [in Rus].

18. Shilovskaja N.S. (2013) *Filosofija i obshhestvo*, no. 3, pp. 141–150 [in Rus].

19. Judin B.G. (2014) *Smert' i umiranje v kontekste vysokih tehnologij // Rabochie tetrady po bioetike*. Moscow, pp. 7–17 [in Rus].

UDC 130

SCENARIOS OF HOMO SAPIENS AND POSTHUMAN CO-EXISTENCE IN DISCOURSES OF TRANSHUMANISM

Dydrov Artur Aleksandrovich,

South Ural State University,
Associate Professor of the Department
Chair of Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Annotation

The object of the article is discourses of transhumanism and the subject is human and posthuman co-existence. The main scenarios of homo sapiens and posthuman co-existence are considered. Transhumanists hardly place greater focus both on dehumanizing scientific power and possible negative consequences of human and posthuman cooperation. Nevertheless, the aspect of possible destructive posthuman attitude towards human needs considering more thoroughly.

Key concepts:

transhumanism,
power,
posthuman,
future,
NBIC-technologies.

УДК 111:343.25:141.43

ИДЕЙНО- МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТОТАЛИТАРНЫХ УЧЕНИЙ В ФИЛОСОФСКОЙ ПРОГРАММЕ ДРЕВНЕЙ СТОИ

Лященко Максим Николаевич,
Оренбургский государственный
университет,
доцент кафедры философии науки
и социологии,
доцент, кандидат философских наук,
г. Оренбург, Россия.
E-mail: megamax82@rambler.ru

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме истоков тоталитарного учения в Древней Стое как одной из влиятельных философских программ Античности, оказавшей решающее влияние на последующее развитие философской мысли. В статье выявляются философские основания тоталитаризма в стоическом пантеизме, ставшим мировоззренческим фундаментом идеи о поглощении и подавлении личности системой («Целым») даже ценой ее жизни.

Ключевые понятия:
тоталитаризм,
пантеизм,
«Целое»,
Логос,
Судьба.

Тема тоталитарных учений и идеологий занимает особое место в современных научно-философских исследованиях, являясь достаточно востребованной. Особое внимание в историко-философском изучении развития прототалитарных идей отводится центральным фигурам Античности – Платону и Аристотелю, или же философам XIX века, сыгравшим определяющую роль в окончательном оформлении тоталитарных учений (Гегелю, Ницше и др.). Стоицизм остается особняком, или его вообще обходят вниманием; он, как правило, выпадает из основной логики анализа развития тоталитарной проблематики, либо разбирается недостаточно глубоко. Но в эпоху глобализации, когда деперсонифицируется человеческая личность и цивилизационный мир превращается в единую систему, в неявном виде существует скрытая угроза возобладания механизмов в развитии глобальной государственности, которые приведут к переустройству ее на тоталитарных началах.

Пантеизм являлся главным, концептуальным ядром философского учения Древней Стои, базировавшегося на положении, что все существующее представляет собой универсальное единое тождество, или, другими словами, всеобщую тождественность всего в одном и одного во всем. Поэтому важная роль отводилась диалектике – учению о «связи всех вещей, находящихся в мире, и об их взаимоотношении» [2, с. 38].

В древнем стоицизме мир представлялся единым и целостным бытием, получившем свое выражение в концептуально важном термине «Целое». «Мир един, конечен и шарообразен с виду, потому что такой вид удобнее всего для движения» [1, с. 311]. Внутри этого «Целого» «нет ничего пустого, но все едино в силу единого дыхания и напряжения, связующего небесное с земным» [1, с. 311]. Пустота, по мнению стоиков, – это то, что очерчивает границы Вселенной, позволяет ей быть целостно телесным организмом, имеющим законченный и закрытый вид. Вне пределов «Целого» ничего существовать не может.

«Целое» и пределы, которые оно себе задает посредством заложенной в себе суперпрограммы (Логос), презентует его как саморегулирующуюся суперсистему, где все части, в том числе и человек, генетически и органически связаны с «Целым», которое ставит предел бытию своих частей. Эти условия позволяют «Целому» одновременно быть всеобщим первоначалом и универсальным первопринципом, от которого берут свое начало все силы, действующие в нем и объединяющие все согласующиеся части в нечто единое.

Все части в «Целом» являются его эманациями (проявлениями), порождаемыми природой последнего. «Природой они называются

иногда то, чем держится мир, иногда то, чем порождается все земное. Природа есть самодвижущееся самообладание, изводящее и поддерживающее свои порождения в назначенный сроки по сеятельному разуму, и от чего что взято, так то и творится» [1, с. 313]. Такое понимание «Природы» наталкивает на ее отождествление с «Логосом» (суперпрограммой), которая «есть искуснический огонь, движущийся по пути к порождению, то есть дыхание, огневидное и искусническое...» [1, с. 316]. Больше того, термин «Природа» справедливо можно отождествить с «Богом» и Судьбой, которые в стоицизме имели тождественное значение [1, с. 310].

«Бог» – «творец *целокупности*, и слово бы родитель всего: *как вообще, так и в той своей части*, которая *пронизает все*; и по многим своим силам он носит многие имена» [1, с. 313]. В самой логике пантеизма «Природа» и «Бог» автоматически отождествляются. Такой прием нам демонстрирует и Спиноза. В стоическом пантеизме ситуация схожа, только другие основания, но логика остается той же: «Целое», «Природа» и «Бог» тождественны, они одно. «Целое» находит основание в себе самом, а части – только в нем, но никак не в себе. Таким образом, «Целое» предстает как Абсолют, совершенное и необусловленное начало.

Структура «Целого» задается его суперпрограммой (Логосом), которая детерминирует не столько извне, сколько изнутри. Все сущее программируется Логосом (Бог), который является сущностью, т.е. «*перво-веществом всего сущего*. ... Вещество есть то, из чего возникает все» [1, с. 314]. Вещество (по сути, материя), как полагают стоики, является неотъемлемым и единым целым с сущностью (субстанцией). Мир – это развернутое состояние суперпрограммы «Целого», реализовавшееся в упорядоченное построение, «включающее небо и землю с их естествами ... т.е. богов, людей и все возникшее для них» [1, с. 310]. Боги, люди и все «вещи» есть производные части «Целого». «Целое» неотделимо от своих частей, они органические составляющие первого, и вне него существовать не могут. Стоицизм следует программе натурфилософии, которая в метафизическом плане уподобляла человека «вещи», растворяя антропологию в онтологии и космологии [4, с. 330].

Э. Брейер прав, говоря о единстве начала и причины как ведущего принципа стоической философии: «Этот принцип одинаково действителен как в отношении всего мира, так и в отношении малейшей частной вещи» [9, с. 5.]. «Бог», или «Целое», является причиной самого себя, своего развертывания, внутренним и производящим принципом,

действующим изнутри. «Целое» – внутренне активная сила, определяющая структурный порядок внутри себя и внутренне охватывающая все вещи в единое целостное бытие. Как главный и основополагающий принцип, «Целое» внутренне все связывает в себе и все замыкает внутри себя, *тотально подчиняя все своей суперпрограмме*. Таким образом, любую часть «Целого» можно считать обусловленной последним. Закономерно, что учение Древней Стои в философских взглядах Марка Аврелия и Сенеки приобретает окончательные фаталистические черты, т.е. черты тотального программирования бытия. В таком плане все люди, несмотря на свой статус в социуме, считаются «рабами», осознавая свое рабское бессилие перед суперпрограммой «Целого» (Судьбой).

Внутренняя детерминация частей «Целым» получает четкое и явное выражение в обещающем понятии «пневма», характеризующим пантеистическую направленность учения Древней Стои. Понятием «пневма» обозначается имманентность «Бога» вещам. «Пневма» имеет, с одной стороны, физические образы (эфир, небо, солнце), а с другой – теологическую категоризацию («Бог», «Логос»). Поэтому «Бог» присутствует во всех частях мира, а правильнее было бы сказать, что *он и есть все в мире, он и есть сам этот мир*. «Ибо ум пронизывает все части мира, как душа – все части человека» [1, с. 310]. Благодаря «пневме» объясняется упорядочивание, стабильность, целесообразность, детерминация и саморегулирование «Целого». «Целое» предстает у стоиков как саморегулирующаяся целостность («Природа» и «Зевс»), которая самозапрограммирована («Логос», «Зевс») и действует уже по «запланированной программе» («Судьба», «Зевс»), целью которой является самосуществование и самосовершенствование («Зевс»). Естественно, что для стоиков мир – «это живое существо, разумное, одушевленное и мыслящее» [1, с. 311; 312].

Такое положение вещей в мире, когда «Целое» имманентно частям, проявляется через них, а части в свою очередь детерминируются «Целым» (системой), реализует идею тождества микро- и макрокосма, заложенную еще в натурфилософии. «Пневма» – это душа, закладывающаяся в качестве «микропрограммы» (природы) в вещи и устанавливающая пределы ее становления, при этом «синхронизируя» их с установками суперпрограммы «Целого». Как правило, в тоталитарных государствах и не только такие «микропрограммы», как проявление «суперпрограммы», закладываются с самого детства, только в тоталитарных системах они контролируются более строго и более жестко. Самое главное, чтобы человек считал ее

органической и правильной установкой для себя без доли сомнения. Необходимо, чтобы он полностью отождествлял себя с «Целым» (государством). Все части при тоталитарном режиме должны быть единым целым и ощущать реально подлинное единство, растворяясь без остатка в «Целом». Контроль через внутренние установки сознания человека является самым действенным способом управления при тоталитаризме, которые закладываются в сознание людей, определяя их образ мыслей и действий, благодаря средствам массовой информации.

В какой-то мере стоической «Логос» можно сравнить с искусственным интеллектом, хотя следует сразу оговориться, что «Логос» для стоиков естественный интеллект. В эпоху всеобщей компьютеризации и интернизации информационное пространство становится единым, а ценностные образцы унифицируются, и расхождение между ними исчезает. В конечном итоге глобализация направлена на образование единого ценностно-нормативного поля, в котором господствует искусственный интеллект – хранитель и распространитель ценностей, который позволит «жить в согласии с природой» [1, с. 295]. Иными словами, это означает полное подчинение всех стран одному государству и передаче контроля за ходом мировой истории и развитием стран в отдельности. Так сказать, свести все многообразие культурных, социальных и политических форм к одному-единственному образцу устройства. К чему стремятся США и американский капитал. А искусственный интеллект является основным средством в достижении этой цели. Он позволяет тотально контролировать личную жизнь человека, навязывать необходимый образ мыслей и действий.

Искусственный интеллект, как и стоический «Логос», направлен на приведение «Целого» в саморегулирующуюся и гармоничную систему, но ни в коем случае не подвергаемую перестройке. «Целое», как и тоталитарное государство, перестраивается только исключительно для совершенствования и гармонизации себя, исключая возможность всякого внешнего влияния (флуктуаций). «Ведь единая гармония проникает все. И подобно тому, как из всех тел слагается мир – совершенное тело, так и из всех тел слагается судьба – совершенная причина» [2, с. 93]. Таким образом, «Целое» – это основа, связующая генетически, пространственно-темпорально, структурно-организационно и функционально все свои части. «Ведь природа Целого есть природа сущего» [2, с. 153].

«Судьба» все вещи замыкает во всеобщую сеть выстраивающихся причинно-следственных рядов, в которой всем вещам

отводится свой удел, согласующийся с суперпрограммой «Целого». В выстраивающихся причинно-следственных рядах части согласуются с «Целым», т.е. функционально считаются «пригодными», так как отвечают центральному этическому принципу этики стоицизма: «... конечная цель – это жить согласно с природой, это то же самое, что жить согласно с добродетелью: сама природа ведет нас к добродетели» [1, с. 295]. Понятия «Природа», «Логос» и «Судьба» в таком контексте отождествляются. «Природа есть самодвижущееся самообладание, изводящее и поддерживающее свои порождения в назначенные сроки по сеятельному разуму» [1, с. 313]. Судьба частей согласуется с судьбой «Целого», природа частей заложена суперпрограммой «Целого», ставящей сроки частям. Наша беда не приходит извне: она в нас, в самой нашей утробе [6, с. 115]. Неслучайно античный человек безумно верил в судьбу, сделав это понятие центральным.

Судьба, связывая все части, уготовливает им единое предназначение: одну судьбу на всех. Неслучайно эту мысль и выразил Сенека: «Каждого из нас ведет судьба, и с первой минуты рождения определено, сколько кому осталось жить. Одна причина ведет за собой другую, длинная цепь событий определяет всякое происшествие и частной, и общественной жизни» [7, с. 99]. И этой судьбой зовется «Целое». Если «Целое» для частей выступает судьбой, то она является их началом и их концом. «Целое» по отношению к частям имеет онтологическое первенство. Приоритет высших форм бытия над низшими в общей архитектонике бытия является константой античной философской мысли. Поэтому эволюционный путь развития – от низших к высшим формам – отрицался античными мыслителями. Без высших форм ни существовать, ни функционировать низшие формы не могут. Низшие формы бытия предназначены для высших, для их совершенства и отлаженного функционирования. В стоицизме «низшее существует ради высшего, цель – совершенство целого, и чем значительнее целое, тем существеннее цель» [5, с. 156]. «Целое» представляется самоцельной и самодостаточной системой. «Целому» по природе предназначено существование только ради себя. Бытие составляющих частей «Целого» не представляет никакой ценности вне него, и только для «Целого» они представляют какую-либо ценность. Краеугольным камнем тоталитарного режима является онтологический аргумент: приоритет «Целого» (космоса, судьбы, государства, общества) перед своими частями (личностями). Ценность личности определяется исключительно выполнением её функции на благо «Целого».

«Целое» детерминирует себя, а значит и все свои части. Человек предстает безвольным существом в такой закрытой и замкнутой системе, как «Целое». В силу такого состояния человек абсолютно запрограммирован. Любое отклонение от заложенного порядка строго карается – смертью. Человек, как это было и в тоталитарных государствах, признается незначительной и «малой» частью «Целого», которому остается только смириться с этой участью. Поэтому при фашизме и сталинизме гражданам ничего больше не оставалось, как смиренно принимать смерть и уходить в небытие, осознавая свою обреченность и ненужность. Любая кара и наказание, вынесенные человеку от «имени» «Целого» (государства), должны восприниматься справедливыми, и не должны быть и доли сомнения в неправомерности вынесенного приговора. В «тотальном рационализме» Древней Стои «жизнь человека и сам человек превращаются в несущественное обстоятельство» [3, с. 74]. Такую констатацию находим у стоиков: «все человеческое есть дым, ничто» [2, с. 178]. «Вспомни о сущности в ее целом: в какой ничтожной доле ты участвуешь в ней: о времени в его целом, от которого тебе уделен лишь краткий и мимолетный срок: о судьбе: какой незначительной единицей ее ты являешься» [2, с. 100]. Таким образом, в таких тотальных системах бытия, как «Целое», стираются лично индивидуальные черты, человек лишается свободы выбора, альтернативы в мышлении и ответственности. Поступок тогда оправдан, когда совершен на благо «Целого». Закономерно, что смертные казни без суда и следствия, массовые смертные приговоры, линчевания начинают применяться в пределах тотального «Целого» и автоматически распространяются на все части, вошедшие в состав «Целого» при разных обстоятельствах. Миллионы граждан оккупированных фашистами стран подверглись казням и массовым расстрелам.

Трансцендировать за границы «Целого» было невозможно, так как рождение и гибель частей детерминируется системой. В «тоталитарном рационализме» любое отклонение от суперпрограммы (готовой и правильной схемы) должно караться. Идеалом считается «машиноподобный» человек, бездумно выполняющий готовые программы «Целого», действующий в соответствии с природой «Целого» без доли сомнения. Таким примером является мудрец, жизнь которого представляется счастливой и «в которой все совершается согласно с божеством каждого и служит воле всеобщего распорядителя» [1, с. 295]. В стоицизме, таким образом, человек предстает пассивным, имеющим полное «алиби в бытие». Система всегда оправдывает

его действия, даже антигуманные и безнравственные, если это разрешено системой.

Также концепт «Судьбы» связывает «Целое», части («тела-эманации») единой сущностью. Главной характеристикой всего, в том числе и «Целого» как Космоса, является его смертность (свернутое состояние субстанционального «Целого»). «Мир, по их учению [стоиков], подвержен гибели как все, имеющее начало: таковы ведь и чувственно воспринимаемые вещи. Когда подвержены гибели части, то *подвержено и целое*, но части мира подвержены гибели, ибо переходят друг в друга; стало быть, подвержен и гибели весь мир» [1, с. 311]. И только «начала» мира («Целое» в «свернутом» своем состоянии вместе с программой будущего своего «развертывания») и пустота вечны, «не возникают и не подвержены гибели» [1, с. 309]; основы (огонь, воздух, вода и земля) и все трансформирующиеся из них «тела» «погибают в обогновении» [1, с. 309]. Таким образом, вещи пребывают в извечном круговороте бытия. Всеобщее тождество и единство позволяет сознанию сливаться до полного и абсолютного нерасчлененного и неразличимого единства с общим порядком вещей.

Логика стоического мышления приобретает следующую форму: если подвержено «Целое» уничтожению, то, следовательно, и его части автоматически подвержены гибели, так как «Целое» имманентно частям. Части «Целого» лишены автономности и представляются онтологически несамостоятельными. Они пассивны. Поэтому исключительно «Целому» решать исход любой своей части. «Выключение» из структуры или «включение» в структуру той или иной части – исключительно прерогатива «Целого», а не самих частей. Человек должен в «тоталитарном рационализме» осознавать себя органической и незначительной частью нечто огромного, совершенного. Разумным шагом было слепо отдать свою жизнь за сохранение и стабильность «Целого», а вот если бытие «Целого» будет разрушено, то и части автоматически перестанут существовать. Без «Целого» и нет частей, так как бытие «Целого» – это и есть бытие частей. Поэтому и страх перед реальностью у стоиков отсутствует. Они же представляли человека инертной, несовершенной и незначительной частью «Целого» [8]. Такое положение человека объясняется спецификой пантеизма, заключающейся в «смешении» «Целого» и его частей до абсолютного и полного тождества. Часть не обладает какой-либо уникальностью и теряет свою значимость вне рамок «Целого». Так жизнь, смерть человека, включены в вечный круговорот бытия «Целого».

Таким образом, стоическая концепция мира представляет собой «тотальный рационализм», в котором мир предстает как закрытое и замкнутое «Целое», которое линейно и строго детеминировано. Человек включен в тотальную целостность как его органическая часть, которая выступает в виде пассивной и инертной экзистенции, лишенной экзистенциальной перспективы и выхода на будущие программы-цели, выбранные лично и ответственно. Он фатально охвачен «Целым», которое абсолютно его программирует, в том числе его жизнь и смерть.

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. [Текст] / Диоген Лаэртский. М.: «Мысль», 1979. 620 с.

2. Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления / пер. с греч. С. Роговина. [Текст] / Марк Аврелий. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 224 с.

3. Тульчинский, Г.Л. Разум, воля, успех: О философии поступка [Текст] / Г.Л. Тульчинский. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990. 216 с.

4. Фрейденобург, О.М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / О.М. Фрейденобург. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 330.

5. Цицерон. О природе богов [Текст] / Цицерон. // Философские трактаты (Памятники философской мысли) / Пер. с латинского М.И. Рижского. М.: «Наука», 1985. С. 60–190.

6. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию [Текст] / Сенека Луций Анней; пер. с лат., вступит. ст., коммент. С. Ошерова. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2013. 352 с.

7. Сенека Луций Анней. Философские трактаты / пер. с лат., вступ. ст., коммент. Т.Ю. Бородай. [Текст] / Сенека Луций Анней. СПб.: Алетейя, 2001. 400 с.

8. Чанышев, А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии [Текст] / А.Н. Чанышев. М.: Высш. шк., 1991 512 с.

9. Brihler, I. La theori des incorporels dans l'ancien stoicisme, 2. ed. [Text] / I. Brihler. Paris, 1928; 1970. 155 p.

References

1. Diogen Lajertskij (1979) O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenitih filozofov. Moscow, «Mysl», 620 p. [in Rus].

2. Mark Avrelij (2012) Naedine s soboj. Razmyshlenija / per. s grech. S. Rogovina. Sankt-Peterburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 224 p. [in Rus].

3. Tul'chinskij G.L. (1990) Razum, volja, uspeh: O filosofii postupka. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 216 p. [in Rus].

4. Frejdenburg O.M. (1998) Mif i literatura drevnosti. Moscow, Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, p. 330 [in Rus].

5. Ciceron (1985) O prirode bogov // Filosofskie traktaty (Pamjatniki filosofskoj mysli) / Per. s latinskogo M.I. Rizhskogo. Moscow, « Nauka », pp. 60–190 [in Rus].

6. Seneka Lucij Annej (2013) Nravstvennye pis'ma k Luciliju; per. s lat., vstupit. st., komment. S. Osheroва. Sankt-Peterburg, Azbuka: Azbuka-Attikus, 352 p. [in Rus].

7. Seneka Lucij Annej (2001) Filosofskie traktaty / per. s lat., vstup. st., koment. T.Ju. Borodaj. Sankt-Peterburg, Aletejja, 400 p. [in Rus].

8. Chanyshev A.N. (1991) Kurs lekcij po drevnej i srednevekovoj filosofii. Moscow, Vyssh. shk., 512 p. [in Rus].

9. Brihler I. (1928; 1970) La theori des incorporels dans l'ancien stoicisme, 2. ed. Paris, 155 p. [in Eng].

UDC 111:343.25:141.43

IDEOLOGICAL AND METAPHYSICAL BACKGROUND OF TOTALITARIAN THEORIES IN PHILOSOPHIC PROGRAM OF ANCIENT STOA

Lyaschenko Maksim Nikolaevich,

Orenburg State University,

Associate Professor of the Department
Chair of Philosophy of Science and

Sociology,

Associate Professor, Cand. Sc. (Philosophy),
Orenburg, Russia.

E-mail: megamax82@rambler.ru

Annotation

The article deals with the aspect of background of totalitarian theories of Ancient Stoa as one of the influential philosophic programs of antiquity having a determining impact on the following development of philosophic thought. The article points out philosophic foundations of totalitarianism in stoic pantheism which became a worldview basis of the idea of absorbing and suppression of the personality by the system (“the whole”) even at the expense of life.

Key concepts:

totalitarianism,
pantheism,
“the whole”,
Logos,
Destiny.

УДК 81.1

ЯЗЫК И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Ермаков Валерий Иванович,

Университет российской
академии образования,
Челябинский филиал,
кандидат философских наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: ermackov.valerij2015@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается влияние изменений в научном языке на структуру научного поиска.

Ключевые понятия:
лингвистический поворот,
язык науки,
теория,
К. Поппер,
И. Лакатос,
Г. Фреге,
парадокс.

В XX веке появление таких фундаментальных теорий, как теория относительности и квантовая теория, изменило основное содержание научной деятельности, её стандарты и критерии. Значительные изменения произошли в стиле философствования, что выразилось прежде всего в повышенном интересе к языку. Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Г. Фреге были убеждены, что всякое знание о мире существует лишь тогда, когда оно выражено посредством языка, из чего следует, что описание познавательных процедур и понимание структуры реальности можно получить при условии, если исследовать язык. Возникло философское направление, получившее название «лингвистический поворот».

Более рельефно философский анализ был представлен в лингвистике, где Э. Сепир и Б. Уорф, опираясь на этнографические исследования, сформулировали концепцию «лингвистической относительности», согласно которой язык не выражает структуру мира, а формирует образ мира человека, использующего язык. Вопрос о «реальности самой по себе» уходит на второй план, и основной функцией языка становится не выражение знаний о мире, а обеспечение коммуникации между людьми в обществе.

Из основных особенностей «лингвистического поворота» в контексте управления научными исследованиями важное значение имеют две:

- стремление рассматривать язык как онтологическое основание научных исследований;
- замена понятия истинности понятием осмысленности, обращение к исследованиям смысла и значения.

Что даёт науке утверждение Л. Витгенштейна о том, что «границы моего языка означают границы моего мира» [1, с. 174]?

Прежде всего это может быть воспринято как требование быть более точным в выражении своих мыслей: точность определений обеспечивает качество интерпретации данных экспериментов. Совпадение между программой Л. Витгенштейна и исследованиями самих учёных очевидно, если учесть замечание А. Эйнштейна о том, что признание явления в качестве факта определяет теория. Язык как последнее основание реальности позволяет учёным

интенсивнее развивать понятийный аппарат и, следовательно, обеспечивать оптимальность научного поиска.

Возрастание роли формализации в науке, дающее ей огромные преимущества в исследованиях, имеет свои издержки. Процесс формализации, доведённый до своего логического завершения, сводит к минимуму содержание высказывания и ограничивает те смыслы, которые возможны для человека, интерпретирующего сами высказывания.

В силу сложности и многомерности такого понятия, как «научная коммуникация», его можно представить в следующих измерениях:

- коммуникация благодаря используемым методам исследования, особенно если речь идёт о математических моделях и их роли в становлении научных теорий. Собственно, темпы развития самой науки определяются конкуренцией методов исследования и степенью развития экспериментальной базы;

- значимость математики как универсального языка науки не отменяет роли и значения других языков науки, к которым предъявляются общепризнанные критерии строгости, определённости, работоспособности и т.д.;

- коммуникация в науке осуществляется через такие организационные структуры, как академии наук. Выборы иностранных членов академии основываются на признании значимости работ учёного для науки как универсального явления, не знающего языковых границ;

- коммуникация в науке приобретает особую роль во время научных революций, когда с особой остротой встаёт проблема соизмеримости теорий и способности учёных договориться о значениях терминов;

- коммуникация в науке существует в пределах такого феномена, как научная культура;

- коммуникация в науке осуществляется как научная деятельность и представлена в обсуждении выдвигаемых гипотез, возможности их экспериментальной проверки, конкуренции теорий и т.д.

Во всех перечисленных измерениях всегда возникает вопрос о правомерности используемых методов исследования в сложившихся условиях познания. Ответом

на поставленный вопрос, по сути, является вся история науки. Так, при становлении квантовой механики никого не смущало то, что и матричная, и волновая механика приводили к одинаковым результатам, а превосходство одной теории над другой было второстепенным вопросом, связанным с удобством вычислений.

Для тех, кто занимается фундаментальными исследованиями, вполне нормальной ситуацией является то, что одну и ту же физическую систему вы можете описать с математической точки зрения совершенно разными уравнениями.

Здесь нет и намёка на «администрирование», здесь присутствует желание исследователя найти наиболее совершенный математический язык для описания того, что учёный подразумевает под физическим явлением. В любом случае определение границ истинности теории влечёт за собой закрепление коммуникативного статуса исследователя: его роль в поиске вынуждает его выбирать наиболее точный и содержательный язык, выражающий полученный научный результат.

Любая теория понятна научному обществу лишь в отношении к конкретной проблемной ситуации, и её можно обсуждать, только анализируя данное отношение [3, с. 332]. Но тогда для успеха научной коммуникации необходимы некоторые важные условия.

Во-первых, правомерно ли говорить о «степени истинности теории» [3, с. 387]? К. Поппер предлагает 6 типов ситуаций, или случаев, которые позволяют говорить об этом:

- вторая теория даёт более точное определение, чем первая, и это более точное определение выдерживает более жёсткие проверки;

- вторая теория учитывает и объясняет большее количество фактов, чем первая;

- вторая теория описывает или объясняет факты более подробно, чем это делает первая;

- вторая теория выдержала те проверки, которые не выдержала первая;

- вторая теория предложила новые экспериментальные проверки и выдержала эти проверки;

- вторая теория объяснила или связала различные проблемы, которые до её появления не имели между собой связи.

Значение предложенных выше типов ситуаций состоит в том, что мы позволяем себе говорить о степени истинности теории для её более точной характеристики, но сложность проблемы заключается в том, что когда мы сравниваем две теории, возникает соблазн привести их к общему знаменателю, т.е. перевести обе сравниваемые теории на некий общий для них язык. Однако такая процедура не нашла убедительного подтверждения. Можно на какое-то время спасти опровергаемую теорию, если проделать соответствующую подгонку, манипуляцию с тем контекстом, с которым она связана, но это не спасает данную теорию в целом.

Второй аспект анализа теории состоит в том, чтобы выяснить её плодотворность, т.е. попытаться ответить на вопрос, насколько она лучше, чем другие теории, решает возникающие в науке проблемы. С этой точки зрения К. Поппер выдвигает следующий тезис: скорее всего, вероятное высказывание будет неинтересно, ибо оно говорит очень мало и не имеет объяснительной силы, а учёные нацелены на интересные теории, которые будут невероятными, но плодотворными [3, с. 103].

При этом К. Поппер отказывается от широко распространённого заблуждения, согласно которому научное объяснение есть сведение неизвестного к известному, и утверждает, что научное объяснение, наоборот, есть сведение известного к неизвестному. Объясняется это следующим образом: каждый новый этап научного поиска требует новых предположений и гипотез, достоверность которых проблематична, т.к. они содержат огромное количество допущений, которые нельзя проверить.

Главная сложность, которая при этом возникает, состоит в следующем: критическая дискуссия изменяет исходную проблему, но оставляет старую терминологию, поэтому побочным результатом подобных дискуссий оказывается изменение значений терминов. Другими словами, осознание проблемности не сразу может быть выражено терминологически точно, поскольку понятийный аппарат имеет некоторую степень инертности, что вынуждает исследователей прибегать к построению новых образов для переформулировки и переопределения базовых понятий и высказываний.

Отсюда третий аспект анализа научности теории: решая проблему, учёные неизбежно делают ошибки, и надо хорошо себе представлять, что ошибка – это часть истины, что она неизбежна в научном поиске, и поэтому вопрос об источниках нашего знания и его истинности необходимо заменить следующим вопросом: «Как найти и устранить ошибку?» [3, с. 50].

Именно поэтому К. Поппер предлагает осуществлять проверку научности теории через процедуру её опровержения: подтверждение своей теории учёному следует принимать во внимание только тогда, когда оно является результатом рискованного предсказания, а на это далеко не каждый учёный пойдёт. Если теория не опровергается, то это, скорее, свидетельствует не о её достоинствах, а о недостатках. Т.е. подтверждение появляется только тогда, когда попытки фальсифицировать теорию оказались безуспешными. Обычно это происходит с помощью введения вспомогательных гипотез, и подобная процедура спасает теорию, но это достигается дорогой ценой: она понижает её научный статус [3, с. 69].

Проблема в значительной мере психологическая, но существует как семантический парадокс: опровержение выступает как подтверждение. И. Лакатос, предлагая методологию исследовательских программ, утверждает, что обыкновенная фальсификация, т.е. опровержение теории, не решает до конца свою задачу, поскольку «решающий эксперимент» не даёт права учёному отвергать теорию только на том основании, что базисные утверждения несовместимы с этой теорией.

Последнее обстоятельство особенно важно, если учесть, что изменились место и роль самого эксперимента. Используемые во многих отраслях науки компьютерные модели реальных объектов позволяют получать информацию, которая не уступает по своему качеству и значимости той информации, которая получена в ходе реальных экспериментов.

Предсказания, сделанные на базе компьютерных моделей, позволяют сократить время, которое раньше тратилось на экспериментальные исследования, следовательно, более точно отделять действительно значимые результаты от второстепенных, что многократно повышает эффективность исследования.

К. Поппер, чтобы преодолеть возможные возражения по поводу односторонности предложенного им принципа фальсификации, обращает внимание на то, что в поисках пределов истинности теории мы организуем рациональную дискуссию, направленную на поиски ошибок, стремясь по возможности устранить большинство из них. Нам это удаётся, если мы выходим за рамки противопоставления «истина – ложь» через процедуру опровержения и избавления от ошибок, выявляем степень правдоподобия, следовательно, реальное значение того вклада, который вносит или в состоянии внести данная теория в решение конкретной проблемы.

Такой подход даёт нам возможность избавляться от псевдообъяснений и хорошо представлять себе достоверность тех посылов, благодаря которым мы делаем определённые выводы, тем более что это неизбежно ведёт к использованию более совершенного языка объяснения и описания. Мы лучше отдаём себе отчёт в том, что наши слова и термины могут совершенствоваться сколь угодно долго, но внимание к их определению позволяет более точно формулировать проблему, следовательно, повышает вероятность того, что наши теории имеют необходимую степень истинности, чтобы успешно интерпретировать и объяснять факты.

Фундаментальной особенностью языковых игр в науке, в отличие от других видов деятельности, является необходимость выявления и анализа тех семантических структур, которые могут иметь самые различные формы и модели выражения и воспроизведения в высказываниях. Дело в том, что различие между истинными и ложными высказываниями содержательно и процессуально представлено в нескольких вариантах: одни суждения могут быть истинными, не будучи доказанными, другие – ложными, имея истинные следствия, третьи – это суждения, которые одновременно являются и ложными, и истинными [2, с. 266].

Если не учитывать это обстоятельство, то можно принять позицию «инструментализма», представители которого не считают теории ни истинными, ни ложными и рассматривают их лишь как «инструменты», используемые для предсказания.

Существует и другая опасность: потеряв надежду точно сформулировать приемлемые критерии оценки истинности теории, апеллировать к тому, что якобы есть группа квалифицированных (современных или соответствующим образом избранных) учёных, которая решает, что считать истинным [2, с. 265]. Научное сообщество, признавая необходимость языковых игр в науке, должно отдавать себе отчёт в том, что они (игры) являются лишь одним из необходимых условий в создании плодотворных теорий, способных объяснять и описывать существующую реальность более точно и содержательно.

В реальном научном поиске, когда приходится разрешать парадоксы, учёные вынуждены считаться с тем, что некоторые из них (парадоксов) необходимо принять за данность или пытаться выразить через известные и работающие понятия. Рассмотрим данную особенность языка науки на примере создания теории множеств.

Г. Фреге при создании этой теории сформулировал *аксиому выделения*. В ней говорится, что каждому свойству назначается множество объектов, которые обладают этим свойством (например, свойству «быть чётным числом» соответствует множество, образованное всеми чётными числами). На первый взгляд эта аксиома кажется банальным утверждением, способным породить какую-либо проблему [5, с. 33]. Чтобы исследовать значимость данной аксиомы, Рассел задал свойство «быть множеством, которое не является членом самого себя» и построил на этом логический парадокс, названный в его честь парадоксом Рассела.

Пусть множество R образовано всеми множествами, не являющимися членами самого себя. Сформулируем следующий вопрос: является ли R элементом самого себя? Если R является членом самого себя, то выполняется свойство, определяющее R . По нему R не является членом самого себя. Это противоречие. Но если R не является членом самого себя, то не выполняется свойство, определяющее R . Следовательно, если не выполняется свойство, R всё-таки является членом самого себя. Получается другое противоречие. «*То есть R не может быть членом самого себя, но также не может и не быть им*» [5, с. 34]. Чтобы облегчить восприятие парадокса,

Б. Рассел предложил представить себе, что в некой деревне есть только один брадобрей, бреющий всех мужчин, которые не бреются сами. Но бреет ли он сам себя? Ответ в том, что брадобрей не может бриться сам, но также не может не делать этого.

Парадокс Рассела обращает внимание учёных не только на необходимость строгого определения понятий в науке, но и последовательно и системно разрешать возникающие противоречия в мысли: ведь именно их анализ даёт импульсы для развития науки. Языковые игры в науке призваны соотносить важнейшие характеристики научного знания: истинность, доказуемость, непротиворечивость и т.д.

Особенную роль в научной коммуникации сыграла теорема К. Гёделя о неполноте. Очевидно, что аксиомы – это истинные утверждения, гарантирующие истинность всех высказываний, которые можно будет доказать на их основе, поскольку из истинных предпосылок (при правильных методах рассуждения) можно сделать только истинные выводы. Но отсюда не следует, что все истины доказуемы.

Предположим, что мы имеем высказывание, которое говорит о самом себе, что оно недоказуемо (в дальнейшем слово «доказуемый» всегда должно пониматься как «доказуемый на основе предложенных аксиом»). Докажем, что высказывание является недоказуемой истиной. Для начала заметим, что высказывание G либо истинно, либо ложно. Если бы G было ложно, в связи с тем, что в G говорится о самом себе, можно было бы сделать вывод, что G доказуемо. Следовательно, G было бы одновременно ложным и доказуемым, но это невозможно (ведь мы сказали, что, исходя из истинных аксиом, можно доказать только истинные высказывания). Следовательно, G не может быть ложным, следовательно, G истинно, и согласно тому, что оно говорит о самом себе, оно недоказуемо. Так мы делаем вывод, что G – истинное и недоказуемое высказывание [5, с. 68].

Для человека, мыслящего в рамках обыденного опыта, утверждение о том, что истинное высказывание может быть недоказуемым, является абсурдным. Но после появления квантовой механики положение

изменилось. Если в классической физике свойства предметов не зависят от того, каким образом мы их измеряем, то в квантовой физике на смену принципу детерминизма приходят квантовые вероятности. И начинаются терминологические споры: как обозначить ситуацию, когда определённые пары величин нельзя одновременно измерить с произвольной точностью: неопределённость, неточность, недетерминированность. Различные сочетания этих слов обозначают одно и то же.

Особенности научной коммуникации объясняются тем, что когда несколько учёных одновременно работают над одной задачей, они могут найти решение независимо друг от друга и даже предложить совершенно разные формулировки основной идеи новой теории [4, с. 83]. Проблема в том, как найти нужные слова и понятия, чтобы описать любопытную физическую ситуацию, крайне сложную для понимания. Вообще, что означает «понимание» физических явлений?

Слово «неопределённость» подразумевает, что субъект не имеет чётких знаний о чём-либо. На этом основании некоторые ученые утверждают, что неравенства Гейзенберга накладывают ограничения на субъективные знания о природе, но ничего не говорят о самой природе. Тогда следующим шагом в этих рассуждениях может стать *отрицание объективного знания вообще* [4, с. 107].

Для определения термина «неопределённость» В. Гейзенберг использовал слово *Ungenauigkeit*, что переводится как «неточность», т.е. речь идёт о результатах измерения. Смысл неравенств Гейзенберга заключается в том, что эта точность не может быть достигнута при одновременном измерении величин [4, с. 107 – 108].

Физиков подобная ситуация не смущает, так как их исследования либо подтверждаются экспериментально, либо обоснованы непротиворечивостью самой теории. Языковые игры, позволяющие объяснять квантовые явления, используя понятия классической физики, – это уже за пределами интерпретации экспериментов и не нарушает коммуникации между учёными, а наоборот, делает эту коммуникацию более содержательной и научно строгой.

1. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат [Текст] / Л. Витгенштейн. М.: Канон РООИ «Реабилитация», 2008. 288 с.

2. Лакатос, И. Методология исследовательских программ [Текст] / И. Лакатос. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. 380 с.

3. Поппер, К. Предположения и опровержения: Рост научного знания [Текст] / К.Р. Поппер. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 638 с.

4. Существует ли мир, если на него никто не смотрит? Гейзенберг. Принцип неопределённости [Текст] // Наука. Величайшие теории: выпуск 3: М.: Де Агостини, 2015. – 176 с.

5. У интуиции есть своя логика. Гёдель. Теоремы о неполноте. [Текст] // Наука. Величайшие теории: выпуск 17. М.: Де Агостини, 2015. – 168 с.

References

1. Vitgenshtejn L. (2008) Logiko-filosofskij traktat. Moscow, Kanon ROOI «Reabilitacija», 268 p. [in Rus].

2. Lakatos I. (2003) Metodologija issledovatel'skih programm. Moscow, OOO «Izdatelstvo AST»: ZAO NPP «Ermak», 380 p. [in Rus].

3. Popper K. (2004) Predpolozhenie i oproverzhenie. Moscow, OOO «Izdatelstvo AST»: ZAO NPP «Ermak», 638 p. [in Rus].

4. Sushhestvuet li mir, esli na nego nikto ne smotrit? Gejzenberg V. Princip neopredel'jonnosti (2015) *Nauka. Velichajshie teorii*, vypusk 3, Moscow, De Agostini, 176 p. [in Rus].

5. U intuicii est' svoja logika. Gjodel'. Teoremy o nepolnote (2015) *Nauka. Velichajshie teorii*, vypusk 17, Moscow, De Agostini, 168 p. [in Rus].

UDC 81.1

LANGUAGE AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Ermakov Valerij Ivanovich,

University of the Russian Academy of Education, Chelyabinsk branch, Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: ermackov.valerij2015@yandex.ru

Annotation

The article considers the impact of changes in scientific language on the structure of scientific search.

Key concepts:

linguistic turn,
language of science,
theory,
K. Popper,
I. Lakatos,
G. Frege,
paradox.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объёмом не более 19.100 знаков, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учёбы), занимаемая должность, учёная степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учёбы, учёная степень, учёное звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);

г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трёх–шести месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берёт на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.

Адрес в Интернете: siv74.ru

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIMUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a. Concise (2–3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author.

b. Keywords (under 5).

c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3–6 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run through the «AntiPlagiat» system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308. Tel. 8(351) 771-42-30

Website: siv74.ru

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

* При отступлении от установленного объёма статья может быть отклонена.

*A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.